

В ПЕРВЫЕ В РОССИИ МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР № 1

LEFT ОСКВЕРНЕНИЕ BEHIND[®]

АНТИХРИСТ

ВОСХОДИТ

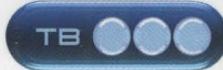
НА ПРЕСТОЛ

60 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ГАЗЕТА
TAIWAN
BAGS

LEFT BEHIND®

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАЛДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВИЕ

Окончательная победа

Узнайте больше о серии **LEFT BEHIND®** на сайте www.Leftbehind.ru

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ОСКВЕРНЕНИЕ

АНТИХРИСТ

ВОСХОДИТ

НА ПРЕСТОЛ

 КНИГОВЕК™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

*Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ*

- ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.**
Л29 Осквернение: Роман / Пер. с англ. Н. Некрасовой. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 480 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0451-3

В девятой книге серии «Left Behind®» — «Осквернение» — действие вновь переносится в Иерусалим. Николае Карпати, в котором воплотился сам Люцифер, готовится осквернить иерусалимский Храм, восстановление которого когда-то озnamеновало начало семилетнего периода Скорби. Этот жест Антихриста, являющийся очередным переломным моментом библейского Апокалипсиса, заставил даже самых преданных Николае людей по-новому взглянуть на действия правителя мира. Теперь человечество вступает в открытую войну со злом, и членам отряда Скорби предстоит спасти тех, кто не захотел добровольно принять печать Зверя.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #9: Осквернение, Russian
Copyright © 2001 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2012 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

Left Behind® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0451-3

© Книжный Клуб Книговек, 2012

*С благодарностью —
Мэрфу, Тимми Маку и Мэри*

*Особая благодарность
Дэвиду Эллену
за профессиональную
техническую консультацию*

СОРОК ВТОРОЙ МЕСЯЦ
ВРЕМЕНИ СКОРБИ.
ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ
ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОЙ СКОРБИ

Верующие:

Рэйфорд Стил, примерно сорок пять лет, летчик, бывший капитан «Боинга-747» компании «Пан-Континентал». Потерял жену и сына во время Вознесений. Бывший пилот потентата Мирового Сообщества Николае Карпати, один из первых членов отряда Скорби. В международном розыске. Находится на задании в Мицпе-Рамон в пустыне Негев, в сердце операции «Орел».

Кэмерон (Бизон) Уильямс, тридцати с небольшим лет, бывший старший репортер «Глобал уикли», бывший редактор «Глобал коммюнити уикли», издания Карпати. Один из первых членов отряда Скорби, издатель интернет-журнала «Истина». Находится инкогнито в отеле «Царь Давид» в Иерусалиме.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Хлоя Стил Уильямс, двадцати с небольшим лет, бывшая студентка Стэнфордского университета. Потеряла мать и брата во время Вознесений. Дочь Рэйфорда, жена Бизона, мать Кенни Брюса пятнадцати месяцев от рода. Заведует управлением делами Международного общества взаимопомощи, подпольной сети верующих. Один из первых членов отряда Скорби. В международном розыске. Скрывается в небоскребе Стронга в Чикаго.

Цион Бен-Иегуда, около пятидесяти лет, бывший ученый теолог-иудаист и израильский политический деятель. Открыто выступил по телевидению с заявлением, что считает Иисуса Мессией. Его жена и двое детей-подростков были после этого убиты. Бежал в США. Духовный лидер и наставник отряда Скорби. Его интернет-аудитория составляет более миллиарда человек в день. Находится с визитом в Петре у уцелевших евреев. В международном розыске. Скрывается в небоскребе Стронга в Чикаго.

Доктор Хаим Розенцвейг, около семидесяти лет. Израильский ботаник и политический деятель, лауреат Нобелевской премии. Бывший Персона года по версии журнала «Глобал уики». Убийца Карпати. Находится инкогнито в отеле «Царь Давид» в Иерусалиме.

Лия Роуз, около сорока лет, бывшая старшая сиделка Мемориального госпиталя Ар-

тура Янга, Палатин, Иллинойс. По поручению отряда Скорби направляется в Мицпе-Рамон.

Хэтти Дюрхем, тридцати с небольшим лет, бывшая бортпроводница компании «Пан-Континентал». Бывшая личная помощница Карпати. По поручению отряда Скорби находится в Израиле.

Аль Б. (Альби), около пятидесяти лет, уроженец Аль-Басры к северу от Кувейта, пилот, бывший международный контрабандист. Помогает Рэйфорду в Мицпе-Рамон.

Давид Хассид, около двадцати пяти лет, высокопоставленный функционер Мирового Сообщества. Считается погибшим в авиакатастрофе. На самом деле направляется в Мицпе-Рамон.

Мак МакКаллам, сильно за пятьдесят. Пилот Карпати. Считается погибшим в авиакатастрофе. На самом деле направляется в Мицпе-Рамон.

Абдулла Смит, тридцать с небольшим лет, бывший иорданский летчик-истребитель, второй пилот «Феникса-216». Считается погибшим в авиакатастрофе. На самом деле направляется в Мицпе-Рамон.

Ханна Пэйлмун, около тридцати лет, медсестра, служащая Мирового Сообщества, счита-

ется погибшей в авиакатастрофе. На самом деле направляется в Мицпе-Рамон.

Минь Той, двадцати с небольшим лет, вдова. Бывшая охранница бельгийского женского реабилитационного центра. Дезертировала из сил Мирового Сообщества, скрывается в небоскребе Стронга в Чикаго.

Чань Вонг, семнадцать лет. Брат Минь Той, агент отряда Скорби в штаб-квартире Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Лукас (Ласлос) Миклос, примерно пятидесяти пяти лет. Угольный магнат. Его жена и его духовный наставник с супругой погибли на гильотине. Скрывается в Греции, в Соединенных Карпатианских Штатах.

Густав Цукермандель-младший (Зик или просто Зи), двадцать с небольшим лет, специалист по подделке документов. Его отец гильотинирован. Находится в международном розыске, скрывается в небоскребе Стронга, Чикаго.

Стив Планк (Пинкертон Стивенс), около пятидесяти, бывший издатель «Глобал уикли», бывший директор департамента по связям с общественностью Карпати. Считается погибшим во время землетрясения — гнева Агнца. Действует под прикрытием среди миротворцев Мирового Сообщества.

Осквернение

Неизвестный, пятнадцать лет. С помощью Альби и Бизона сбежал из центра верности в Птолемаиде в Греции. Местонахождение неизвестно.

Неизвестная, шестнадцать лет. С помощью Альби и Бизона сбежала из центра верности в Птолемаиде в Греции. Местонахождение неизвестно.

Враги:

Николае Джетти Карпати, примерно тридцать пять лет, бывший президент Румынии, бывший Генеральный секретарь ООН, самоназначенный потентат Мирового Сообщества. Убит в Иерусалиме, воскрес в дворцовом комплексе Мирового Сообщества в Новом Вавилоне. Находится с визитом в Иерусалиме.

Леон Фортунато, пятьдесят с небольшим, бывший верховный командующий и правая рука Карпати. Ныне — достопочтеннейший отец карпатианства, провозгласивший потентата богом воскресшим. Вместе с Карпати находится в Иерусалиме.

ПРОЛОГ

Из «Начертания»

— Остается только стучать по дереву, — сказал Мак. — Я видел, как эти «квази» выделявали офигительные штуки, слушаясь только команд системы управления полетом бортового компьютера. Но тут он будет долго идти на автопилоте, и я запрограммировал его на кое-что интересненькое кроме турбулентности.

— Кулаки держать? — спросила Ханна. — Тут только Богу под силу что-то сделать. Нет, вы, конечно, эксперт, капитан МакКаллам, но если эта штука рухнет не в Средиземное море а где-то еще, то скоро обнаружится, что на борту никого не было.

Самолет не падал в море. Нет, это стоящее миллионы ников чудо передовой технологии набирало скорость, выплевывая

языки пламени из работающих на форсаже двигателей и оставляя за собой густой инверсионный след. Круто пикируя с сильным креном, он направлялся на берег примерно в трех четвертях мили южнее толпы.

«Квази», предположительно с экипажем из двух человек и двумя пассажирами на борту, врезался в берег практически перпендикулярно, примерно на скорости звука. Бизон в первый момент был ошарашен точно так же, как и онемевшая от шока толпа. После того как машина исчезла в шаре яростного черно-оранжевого пламени, воздухе еще некоторое время гремел от воя моторов, тошнотворного грохота удара и шипения пламени. А потом воцарилась неестественная тишина.

Бизон бросился к машине, по дороге звоня Рэйфорду:

— Самолет рухнул на берегу. Никто не мог уцелеть. Возвращаюсь к тому, чей глас должен возопить в пустыне.

Бизона удивила необычная оживленность движения, когда он влился в поток машин, медленно продвигавшихся к древнему городу. Он словно бы видел, как его друзья погибли в этом самолете. Он же знал, что там никого не было, но все же подстроенное крушение было таким впечатляющим. Знать бы — это конец или только начало? Можно ли надеяться, что у Мирового Сообщества не хватит времени и возможностей как следует обыскать место крушения? Ну да, как же.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Бизон точно знал только одно: все, что он пережил за эти три с половиной года — цветочки по сравнению с грядущим. Всю дорогу назад он молча молился за всех, кого любил, и за всех членов отряда Скорби. Бизон не сомневался, что воплотившийся Антихрист незамедлительно использует все имеющиеся у него ресурсы, чтобы подавить восстание, которое должно было вспыхнуть на следующий день.

Бизон никогда не поддавался страху, никогда не отступал перед лицом смертельной опасности. Но Николае Карпати был воплощением зла, и завтра, когда на земле начнется сражение Бога и дьявола за души мужчин и женщин и когда развернется ад, Бизону предстоит быть на линии огня.

* * *

«И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чащ гнева Божия на землю.

Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его».

Откровение 16:1—2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рэйфорд спал плохо. Проснувшись, он обнаружил, что свернулся под толстым кольчим одеялом. Он вскочил с койки и выглянул из своего крохотного, сооруженного на скорую руку жилища. Он находился близ Мицпе-Рамон в пустыне Негев.

Солнце отбрасывало неестественные рыбые блики, но вскоре его свет станет беспощадно-желтым и засверкает на песке и камнях. Столбик термометра к полудню переползет за сто градусов по Фаренгейту¹ — очередной обычный день Соединенных Карпатианских Штатов.

Рэйфорд, ввязавшись в самое рискованное предприятие в своей жизни, положился на Бога и чудеса технологии. На временной взлетно-посадочной полосе в пустыне не

¹ То есть выше 40° С

укроешься от орбитальных камер слежения Мирового Сообщества. Рэйфорд и его пестрая компания ощущали себя неуютно. Беглые мятежники десятками прибывали со всех концов света в надежде, что самый отчаянный на свете обман сработает.

Его товарищ в логове врага ввел в базу данных Мирового Сообщества информацию о том, что оживление в районе Мицпе-Рамон связано с повседневными учениями сил МС. Разведка и безопасность должны были хотя бы некоторое время верить в это запредельное вранье, пока Рэйфорд и его многократно увеличившийся отряд Скорби продолжали операцию «Орел». Название было взято из Откровения: «И даны были жene два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полвремени».

Доктор Цион Бен-Иегуда, духовный наставник отряда Скорби, говорил, что эта женщина олицетворяет собой избранный Богом народ, два крыла — воздух и землю, «свое место» — это скальный город Петра. А время — это год, таким образом, «время, времена и полвремени» — это три с половиной года. Змий же — Антихрист.

Все члены отряда Скорби были уверены, что Антихрист и его прихвостни намереваются напасть на израильских последователей Христа, и потому во время их бегства Рэйфорд и его новые единоверцы станут для них службой безопасности.

Стил надел рубашку цвета хаки и шорты и вышел поискать Альби, своего заместителя. Помощники, созванные через Интернет дочерью Рэйфорда, Хлоей, скрывавшейся в убежище в Чикаго, только недавно закончили сооружение взлетно-посадочной полосы. Они работали посменно. Некоторых посвящали в полетные планы те же самые люди, кто проверял их по прибытии на наличие печати верующих, другие же управляли тяжелым оборудованием или были на подхвате как чернорабочие.

— Привет, начальник, — сказал Альби, когда Рэйфорд осматривал ряды вертолетов, реактивных самолетов и даже отдельных винтовых, стоявших на дальнем конце полосы. — Первая миссия выполнена.

Невысокий, смуглый бывший контрабандист, получивший свое прозвище от родного своего города Аль-Басры, носил форму самозваного заместителя командующего Мирового Сообщества. За ним по пятам следовал высокий молодой человек. Он оказался из Калифорнии, что Рэйфорда ничуть не удивило.

— Джордж Себастиан, — сказал высокий крепкий блондин, протягивая огромную лапищу.

— Рэйф...

— О, я знаю, кто вы, сэр, — сказал Джордж. — Тут все вас знают.

— Будем надеяться, что «там» меня не знает никто, — сказал Рэйфорд. — Значит, это вас Альби выбрал для управления вертолетом?

— Э-э-э, ну, в общем, он просил называть его командующим Эльбазом, но — да, сэр.

— И что нас в нем привлекает? — спросил Рэйфорд Альби.

— Опытный. Умный. Умеет управлять вертолетом.

— Это хорошо. Мне хотелось бы получше познакомиться с вами, Джордж, но...

— Если у вас найдется еще минутка, капитан Стил...

Рэйфорд глянул на часы.

— Идемте с нами, Джордж.

Они направились к южному концу взлетно-посадочной полосы. Рэйфорд держал ухо востро, прислушиваясь к враждебным небесам.

— Я быстро, сэр. Мне просто надо рассказать, как это вышло со мной.

— Это?

— Вы же понимаете, сэр.

Рэйфорд любил слушать такие истории, но всему есть свое место и время, а сейчас было не до того.

— Ничего особенного, капитан. У меня был инструктор по вертолетному делу, Джереми Мерфи, который все твердил мне, что Иисус придет, чтобы забрать всех христиан на небо. Конечно, я считал его психом, и даже пару раз напакостил ему за проповедничество на работе. Но он все не отставал. Он был хорошим инструктором, но кроме инструкций я ничего от него слышать не хотел. Я любил жизнь — только что женился, понимаете...

— Конечно.

— Он все пытался затащить меня в церковь, и все такое. Но я ни разу туда не зашел. Затем настал тот самый день. Миллионы людей по всему свету исчезли. Говорят, что я смышеный парень, но я как дурак пытался дозвониться ему, чтобы узнать, не отменяется ли мой урок из-за всего этого хаоса и прочего. Позже тем же вечером я обнаружил его одежду на стуле перед экраном телевизора.

Рэйфорд остановился и окинул Джорджа взглядом. Он хотел бы услышать больше, но время поджимало.

— Вам ведь после этого не пришлось долго думать, не так ли?

Джордж покачал головой.

— Меня просто холодом прошибло. Я так радовался, что не угробился. Я молился, чтобы вспомнить название его церкви. И я вспомнил, но там почти никого не осталось. И все же я нашел человека, который знал, что происходит. Он напомнил мне о том, что говорил Мерфи, и стал молиться со мной. С тех пор я уверовал. И моя жена тоже.

— Со мной было почти так же, — сказал Рэйфорд. — Может быть, у меня найдется время, чтобы вам рассказать об этом. Но...

— Сэр, — сказал молодой человек, — еще секундочку.

— Не хочу грубить, сынок, но...

— Лучше выслушай его, кэп, — сказал Альби.

Рэйфорд вздохнул.

Джордж показал на дальний конец взлетно-посадочной полосы.

— Я привез образцы груза, который прибудет следом, как только полоса сможет принять транспортник.

— Груз?

— Оружие.

— Которого нет на рынке.

— Бесплатно, сэр.

— И все же...

— Нас на базе натаскивали на войну, — сказал Джордж. — Когда Карпати велел всем нациям уничтожить девяносто процентов их оружия и передать остальные десять процентов ему, надо понимать, как все это происходило.

— США сделали самый большой вклад, — сказал Рэйфорд.

— Но я зуб даю — еще больше мы утаили.

— Сколько у вас?

— Возможно, больше, чем вам надо. Хотите посмотреть образцы?

* * *

Давид Хассид сидел на переднем пассажирском сиденье нанятого фургона, держа на коленях свой ноутбук на солнечных батареях. За рулем была Лия Роуз. За ней рядом с МакКалламом сидела Ханна Пэйлмун, а Абдулла Смит растянулся на третьем сиденье. Они всю ночь прятались за скалой в полуто-

ра милях от шоссе, на полпути от аэропорта Воскрешения в Аммане, в Иордании, до Мицпе-Рамон. Меньше всего им улыбалось навести эмэсовцев на операцию «Орел».

Давид нашел в Сети информацию о том, что он, Ханна, Мак и Абдулла до сих пор считаются погибшими при вчерашнем крушении самолета в Тель-Авиве. Но разведка и служба безопасности сейчас буквально просеивали обломки.

— Как скоро они обнаружат, что мы живы и на свободе? — спросила Ханна.

Мак покачал головой.

— Надеюсь, они сделают вывод, что мы буквально испарились в такой катастрофе. Будем молиться, чтобы они обнаружили кусок ботинка или обрывок чего-нибудь, что может сойти за остатки одежды.

— Я не могу дергать Чаня, — ответил Давид. Прозвучало более агрессивно, чем он намеревался.

— Я понимаю, что парень занят, — ответил Мак.

— Сейчас не могу. Он в курсе, что мне нужно знать, что он в порядке.

— Дергаться впустую смысла нет, — сказал Мак. — Глянь на Смитти.

Давид обернулся.

Абдулла сладко спал. Ханна и Лия сменили тему и стали обсуждать организацию передвижного пункта первой помощи на взлетной полосе.

— Мы все вернемся в Штаты, когда операция будет завершена, — сказала Лия.

— Только не я, — ответил Давид, ощущив на себе взгляды остальных. — Я приеду в Петру прежде, чем туда доберутся остальные. Там надо организовать техцентр, и мы с Чанем уже запустили над этим местом спутник на геостационарной орбите.

Зачирикал его телефон, и он снял его с пояса.

— Эй, — услышал он. — Ты знаешь, где я, поскольку я иду по графику.

— Не зачем шифроваться, Бизон. Безопаснее этих телефонов нет на свете.

— Привычка. Слушай, кое-кто не пришел на randеву.

— Говори, кто, Бизон. Если нас должны раскрыть, то это уже случилось.

— Хэтти.

— Она была с Лией в Тель-Авиве. Затем она должна была...

— Я знаю, Давид, — сказал Бизон. — Она должна была встретиться со мной сегодня на рассвете в Иерусалиме.

— Стариk на месте? Он в порядке?

— Перепуган до смерти, но в остальном все хорошо.

— Скажи ему, что мы мысленно с ним.

— Не обижайся, Давид, но он в курсе. А Хэтти — гораздо более серьезная проблема.

— Но ведь у нее есть новые документы, верно?

— Давид! Может не будем об очевидном? Давай все же проблему обсуждать? Она должна была находиться здесь, но я пока ничего о ней не слышал. Я не могу отправиться

на ее поиски. Просто передай всем — если она выйдет на кого-нибудь, то пусть свяжется со мной.

— Она так необходима для твоего задания?

— Нет, — ответил Бизон, — но я не чувствую себя в безопасности, не зная, что с ней.

— Эмсовцы считают ее погибшей, как и нас.

— Возможно, они хотят, чтобы мы так думали.

— Подожди секунду, — сказал Давид, оборачиваясь к Лие. — Что должна была делать Хэтти после того, как вы расстались?

— Выдавать себя за израильтянку, смеясь с толпой в Тель-Авиве и отправиться потом в Иерусалим, связаться с Бизоном и отслеживать, не опознали ли люди Карпати Бизона или доктора Розенцвейга.

— А потом?

— Залечь на дно в Иерусалиме, пока там не начнется заварушка, затем вернуться в Тель-Авив. Кто-то из участников операции должен будет ее забрать оттуда и отвезти в Чикаго, пока всеобщее внимание будет приковано к Иерусалиму и беженцам.

Давид снова заговорил в телефон.

— Возможно, она заметила за собой слежку в Тель-Авиве и так и не попала в Иерусалим.

— Она должна будет сообщить мне об этом, Давид. Мне какое-то время нужно побывать с Хаимом, так что оповести всех, ладно?

* * *

В Чикаго только что пробило полночь. Доктор Цион Бен-Иегуда опустился на колени перед своим огромным резным столом в небоскребе Стронга и начал молиться за Хайма. Бывший раббин верил в то, что его старый наставник способен сыграть роль нового Моисея не больше, чем сам Хайм. И хотя Розенцвейг схватывал все быстро и оказался дотошным учеником, он покинул Соединенные Североамериканские Штаты, по-прежнему отказываясь от этой чести.

Циона отвлек от размышлений тихий сигнал одного из его компьютеров. Во всем мире только несколько человек знали этот код вызова. Он с трудом поднялся на ноги и уставился в экран.

«Доктор Бен-Иегуда, я надеюсь, что вы здесь, — возникло на экране сообщение от Чаня Вонга, юноши, которого Давид оставил вместо себя в штаб-квартире Мирового Собрания в Новом Вавилоне. — Я в отчаянии».

Цион охнул и подтащил кресло. Сел за компьютер и забарабанил по клавишам.

«Я здесь, мой юный брат. Я понимаю, что ты чувствуешь себя страшно одиноким, но не отчаивайся. Господь с тобой. Его ангелы охраняют тебя. Тебе предстоит очень много сделать, ты главное звено во всех действиях отряда Скорби. Да, вероятно, это слишком тяжелый груз для человека, такого юного годами и столь недавнего в вере, но мы все

должны делать то, что в наших силах. Скажи мне, чем я могу тебя подбодрить, чтобы ты мог вернуться к делу».

«Я хочу покончить с собой».

«Чань! Если ты только намеренно не хочешь поставить под угрозу все наше дело, перестань терзать себя. Если ты сделал ошибку — так скажи, чтобы мы все смогли перестроиться. Но ты должен управлять спутниками и следить за обстановкой. Ты должен держать в порядке записи на случай, если враги вдруг проверят имена и операции. Час «Х» почти настал, так что держись. Ты можешь».

Ответ Чаня:

«Я сижу у себя в комнате во дворце. Все идет так, как мы с мистером Хассидом запланировали. Мои махинации проходят фильтр такого сложного скрэмблера, что он сам себя не расшифрует, если что. Я могу умереть прямо сейчас, и это никак не повредит отряду Скорби».

«А ну, прекращай такие разговоры, Чань! Ты нам нужен. Ты должен оставаться на своем посту и оперативно подгонять базу данных под наши нужды. А теперь, пожалуйста, побыстрее скажи — что случилось?»

«Случилось зеркало, доктор Бен-Иегуда! Я думал, что могу это сделать! Я думал, что клеймо, которое мне поставили силой, сыграет мне на руку! Но оно издевается надо мной! Я ненавижу его! Я хочу взять бритву и срезать его со лба, а потом перерезать себе вены, и пусть Господь решает мою судьбу».

«А Он уже решил ее, друг мой. На тебе — печать Господа, как говорят наши верующие братья. Ты *не давал согласия* на клеймо Антихриста и не станешь поклоняться ему».

«Но я же читал ваши записи, доктор! Клеймо зверя обрекает на проклятие, и Библия говорит, что нельзя одновременно носить и печать Господа, и клеймо зверя!»

«Там говорится, что мы не можем принять оба».

«Но герои, мученики, те отважные, что идут на смерть во имя истины! Вы говорили, что истинно верующий обретет благодать и ему хватит отваги отстаивать свою веру даже под угрозой гильотины!»

«А ты разве не отстаиваешь? Господь не лжет. Я говорил людям, что они не утратят печати Господа и что им не надо тревожиться, что они утратят мужество из-за своей человеческой слабости, ибо Господь даст им твердости и душевного спокойствия, чтобы принять свою судьбу».

«Это лишь доказывает, что я погиб! У меня нет покоя в душе и нет отваги! Да, я сопротивлялся, но я не говорил ничего во славу Бога! Я плакал, как ребенок. Мой отец сказал, что я просто боялся иглы. Когда стало понятно, что они и правда хотят это сделать, я *действительно* захотел умереть во имя веры! Я хотел сопротивляться до самого конца, хотя я знал, что мой отец узнает все про мою сестру и ее тоже выдаст эмэсовцам. Когда они уже хотели заклеймить меня,

я уже был готов сказать «нет», объявить, что верю в Христа».

Цион сгорбился в кресле. А вдруг это правда? Неужели Господь не дал Чаню силы сопротивляться до самой смерти? А если нет, то является ли он действительно верующим?

«Пожалуйста, — медленно напечатал он, — не делай ничего опрометчивого в течение двадцати четырех часов. Ты нам нужен. И ответ должен найтись. Я не хочу ничего приукрашивать, потому что, должен признаться, я тоже озадачен. Ты сможешь оставаться на посту и бороться с соблазном, пока я снова не свяжусь с тобой?»

Цион несколько минут смотрел в экран, опасаясь, что уже слишком поздно.

* * *

У Рэйфорда дух захватило, когда он посмотрел на то, что Джордж Себастиан показывал Альби.

— Мы не солдаты, — сказал он. — Мы летчики.

— С этим вы станете еще и солдатами, — сказал Джордж. — Но решать вам.

— Хотелось бы, что решение действительно было за нами, — ответил Альби. — Не будь солдаты Карпати нашими смертельными врагами...

Джордж передал Рэйфорду ствол более четырех футов длиной и как минимум

тридцати пяти фунтов весом. Рэйфорд едва мог удерживать его в горизонтальном состоянии.

— Его носят дулом вверх, — сказал Джордж.

— Вообще за него браться не хочу, — ответил Рэйфорд. — Какими же пулями он стреляет-то?

— Пятидесяти калибра, капитан, — ответил Джордж, вытаскивая магазин с четырьмя шестидюймовыми патронами. — Каждый весит более пяти унций, но зато дальность — четыре мили.

— Не могу поверить!

— Я бы не стал вам врать. Пуля вылетает из ствола со скоростью тысяча футов в секунду, но поражает цель на расстоянии двух миль через семь секунд с учетом торможения, ветра и всего такого.

— Но о точности тут говорить не приходится...

— Судя по отчетам, один парень всадил пять таких пуль с разбросом в три дюйма с расстояния в тысячу ярдов. С двухсот ярдов такой штуковиной можно пробить дюймовый стальной лист.

— Но отдача...

— Кошмарная. А звук — без берущей барабанные перепонки могут пострадать. Хотите попробовать?

— Ни за какие коврижки. Я не могу представить, на что годны такие хреновины, и уж точно не хочу всполошить эмсовцев до того, как дискотека начнется.

Джордж поджал губы и покачал головой.

— Надо было мне сначала с вами связаться. У меня на подходе сотня таких, с боеприпасами, некоторые зажигательные.

— Вот об этом поподробнее.

— Внутри находится детонатор, от взрыва которого оболочка разлетается при со-прикосновении с мягким материалом.

— Вроде человеческого тела?

Джордж кивнул.

Рэйфорд покачал головой.

— Мои летчики никогда не смогут стрелять из таких с воздуха, а это самое главное.

— Возьмем про запас, — сказал Альби. — Никогда не знаешь, когда что пригодится.

— Хотите посмотреть остальное?

— Если все в таком духе, то не надо, — сказал Рэйфорд.

— Нет, другое. — Джордж осторожно положил пятидесятикалибровый ствол в грузовой трюм. — Эти штуки разработаны для того, чтобы стрелять из самолетов или с наземного транспорта, — сказал он, бросая легкую винтовку Рэйфорду. — Патронов нет.

— Тогда зачем?..

— Это лазерное оружие. С расстояния около полутора миль можно направить плотный волновой пучок, который проникает сквозь одежду и за пару секунд доводит любую влагу на коже до температуры в сто тридцать градусов.

— А что она делает с внутренними органами?

— Ничего. Это не смертельно.

Рэйфорд вернул винтовку Джорджу.

— Впечатляет, — сказал он. — Вот за это спасибо. Проблема в том, что у нас нет боевых частей, да если бы и были, против эмэсовцев мы не потянем.

Джордж пожал плечами:

— Это оружие в любую минуту к вашим услугам.

* * *

Не сули день столько бед и не волнуйся Бизон за Хэтти, его, может, и рассмешил бы вид доктора Розенцвейга. Старик открыл дверь на стук Бизона. Он был в мешковатых «семейных» штанах, растянутой майке и в сандалиях, которые он прежде носил с коричневой хламидой.

— Кэмерон, друг мой, простите, заходите же, заходите!

Бизон привык видеть Розенцвейга другим — подтянутым, выбритым, элегантным пожилым человеком, бледным для израильянина, со светло-карими глазами и облаком спутанных белых волос, как у Альберта Эйнштейна на снимках. Обычно заслуженный государственный деятель и лауреат Нобелевской премии носил очки в тонкой металлической оправе, объемные свитера, свободные брюки и удобные туфли.

Бизону трудно было привыкнуть к его загорелой до янтарного цвета коже, коротким

темным волосам, кустистой бороде и усам, темно-коричневым контактным линзам и подбородку, выдающемуся вперед из-за небольшой накладки на задних зубах.

— Зик неплохо поработал над вами, — сказал Бизон, осознавая, что то ужасное крушение самолета тоже оставило на Хайме свой след.

Доктор Розенцвейг вернулся к креслу, возле которого разложил свою Библию и два комментария к ней, которые он тайком провез в своем багаже из Соединенных Североамериканских Штатов. На столике с лампой рядом с ним стоял полупустой стакан воды. Его просторная, подобная монашеским, хламида с капюшоном лежала на постели.

— Почему вы не одеты, брат?

Старик вздохнул.

— Пока я не могу носить эту униформу, Кэмерон. Я еще не готов нести это бремя, — ответил Хайм. Его голос изменился не только из-за накладки на зубах, но и в результате жуткого перелома челюсти.

Бизон заглянул в шкаф и нашел гостиничный халат.

— Пока наденьте вот это, — сказал он. — У нас есть пара часов.

Доктор Розенцвейг был благодарен, что ему помогли облачиться в махровый халат, но он был белый и безразмерный. Контраст между его белизной и новым цветом кожи Хайма был довольно комичен, да к тому же, когда он снова сел, подол упал на пол.

Хаим опустил голову, затем посмотрел на вышитое на кармане название отеля.

— «Царь Давид», — сказал он. — Может, на коричневом вышить «патриарх Моисей»?

Бизон улыбнулся. Он не мог представить всего груза ответственности, выпавшего на долю его друга.

— Да пребудет с вами Господь, доктор, — произнес он.

Внезапно Розенцвейг вздрогнул и скользнул на пол. Он повернулся и встал на колени, опервшись локтями на кресло.

— О, Господи, Господи, — произнес Хаим, затем сбросил сандалии.

Бизон сам опустился на колени, захваченный чувством таким глубоким, что ни слова сказать не мог. Перед тем как закрыть глаза, он заметил, как встающее солнце бьет сквозь занавески и заливает светом комнату. Он тоже сбросил обувь и упал ничком на пол, закрыв лицо руками.

— Кто я такой, чтобы вывести детей Израиля отсюда? — дрожащим голосом говорил Хаим.

Бизона, несмотря на дневную жару, охватил озноб. Он не мог отделаться от ощущения, что должен ответить Хаиму, но кто он такой, чтобы говорить от имени Бога? Он вкусила учения доктора Бен-Иегуды и подслушал его совет Хаиму взывать к Моисею. Но он даже не осознавал, насколько врезался ему в память этот разговор.

В комнате воцарилась тишина. Бизон позволил себе чуть приоткрыть глаза и сразу

же снова зажмурился. Комната была залита таким ярким светом, что оранжевое сияние долго стояло перед его закрытыми глазами, точно так же, как стоял перед ним повисший в воздухе вопрос Хaimа. Старик плакал на-взрыд.

— Господь пребудет с тобой, — прошептал Бизон, и Хaim перестал рыдать. — И вот тебе знамение, что Господь послал тебя: когда ты выведешь народ, ты свершишь служение Ему¹.

Старик ответил:

— Вот, приду я к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова послал меня к вам». Вот имя Господне навеки, и памятование о Нем из рода в род. «Господь, Бог отцов ваших увидел, что делается с вами, и выведет вас от угнетения в землю безопасности и спасения». Они услышат твой голос, и ты придешь к царю земли той и скажешь ему: «Господь, Бог говорил со мной. Итак, отпусти нас в пустыню, чтобы принести жертву Господу, Богу нашему». Но царь не позволит вам идти, и Господь протянет руку Свою и поразит тех, кто выступит против вас.

Но если они не поверят мне и не послушают голоса моего? — сказал Хaim так тихо, что Бизон еле рассыпал его. — Что, если скажут они — не явился тебе Господь?

Бизон перекатился на спину и сел. Его охватило внезапное разочарование и раз-

¹ Здесь и ниже — парофраз книги Исход 3:12.

дражение. Он уставился на коленопреклоненного старика, голова его кружилась, глаза были полны залившего комнату яркого сияния. Никогда Бизон настолько сильно не ощущал присутствия Бога с тех пор, как был свидетелем разговора доктора Бен-Иегуды с Эли и Моше возле Стены Плача.

— Протяни руку и возьми воды, — внезапно повелительным тоном сказал он.

Хаим обернулся к нему и воззрился на него.

— Кэмерон, я не знал, что вы говорите на иврите!

Бизон не стал спорить, хотя на иврите не знал ни слова, думал и говорил по-английски.

— Воду, — повторил он.

Хаим пристально посмотрел на него, затем повернулся и взял стакан. Вода превратилась в кровь, и Хаим так быстро поставил стакан, что ему плеснуло на руку.

— Это для того, чтобы поверили тебе, что явился тебе Господь, Бог отцов их, — сказал Бизон. — Теперь снова возьми воды.

Хаим боязливо потянулся к стакану, и когда он коснулся его, кровь снова превратилась в воду — даже та, что попала ему на руку.

— Теперь протяни руку свою к слуге Божьему, — сказал Бизон. Хаим поставил стакан с водой и неуверенно протянул руку в сторону Бизона. И Бизон оцепенел, не в силах даже губ раскрыть.

— Кэмерон, с вами все в порядке?

Бизон не мог ответить. У него закружились голова, он перестал дышать. Он

пытался подать Хаиму знак глазами, но тот лишь с ужасом смотрел на него. Хаим прижал руку к груди, словно испугавшись собственной силы, и Бизон упал на пол, задыхаясь. Когда он, наконец, отдохнул, он сказал:

— И если снова они не послушают тебя и не услышат вести первого знамения, то поймут послание последнего знамения.

— Кэмерон! Простите! Я...

Но Бизон продолжал:

— И если не поверят они даже этим двум знамениям и не услышат голоса твоего, возьми воды из реки и вылей ее на сухую землю. И вода, которую ты возьмешь из реки, станет кровью.

Бизон сел, опервшись руками на бедра, вымотанный до предела.

— Но человек я не речистый, и таков был, когда Господь стал говорить со мной. Я тяжело говорю и косноязычен, — сказал Хаим.

— Кто дал уста человеку? — ответил Бизон. — Кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? Не Господь ли Бог? Итак, пойди, и Он будет при устах твоих и научит тебя, что говорить.

Хаим снова отвернулся и упал на колени перед креслом.

— Господи! Пошли другого, кого можешь послать!

Бизон знал эту историю. Но Аарона у них не было. Цион находился в убежище и лично ничем не мог помочь. Единственным другим членом отряда Скорби, в чьих жи-

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

лах текла еврейская кровь, хотя он и вырос в Польше, был Давид Хассид, но у него было свое призвание и предназначение. К тому же не время было его раскрывать. Если Давид вдруг появится публично, он раскроет и остальных, которых считали погибшими при падении самолета — по крайней мере, если это произойдет сейчас.

Бизон ждал для себя и Хaima ответа от Господа — но ответа не было.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Незадолго до девяти утра примерно в часе езды до Мицпе-Рамон Давид попросил Лию остановиться на обочине.

— Прошу прощения, друзья, — сказал он, — но я только что получил от Циона сообщение, которое надо услышать всем, а еще мне надо кое-что написать Чаню. Это слишком трудно сделать, когда ноутбук прыгает на коленях.

— Тогда лучше бы спрятать машину, — сказал Мак. — Мы очень подозрительно выглядим.

Лия посмотрела в зеркало заднего обзора, переключилась на четырехколесный привод и выехала на песок. Абдулла сел, застегнул поясной ремень и сказал:

— Можно подумать, что это конец света.

— Очень смешно, — сказал Мак.

Лия остановилась в паре миль от дороги в тени небольшого утеса и двух чахлых деревьев. Давид положил ноутбук на сиденье и встал рядом с машиной, наклоняясь внутрь. Остальные выходили, потягивались, затем все подошли к нему, чтобы послушать, как он зачитывает письмо Циона о его разговоре с Чанем.

— Плохи дела, — сказал Абдулла. — Что делать будем?

— Я бы поговорил с парнем, — сказал Мак. — Кто-нибудь, позвоните Рэйфорду, пока я буду работать.

— Понял, — ответил Мак, открывая свой телефон.

Давид писал:

«Ты выкроил время, чтобы отвлечь от дела доктора Циона Бен-Иегуду, но не связался со своим непосредственным руководителем? Ты думаешь, это игрушки, Чань? Что случилось с самоуверенным нахальным всезнайкой, который собирался со всем этим справиться одной левой? Никто не будет корить тебя, если передумаешь, никто не упрекнет тебя за твой духовный страх, но лучше бы тебе серьезно подумать о том факте, что ты уже ввязался в это дело.

Короче, Чань, у тебя сейчас нет времени на рефлексии. Слишком многие рассчитывают на тебя, и сам успех этой жизненно важной операции в твоих руках. И если ты сделаешь что-то с собой из-за того, что не можешь понять, почему Господь допустил что-то такое, это будет величайшим проявлением эгоизма, которое только можно вообразить.

Как только я это передам, я хочу получить от тебя ответ, что ты по-прежнему в деле. Если его не последует, мне придется запустить коды, которые уничтожат твои настройки и все, что я встроил в систему и передал тебе. Ты сам понимаешь, что мы не можем рисковать из-за твоего возможного самоубийства и оставлять свидетельства того, что в системе что-то не ладно. Нам нужно знать планы Сухайля Акбара насчет обследования места крушения самолета. Ты должен взломать файлы Сандры и удостовериться, что мы в курсе расписания Карпати. И если он созывает совещание там, где ты можешь подслушать, то ты будешь вести передачу на Чикаго, Мицпе-Рамон и мне. Где «двести шестнадцатый», кто им управляет, использует ли Карпати его для встреч?

Послушай, Чань, кое-что из того, что ты написал доктору Бен-Иегуде, напомнило мне твои слова насчет двойной печати. Я знаю, что ты получил клеймо против своей воли, хотя ты и хотел, чтобы я думал, будто бы ты сразу к нему привык и считаешь его, как ты говоришь, внешней оболочкой. Но это не так просто — ведь ты, как и все мы, уверовал совсем недавно, и многое не вяжется с тем, что об этом говорит Бог. Доктор Бен-Иегуда специалист в этих вопросах, а ты ведь даже его сбил с толку, так что не буду делать вид, будто у меня есть ответ. Но что-то явно не так, и я не могу винить тебя за то, что ты хочешь выяснить, чем Господь считает тебя сейчас.

В душе я не сомневаюсь, что ничто не может лишить тебя Бога и Его любви, но мира

у тебя в сердце не будет, пока ты точно не узнаешь, что случилось тем утром. Итак, еще раз: этот вопрос — не самое главное для тебя. Гораздо важнее выполнить те задачи, что я перечислил выше, и удостовериться, что мы все в безопасности и что нас до сих пор еще не засекли. Последняя информация, которую мы имеем, — это то, что Карпати собирается появиться на публике в Иерусалиме в одиннадцать утра по карпатианскому времени.

Но как только ты удостоверишься, что все под контролем, что мы обо всем информированы, попытайся выйти на координаты, которые я указал ниже. Это большой риск, но я встроил программу, дающую доступ к средствам наблюдения, которые устанавливал не я. Возможно, удастся обнаружить запись — видео, аудио или обе — событий, которые происходили в тот день. Проблема в том, что здание «Д» — ремонтный блок, который начальство посещает редко, если посещает вообще. Я не удосужился установить там жучки, но насколько я знаю, кое-что там и так имеется.

Ты говорил мне, а чуть позже и доктору Бен-Иегуде, что ты пытался отвертеться от клейма и уже был готов открыть истину, когда тебя «кольнули». Я-то думал, что твои слова относятся к клейму. Может, ты это и имел в виду, но большинство совсем другими словами описывают наложение клейма и вживление чипа. Я не знаю. Может, до меня дойдет. Но, может, происходило что-то еще. Ты же никогда мне не рассказывал, что случилось между тем моментом, когда ты добрался до

цоколя здания «Д» и когда появился в моем кабинете. Помнишь? Почему так?

Значит, во-первых, ответь — на месте ли ты и приступай к работе. Затем посмотрим, что ты сможешь найти насчет здания «Д». Отвечай сразу же, как прочтешь сообщение».

Давид отправил сообщение, затем, прежде чем ехать в Мицпе-Рамон, дал Маку его прочесть. Мак кивнул.

— Сколько ты даешь ему времени?

Давид пожал плечами:

— Немного, но я не хочу уничтожать систему из-за того, что он отлучился в душ или перекусить.

Не прошло и нескольких минут после того, как они снова тронулись с места, как пришел ответ от Чаня.

«Исполняю приказ. И, мистер Хассид, я думал, что клеймо ставили в подвале дворца. Судя по чертежам, здание «Д» находится в нескольких сотнях ярдов отсюда. И когда я говорю — «меня колнули», я имею в виду анестезию, которую мне сделали перед процедурой. Мне кажется, это тоже было во дворце».

* * *

Рэйфорд с радостью услышал, насколько близко к Мицпе-Рамон находится четверка пассажиров «Квази-2» и Лия. Он рассказал Маку об оружии, которое доставил Джордж Себастиан.

— Смитти захочет осмотреть весь арсенал, — сказал Мак. — Прежде чем сесть за штурвал истребителя, он был военным.

Рэйфорд этого не знал. На фоне разговора слышался голос Абдуллы, который требовал сказать ему, о чем они тут говорят.

— Крепче держи вожжи, верблюжатник! — сказал Мак.

— Кто бы говорил, ковбой. Я тоже узнаю какую-нибудь пакость о тебе, и ты станешь позором своих предков.

— Минутку, Рэй, — сказал Мак. — Смитти, ты имеешь в виду — потомков. Мои предки уже все умерли

— Тем хуже! Они в гробах будут вертеться!

— Альби тоже стрелять умеет, — сказал Рэйфорд. — Но с меня довольно. Короче, мне и он, и Абдулла нужны как летчики.

Он был бы рад узнать о планах Лии и Ханны, но замолчал, когда услышал, что Давид хочет раньше всех оказаться в Петре. На заднем плане послышался голос Хассида:

— Я хочу сам об этом ему сказать, Мак.

Но, хорошенько подумав насчет того, что вместе с Хассидом сможет подготовить почву для Хайма и верующих израильтян в Петре, он решил, что это имеет смысл. Он спросил Мака, известно ли кому-нибудь о ближайших планах Карпати. Мак проинформировал его о проблемах с Чанем.

— Мне надо узнать как можно быстрее, — сказал Рэйфорд. — Парад чего бы там ни было, осквернение и нападение — все это может случиться на этой неделе.

* * *

Бизон носил бедж капрала Джека Дженсена из миротворческих сил Мирового Сообщества, но одет он был по-граждански и рассчитывал, что его новый цвет глаз и волос, не говоря уже об обезображенном шрамами лице, обманут любого, кто мог бы узнать его. Они с Хаимом покинули отель «Царь Давид» на машине в 9:30 и стали пробираться сквозь плотный поток машин к Старому городу, чтобы подъехать достаточно близко, а потом пойти пешком. Хламида Хайма была подпоясана веревкой, но подол подметал пыль и скрывал его ноги, от чего казалось, что он плывет над землей.

Скоро они погрузились в толпу, тянувшуюся вдоль Крестного пути, где за час до полуночи ожидали появления Карпати. Бизон был потрясен количеством собравшегося народа — и это при том, насколько уменьшилось население по всему миру! Город все еще не оправился от землетрясения, сровнявшего с землей десятую часть зданий, но желавших воспользоваться случаем ничто не могло остановить. На каждом углу уличные торговцы продавали сувениры с портретом Карпати, включая настоящие и пластиковые пальмовые ветви, которые можно было бы бросать ему под ноги во время его триумфального входа в город.

Похоже, пацифист Николае Карпати ушел в прошлое. По улицам медленно ехало сопро-

вождение в составе танков, военных грузовиков, на грузовых платформах везли истребители, бомбардировщики и даже ракеты. Бизон понимал, что они непременно застрянут в узких улочках, но в остальных местах они проникали повсюду.

Бизон высматривал Хэтти, держа руку на телефоне, но он давно уже оставил попытки найти приемлемое обоснование ее исчезновению. Он старался не думать о худшем, но ведь ей нетрудно было дозвониться до него или до любого члена отряда Скорби.

Хаим трусил за ним следом, сгорбившись, спрятав руки в складках коричневой хламиды. Его почти лысая голова была скрыта капюшоном. С момента происшествия в отеле он не сказал ни слова. Он просто сменил гостиничный халат на грубую с виду, но мягкую фланелевую хламиду и сунул ноги в сандалии.

Казалось, в городе недостает миротворцев, что местных сил, что интернациональных. Многие витрины были заколочены, и все, что передвигалось на четырех колесах, служило в качестве такси, даже ветхие частные автомобили. В витрине непонятно почему работавшего магазинчика электробытовой техники светился экран телевизора. Вокруг сгрудились, разинув рты, зеваки. Бизон положил руку на плечо Хaimа и показал туда головой. Они смешались с толпой, чтобы посмотреть повтор кадров с места крушения «Квази-2», где технический персонал в резиновых перчатках прочесывал останки на фоне скорбного обращения к народу по-

тентата Карпати, достопочтеннейшего отца карпатианства Леона Фортунато, верховного главнокомандующего Уолтера Муна и, наконец, шефа разведки и безопасности Сухайля Акбара.

— К сожалению, — говорил последний, — пока не закончено расследование, мы не можем подтвердить наличие среди обломков человеческих останков. Конечно, вероятно, что наши верные патриоты Мирового Сообщества просто испарились во время взрыва. Медики заверяют, что они даже не успели испытать боли. Как только мы сможем подтвердить их гибель, мы вознесем молитвы воскресшему потентату за их вечные души и не оставим без любви и попечения их семьи и близких.

Телеведущий продолжал рассказывать, что дальнейшие расследования показали, что причиной катастрофы стала ошибка пилота, капитана МакКаллама, и что старший по погрузочно-разгрузочным работам на базе в Вавилоне предупреждал экипаж насчет проблемы с балансом веса груза и просто умолял их не взлетать.

Бизон понимал, что ему следует опасаться грядущего, но, ощущив присутствие Бога в отеле «Царь Давид», он исполнился отваги. Он не знал, как они с Хаимом сумеют остаться незамеченными или избежать последствий страшного деяния Карпати. Он хотел только увидеть хоть какие-то намеки на то, что в душе Хaimа поселилась та же уверенность после всего, что они пережили, коленопреклоненные, вместе.

* * *

Давид и прочие пассажиры машины слушали по радио выводы Сухайля Акбара, когда Лия, следуя точным указаниям, выехала в пределы видимости взлетно-посадочной полосы в Мицпе-Рамон. Давид был потрясен печалью и отчаянием в голосе Тиффани, его ассистентки, когда она говорила о нем. Ему так захотелось сказать ей, что он жив, но он опасался, что кое-кто уже об этом подозревает.

Он обнял Рэйфорда, обменялся рукопожатием с Альби и представил всем Ханну. Пока остальных оповещали о планах, полностью зависящих от непредсказуемого Карпати, Давида провели в жилье Рэйфорда, где он, расчистив стол, поставил на него компьютер, чтобы посмотреть, как продвигаются дела у Чаня по отслеживанию потентата.

Юноша сумел добыть экземпляр последнего расписания Карпати. Там была запланирована встреча с НК, ЛФ, УМ, СА и ЛХ на ФНКС в 10:00.

«Теперь я это знаю, — писал Чань, — но после четырех известных нам инициалов идут мне незнакомые. Нужна помощь».

«Я тоже не знаю, кто такой ЛХ, — ответил ему Давид, — но продолжай, умница ты наш. Подойдем к делу с точки зрения фонетики и предположим, что ФНКС — это «феникс». Подсоедини меня к нему».

«У меня сгружена пресс-конференция Акбара. Хотите ее?»

«Смотри по приоритетам! Ее передают по всему миру».

Давид порылся в сумке, нашарил наушники и надел их как раз в тот момент, когда Чань установил соединение с «фениксом». Он ощутил атмосферу стоявшего в бездействии самолета. Чань вывел на экран список эмэсовских замен Давида, Мака и Абдуллы.

«Вас заменит А. Фигейроа, — писал Чань. — Знаете его? Похоже, замены Ханне Пэйлмун пока не нашли. До сих пор не могу понять, кто такой ЛХ».

— Незачем оттягивать встречу с Хатом. — Это явно был голос Карпати. — Покончим с этим.

— Сейчас, ваше святейшество, — сказал Мун. — Леон... э... достопочтенный Фортунато хотел бы рассказать вам об идоле и животном.

— Я только что видел его. Где он?

— Голова, сэр. Немного беспокоит.

— В чем дело?

— Не знаю.

— Он всего мгновение назад сидел тут, Уолтер.

— И корчился.

— Что его беспокоило?

— Прошу прощения, сэр. Я не...

— Ну так выясни. И пригласи Акбара и Хата.

Давид услышал, как Мун что-то говорит по радио, приказывая кому-то впустить на борт Акбара и Хата.

— И пусть стюард проверит, как там достопочтенный Фортунато.

— Где он?

— В сортире. С концами.

Карпати разразился хохотом.

— Точное описание, мистер Мун!

— Я не это хотел сказать, сэр. Я просто...

— Давай покончим с этим, Уолтер? Если Фортунато не вернется, то что он собирался мне сказать об идоле и животном?

— Он мне не рассказывал, господин, но вид у него был очень вдохновенный.

— Пока он не удалился в сортир в расстроенных чувствах.

— Именно.

После нескольких секунд молчания, Карпати рявкнул:

— Уолтер, скажи Сухайлю, что если его новый человек не окажется на борту в течение тридцати секунд...

— Верховный потентат Карпати, сэр, шеф разведки и безопасности Сухайль Акбар от Пакистана и глава блюстителей морального духа Мирового Сообщества Лорен Хат от Канады.

Акбар сказал:

— Простите за задержку.

— Директор Акбар, где вы откопали такой рослый экземпляр и почему он до сих пор не соревнуется на родео в Калгари?

Давид отметил, что Карпати произнес название города с ударением на второй слог, как говорят местные.

— Мне больше нравится арканить сектантов, — ответил молодой человек.

Карпати рассмеялся.

— Я не с вами говорил, Хат, но...

— Извините.

— ... вы спасли себя этим ответом. У вас есть все необходимое?

— Да, сэр.

— Потентат, — поправил его Карпати. — Никаких «сэр» при обращении к своему восставшему из мертвых...

— Вы абсолютно правы, ваше святейшество, господин потентат. Мне говорили. Я просто оговорился.

— Ты смеешь насмехаться?

— Нет, сэр! Потентат!

— Я задал вопрос.

— Я не смею насмехаться....

— Да я спрашиваю, есть ли у тебя все необходимое, дебил! Послушайте, Акбар, мы что, никого получше найти не могли?

— Он очень исполнителен и не раз за это награждался, ваше святейшество. Он просто слишком смущен вашим присутствием и не сумел высказать свою преданность.

— Неужели?

— Да, сэр, потентат. Я всегда был вам предан.

— И ты почитаешь меня как бога?

— Всегда, когда могу.

Карпати хихикнул.

— Все блестители морального духа вооружены, Хат?

— Здесь, в Израиле, — да. А к концу недели будут вообще везде.

— Почему такая задержка?

— Да народу больно много. Но оружие у нас есть. Просто надо доставить его каждому.

— Ваше главное дело — здесь, Хат. Вы это понимаете?

— Абсолютно.

— А затем уже вооружение всех ваших людей.

— Да.

— Каково соотношение мужчин и женщин среди блюстителей морального духа?

— Примерно шестьдесят к сорока.

— Примерно?

— В точности — пятьдесят восемь к сорокам двум.

— Отлично. Леон! Вы вернулись!

— Простите меня, господин.

— Прошу, садитесь. Познакомьтесь с...

— Я лучше постою, если вы не против, высочайший. И я уже знаком с мистером Хатом. Впечатляющий молодой человек.

— Ну что же, я рад, что вы так считаете. А свое мнение я составлю к концу следующей недели, когда узнаю, справился ли он со своей задачей. И мне будет интересно посмотреть, как он будет разбираться со здешними неперевоспитуемыми.

— В Израиле, сэр, потентат? — спросил Хат.

— «Здесь» именно это и значит.

— Да я просто представить не могу, чтобы кто-то тут мог устраивать вам проблемы, но если так...

Давид услышал, как Карпати втянул воздух сквозь зубы.

— Да! — прошипел он. — Скажи мне, Хат, что ты припас для людей, которые имеют наглость выступать против меня в Святом городе?

— Они будут немедленно взяты под стражу и посажены в кутузку!

— Нет! — воскликнул Карпати. — Неверный ответ! Акбар, клянусь, если вы не...

Давид услышал торопливый шепот Акбара. Затем ответ ревностного Лорена Хата:

— Я прикажу прикончить их, потентат. На месте. Или мне приканчивать таких лично?

— И как?

— Наверное, пристрелю.

— Где?

— На улице. Прилюдно. На глазах у всех.

— Я имел в виду, куда вы будете стрелять. — Теперь Карпати говорил быстро, гладко, словно одна эта мысль вызывала в нем чувство наслаждения.

— В голову или в сердце, потентат, чтобы уж наверняка.

— Да! Нет! В вашем личном оружии много патронов?

— У меня? У меня полуавтоматический пистолет с магазином на девять патронов.

— Выпустите все!

— Все!

— Начнете с рук. Сначала одну, и когда он схватится за рану — вторую. Когда он

завопит, закрутится и попытается убежать, стреляйте в ногу. Затем во вторую.

— Понял.

— Да? И когда он будет лежать и выть от боли, а остальные в страхе разбегутся, у вас ведь останется еще пять выстрелов, не так ли?

— Да, — в ужасе ответил Хат.

— Оба колена, оба локтя. Это особенно больно. Заставьте их передумать, Хат. Пусть скажут, что любят меня и раскаиваются в том, что выступили против меня. А что делать с последним патроном, вы сами знаете.

— В сердце?

— Сплошные штампы! Никакого творчества!

Давид услышал скрип кожаного кресла и представил, как Карпати меняет положение в кресле.

— Подносишь ствол им ко лбу, прямо к тому месту, где должно было бы стоять клеймо. И спрашиваешь, готовы ли они выказать верность. И даже если они будут клясться, что на них снизошло просветление, ты поставил им свое собственное клеймо. Единственный выстрел, которого они не услышат и не почувствуют. И что потом?

— Что потом?

— Что ты сделаешь потом, Хат? Что ты сделаешь с трупом, который валяется у тебя под ногами с девятью пулями в теле? Ведь не оставил же ты его валяться на улице?

— Нет, я велю его уволовить.

— На гильотину!

— Сэр? Потентат?

— За измену платят головой, Хат!

— Но они...

— Конечно, уже трупы. Но я достаточно ясно выразился насчет выбора и последствий, друг мой. Мертвый или живой, изменник платит головой.

— Верно.

— А знаешь ли, Хат, что, когда человек обезглавлен, сердце может продолжать биться еще с полчаса?

Похоже, Хат был ошеломлен и не мог даже рта раскрыть.

— Это так, Хат. Это медицинский факт. Но ведь мы не сможем проверить его, если жертву нашпиговать пулями, не так ли?

— Да.

— Но однажды у нас будет шанс. Я жду этого. А ты?

— Нет.

— Нет? Я надеялся, что тебя не будет тяготить твоя работа, сынок.

— Меня не тяготит. Я пристрелю ваших плохих парней и отрежу им башку, но мне не нужно проверять остальных, чтобы убедиться...

— Тебе не нужно? А мне — нужно. Это жизнь и смерть, Хат! Ничего нет чище! Я пришел, чтобы дать жизнь! Но не тем, кто решил быть верным кому-то еще. Они выбирают смерть. Что может быть четче, яснее, определеннее?

— Я понял, потентат.

— Понял?

— Мне так кажется.

— Поймешь.

— Да.

— Теперь иди. Впереди тяжелая неделя. Будь наготове.

Давид, полный ужаса и отвращения, сделал себе заметку. Похоже, Карпати много дней думал над этим.

Он слышал, как Карпати приказал Муну выйти вместе с Акбаром и Хатом и оставить его наедине с Фортунато.

— Извините нас, мы на минуточку, — сказал он остальным, видимо, провожая их в кабину. Спустя секунду: — Леон, ты согласен, что страх — это разновидность поклонения?

— В вашем случае, ваше величайшество, это точно. Страх перед нашим богом есть начало мудрости.

— Мне это нравится. Ведь это очень побиблейски, не так ли?

— Да, господин.

— Сядь, Леон. Пожалуйста.

— Я бы с радостью, но... ладно, хорошо.

Садясь, Леон тихо охнулся.

— В чем дело, мой друг? Еда наружу просится?

— Нет, простите. Но...

Карпати тихо фыркнул.

— Настоящий друг может спокойно чесаться в присутствии своего воскресшего потентата.

— Простите, ваше святейшество.

— Не бери в голову. Тебе так плохо потому, что у тебя задница чешется?

— Я боюсь, что даже хуже, сэр. Но я бы не...

- Тогда доложи, как идут твои дела.
- Животное на месте.
- Можешь свободно называть его как есть, Леон.
- Свинья.
- О, я слышал, что это не просто свинья. Здоровенная свиноматка! Огромная, мерзкая, хрюкающая вонючая тварь.
- Да, сэр.
- Не терпится ее увидеть.
- В любой момент.
- Скоро мне придется ее оседлать, не так ли?
- Да, сэр. Но вы бы соскользнули с нее.
- Соскользнул бы?
- Я приказал сделать для вас седло, ваше святейшество.
- Леон! Да ты что! Седло для свиньи?
- Самой большой, какую я в жизни видел.
- Да уж надеюсь! Как ты его сделал?
- Люди рады служить вам, потентат.
- Оно должно быть широким.
- Боюсь, вы будете чувствовать себя как на отбойном молотке верхом.
- Это ты так чувствовал бы себя, Леон. Да встань, если тебе надо. Ну давай! Да, чешиесь, если терпежу нет!
- Прошу прощения, ваше всевеличайшество.
- Ты дергаешься, как школьник на первой дискотеке!
- Простите, но мне бы лучше вернуться...
- Так иди же. Это на что похоже? На укус? Зуд, наверное, ужасно раздражает.

— Если бы только это, ваше святейшество. Это еще и больно. Если чесать, только сильнее жжет. Я чувствую себя полным ничтожеством.

— Видать, тебя покусали.
— Возможно. Извините меня.
— Ступай!
— Я хотел вам рассказать об идоле.
— И я хочу об этом услышать, но мне невыносимо видеть твои мучения.
— Я вернусь прежде, чем вы уйдете, и расскажу вам обо всем.

Давид сидел, качая головой. Как же ему хотелось увидеть, что там творится. Но театр воображения в любом случае был куда лучше. Карпати позвал кого-то, чтобы пригласили Уолтера Муна, а затем он попросил Муна «принести тот самый костюм».

Мун сказал, что караван к дому Пилата выступает в течение десяти минут.

— Достопочтеннейший Фортунато рассказал вам о порядке следования?

— Нет. Он, похоже, испытывает значительный дискомфорт.

— До сих пор? Ладно. Мы выходим из двора Пилата на улицу. По дороге нас уже ждет Вив Айвинз в качестве дублера вашей матери.

Давид услышал шорох бумаги — видимо, карта.

— Вот здесь появится молодая женщина и оботрет вам лицо. Через две остановки вы обратитесь к дщерям иерусалимским. Затем, после Голгофы, вы снова увидите Вив,

которая будет исполнять роль вашей матери. Затем — ко гробу Господню.

Кто-то выдохнул сквозь зубы — вряд ли Мун осмелился такое сделать в присутствии Карпати. Наконец, Николае сказал:

— Ладно, сократим наполовину. Вот эту часть, и вот эту с Вив, и вот это, и с молодой женщиной и обращением к иерусалимским дщерям, вот это, и последнюю с Вив.

— Могу ли я спросить...

— Дело в реконструкции события, Уолтер. Половины всего этого просто не было.

— Мы этого не знаем. Это традиц...

— Не было. Поверь мне. Я знаю.

— Вы хотите переодеться прямо сейчас?

— Как только Леон покончит с... ах, вот и Леон! Вам лучше?

— Увы, нет.

— Так в чем дело?

— Я не хотел бы говорить с вами об этом, сэр.

— Чушь! Итак, это укус?

— Мне так не кажется, сэр. Но оно большое, болезненное и заразное.

— И прямо здесь?

— Да, — жалким голосом сказал Леон.

— Бедняга! А расчес на твоей левой...

— Да. У меня... сзади.

Карпати подавил смешок.

— Расскажи мне об идоле.

— Уже в пути, сэр. Я надеялся, что вы заметите.

— Замечу? Что?

— Мое клеймо.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Дай посмотреть! На руке! Потрясающее! Два-шестнадцать! Блестяще. Спасибо, друг мой. Не болит?

— Не знаю. Из-за... ну...

— Ну, понятно...

— Как бы то ни было, я покажу вам избранный идол. Он сделан в человеческий рост, золотой, красивый. И когда я принял клеймо верности, я пал пред ним и поклонился ему.

— Будь благословен, Леон. И выздоравливай поскорее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хэтти стояла на коленях в своей комнате в тель-авивском отеле и благодарила Бога за все, что ей довелось узнать от Циона Бен-Иегуды за такое короткое время. Она благодарила за Лию и Хaima, и в особенности за Бизона, с которым она познакомилась еще до того, как он уверовал. Она благодарила за Рэйфорда, который впервые рассказал ей о Христе. Она благодарила Его за Альби, который почему-то так заботился о ней.

Во время молитвы она почувствовала, что в комнате находится кто-то еще. Но ведь она всегда проверяла комнату прежде, чем запереться. Здесь никого быть не могло. Но звук его слов заставил ее упасть ничком на пол, словно в глубоком сне. Внезапно чья-то рука коснулась ее. Она задрожала.

— О, возлюбленная дочь Господа, — послышался голос. — Внемли моим словам и встань, ибо я послан к тебе.

Хэтти читала рассказа доктора Бен-Иегуды о том, как с ним говорили во сне, и встала, вся дрожа.

— Не бойся, — продолжал голос, — ибо с первого дня, когда ты преклонилась перед Господом, Он слышал твои слова. И из-за них я пришел к тебе.

— Можно спросить, кто говорит со мной? — сумела выговорить Хэтти.

— Я Михаил.

Хэтти была слишком потрясена, чтобы выговорить хоть что-то более-менее связное.

— Что ты должен мне сказать?

— Я пришел рассказать тебе, что случится в ближайшие дни, — сказал он. Хэтти была столь польщена, что вообще слов не находила. И Михаил добавил: — О, возлюбленная дочь, не бойся! Мир с тобой, будь сильной, да, будь сильной! Не принимай богохульства Злобного и его лжепророка. Если ты будешь мудра, ты воссияешь, как свет небесный. Те, кто многих обратил к праведности, на веки вечные станут подобны звездам небесным. Многие очистятся и паче снега убелятся, но злобные будут вершить зло, и никто из злобных не поймет, но мудрый поймет.

Хэтти села, задыхаясь. Она поняла, что ей надлежит выступить против лжи Антихриста. Она взмолилась, чтобы Господь послал ей отваги, поскольку она даже и представить себе не могла, что будет. Она не

могла уснуть и спрашивала Бога — не обманывается ли она?

— Почему я? — говорила она. — Ведь есть столько людей, гораздо более опытных в вере, чем я. Они гораздо лучше способны сделать это.

Хэтти пошла к компьютеру и отправила письмо доктору Циону Бен-Иегуде, излагая в подробностях все происшествие. Она установила дату отправки на день, следующий после того, когда, как она полагала, она сумеет выступить против Карпати на Крестном пути. Она продолжала:

«Возможно, мне следовало бы посоветоваться с вами, а не отправлять это письмо постфактум, но я чувствую, что должна показать пример веры и положиться на Господа. Я смотрю на то, что написала, и не узнаю самой себя. Я понимаю, что заслуживаю такой чести ничуть не больше, чем Господней любви и прощения.

Возможно, это все глупо, и ничего со мной не случится. Если я пойду на попятный, то все было не от Бога, и я остановлю отправку письма, и оно до вас не дойдет. Но если вы его получите, то, видимо, встретимся мы уже только на небесах. Я люблю вас и всех остальных братьев и сестер во Христе.

Ваша сестра,

Хэтти Дюрхем».

* * *

Рэйфорд собрал людей на взлетно-посадочной полосе и объяснил каждому его роль.

— Заместитель командующего Эльбаз, — сказал он, обращаясь к Альби, — перевезет мистера Хассида в Петру, где он начнет закладывать центр связи. Поскольку мистер Хассид по крови еврей, он планирует оставаться там вместе с верующими переселенцами.

Какой-то африканец поднял руку.

— Значит, нам следует благодарить мистера Хассида за то, что мы сегодня можем находиться здесь?

— И его в том числе, — ответил Рэйфорд. — Но лучше сказать, что, если бы МС не считало наше скопление здесь своей собственной операцией, нам бы сейчас крепко досталось.

— А насколько вероятно, что такая ситуация продержится долго? — спросил кто-то еще.

— Мы на ничейной земле, — ответил Рэйфорд. — Но как только израильские беженцы потянутся сюда, сразу станет понятно, что мы затеяли. Как вы понимаете, здоровые пойдут пешком. Но это далекий путь, и эмсовцы быстро перехватят их. Мы верим, что Господь защитит их. Старики, младенцы и больные нуждаются в транспорте. Вы узнаете их по печати верующих и, возможно, по страху на лицах. Все, кто так или иначе прибудут сюда, должны быть немедленно переведены в Петру на вертолетах. У некоторых машин просто огромная вместимость,

так что заполняйте до отказа. Петра примерно в пятидесяти милях к юго-востоку отсюда. Полетный лист есть у каждого.

— Прямо как полет смерти, — сказал кто-то.

— По всем человеческим понятиям — да, — сказал Рэйфорд. — Но мы — крылья орла.

— Взаимопомощь не запрашивала доставки провизии или одежды, — произнес кто-то. — Как эти люди будут жить?

— Кто-нибудь хочет ответить? — обратился Рэйфорд, и несколько человек заговорили разом, перебивая друг друга, что Господь даст Своим людям и воду, и манну, и одежду, которой не будет сносу.

Наконец, Рэйфорд поднял руку.

— Единственное, чего мы не знаем — когда. Карпати по графику начнет путь по Виа Долоса в 11:00. Кончится шествие у Могилы в саду¹. Будет ли он вещать там или с вершины храма, мы не знаем. Мы слышали, что идол потентата, одержавший победу в конкурсе, доставлен на Храмовую гору, где уже собираются люди, дабы поклониться ему и принять клеймо верности.

— Знак зверя!

¹ Могила в саду, или Голгофа Гордона — «альтернативная» Голгофа, чтимая протестантами. Обнаружена в 1882 г. генералом Чарлзом Гордоном, который увидел в бинокль холм, напоминавший череп. Однако непонятно, как выглядел этот холм во времена Иисуса, поскольку там велись разработки известняка. Археологические изыскания тоже не дают подтверждения версии Гордона.

— Конечно. И многие хотят сделать это перед лицом самого Карпати. Когда он узнает, что толпа его ждет, он непременно захочет там оказаться.

— Ваши люди на месте, капитан Стил?

— Насколько нам известно, да. Единственный человек, о котором мы не слышали пока, — не ключевая персона операции. Если только ее не арестовали.

— И когда будет выступление против Карпати?

— Наш человек, возможно, вступит с ним в спор перед тем, как он войдет в храм. Кто знает? Против него может выступить толпа — на свой страх и риск, конечно же. Вы должны помнить, что в Иерусалиме не только верующие из евреев и неевреев и неверующие. Есть и ортодоксальные евреи, которые не считают Иисуса своим Мессией, но которые никогда не примут Карпати как бога. Они вполне могут выступить против него и отказаться принимать клеймо. Кроме того, есть еще много колеблющихся.

— Но скоро им придется решать, разве не так?

— Похоже на то, — сказал Рэйфорд. — И многие сделают неправильный выбор. Без Христа они поддадутся страху, особенно когда увидят, что грозит тем, кто не покорится Карпати. Ладно, пора транспортной группе выдвигаться в направлении Израиля. Когда настанет время, оказывайте помощь всем, кто в ней нуждается.

— А если нас остановят?

— Действуйте по собственному усмотрению, — ответил Рэйфорд.

— Я намерен сказать, что лечу получить клеймо верности.

— Но это ложь! — крикнул кто-то.

— Мне ничего не стоит наврать людям Карпати.

— А я не смогу!

Рэйфорд снова поднял руку.

— Делайте, что вам подскажет Господь, — сказал он. — Мы полагаемся на Него. Да защитит Он людей Своих и тех, кто помогает им.

* * *

Бизон нашел место, откуда можно было видеть двор дома Пилата поверх голов нескольких тысяч лиkующих паломников. Розенцвейг, будучи человеком пожилым, задыхался, но Бизон не слышал пыхтенья. На его лбу выступил пот, и он с восхищением подумал о работе Зика — фальшивый загар старика не потек. Это был не просто грим.

Хаим не произнес ни слова с тех пор, как они покинули отель, даже когда Бизон порой просто спрашивал, как он себя чувствует. Он просто пожимал плечами или кивал.

— Если у вас будут проблемы, вы ведь скажете мне?

Хаим с несчастным видом кивнул, отводя взгляд в сторону.

— Да пребудет с вами Господь.

Он снова еле заметно кивнул. Но Бизон заметил, что его трясет. А вдруг они выбрали в Моисея не того человека? Вдруг Цион ошибся? Куда лучше тут пришелся бы сам Цион — он ведь столько лет выступал перед людьми, будучи раббином и ученым. Хаим был блестящим докладчиком в своей области, но выставлять на всеобщее обозрение этого дряхлого, маленького, дрожащего человечка со слабым голоском — возможно, он у него сейчас даже отнялся, — чтобы обличить Антихриста, сбратъ остатки Израиля, выступить против сил Сатаны? Бизон подумал — может, ему самому было бы лучше взяться за это? У Хайма не только был комичный вид, он еще и совершенно терялся в толпе. Как он сможет привлечь внимание слушателей?

Бизон думал, что бы такого сказать или сделать, если эмэсовские миротворцы или блюстители морального духа захотят проверить его клеймо верности. Но машины с громкоговорителями продвигались по улицам, заявляя, что все граждане «должны предъявить клеймо верности воскресшему потентату. Почему бы не выполнить эту безболезненную и восхитительную операцию, пока его святейшество здесь?».

Многие в толпе, конечно, уже имели клеймо, но остальные переговаривались, спрашивая друг у друга, где находится ближайший центр верности.

— Я получу свою печать сегодня на Храмовой горе, — сказала одна женщина, и остальные закивали.

Бизон был изумлен количеством мужчин и женщин с младенцами на руках, которые размахивали настоящими и пластмассовыми пальмовыми ветками. Кто-то раздавал листки со словами гимна «Слава Карпати», и когда люди вдруг запели, другие решили, что уже появился сам Карпати, и разразились аплодисментами.

Наконец, Бизон заметил автоколонну, которую возглавляли и замыкали танки МС с мигалками синего, красного и оранжевого цвета. Между танками двигались еще три огромные черные машины. Когда конвой остановился, толпа разразилась оглушительными приветствиями. Из первой машины вышли местные и региональные сановники, затем появился достопочтеннейший отец карпатианства Леон Фортунато в полном облачении. Бизон смотрел, как он оправляет свои одея́ды спереди и сзади. Затем он снова стал приглаживать одеяния сзади. В конце концов, он двинулся вперед, держа руку ниже левой ягодицы, явно пытаясь незаметно потирать больное место.

Из второй машины вышла верхушка Мирового Сообщества, включая Акбара и Муна, а затем, под новый взрыв аплодисментов, Вив Айвинз. Она стояла более чем в сотне ярдов от Бизона в окружении людей в темных костюмах. Ее седые волосы венчали бледное лицо словно корона. На ней было голубое платье, специально сшитое для ее расплюшившейся, похожей на колонну, фигуры. Высоко держа голову, она направилась пря-

мо к небольшой кафедре и микрофону, где подняла обе руки, требуя тишины.

Все глаза были устремлены на третий автомобиль, двери которого все еще были закрыты, хотя водитель стоял наготове у задней левой двери, а Акбар — у правой задней, держа руку на ручке. Бизон заметил, что пока все смотрели на Вив Айвинз, Леон чесал зад. Он не смог остановиться, даже когда миссис Айвинз представила его как «нашего духовного лидера международного карпатианства, достопочтеннейшего Фортунато!».

Он прекратил аплодисменты, подняв свободную руку, а затем попросил всех вместе с ним спеть гимн. Он начал дирижировать обеими руками, но Бизон подумал — заметил ли кто в толпе, что продолжал он размахивать уже только правой рукой, а левой не переставая чесал зад?

Славься, о Карпати, наш воскресший царь,
Славься, о Карпати, господь и государь.
Вечно мы будем славить тебя,
В жизни и смерти тебя любя,
Славься, о Карпати, наш воскресший царь.

Бизон понимал, что вызывает подозрение тем, что не поет вместе со всеми, но Хайму, похоже, было все равно. Он просто потупил голову и уставился в землю. Когда Леон побуждал народ «спеть еще раз и приветствовать объект вашего поклонения», народ зааплодировал и во время пения стал

размахивать пальмовыми ветвями. Бизон, который всегда за словом в карман не лез, на месте сочинил новые слова:

Сдуйся, Карпати, враль и трепло.
Сдуйся, Карпати, мерзость и зло.
Буду бороться с тобой до конца,
Ждет геенна тебя, подлеца.
Сдуйся, Карпати, враль и трепло!

Наконец, Сухайль Акбар расплылся в улыбке и с глубоким поклоном открыл дверь машины, и из нее вышел Карпати. Толпа ахнула, затем взревела и разразилась аплодисментами при виде моложавого человека в золотых сандалиях и переливчато-белой хламиде, перехваченной серебряным поясом, который словно сам собой светился. Пока телохранители в солнцезащитных очках и костюмах, сцепив впереди руки, выстраивались полукругом позади него, Николае стоял с закрытыми глазами, вдохновенно подняв голову к небесам и раскинув руки, будто хотел обнять всех разом.

Бизон украдкой глянул на Хайма, который, прищурившись, смотрел на Антихриста издали, и на лице его отражалась смесь печали и омерзения.

Когда автомобили осторожно отъехали, к Карпати подъехал военный грузовик с кузовом, закрытым камуфляжной тканью, и остановился в двадцати футах от него. Бизон увидел, как Фортунато упал на колени и под одеянием начал отчаянно чесать лодыжку.

Двое миротворцев МС в униформе опустили задний борт кузова. Затем один из них прыгнул в трейлер, а второй схватил болтавшуюся веревку. Один стал тянуть, другой толкать, и, наконец, они вытащили на свет Божий огромную розовую свинью, которая, несмотря на свою огромную тушу, изящно спустилась по пандусу и медленно повернулась к Карпати. Животное явно было накачано транквилизаторами, поскольку вяло реагировало на толпу.

На спине ее была при помощи черного кожаного ремня закреплена плоская кожаная подушка с круглыми, обтянутыми кожей стременами. Карпати приблизился и взял мясистое рыло свиньи в руки, глядя через плечо на толпу, которая теперь хохотала и бешено улюлюкала. Один из миротворцев протянул Карпати что-то вроде аркана, который Карпати надел свинье на шею.

Затем, придерживая одной рукой аркан и свою хламиду, подол которой задрался выше колен, и опираясь другой на миротворца, Карпати поставил левую ногу в стремя и перекинул правую через спину свиньи. Он отпустил руку миротворца и снова расправил одеяние, прикрыв ноги. Взял веревку обеими руками и оглядел толпу, ожидая реакции. Свинья не двинулась ни на дюйм под Карпати, и когда он дернул аркан, затянув его туже вокруг ее шеи, она переступила тонкими ногами по брускатке и медленно развернулась, чтобы двинуться в другом направлении. Николае помахал рукой восторженной толпе.

— Не понимаю! — воскликнул мужчина впереди Бизона с немецким акцентом. — Что он делает?

— Указывает их место всем прежним религиям, Фридрих! — сказала его жена, не в силах оторвать глаз от зрелица. — Даже христианству. В особенности христианству.

— Но свинья-то при чем?

— У христианства еврейские корни, — сказала она, по-прежнему не глядя на него. — Что может быть для еврея оскорбительнее, чем животное, которое ему запретно есть?

Мужчина пожал плечами. Женщина, наконец, посмотрела на него.

— Это вряд ли назовешь утонченным.

— Вот и я о том же. От него я как-то ждал чего-то более стильтного.

— Знаешь, — заметила она, — когда ты восстаешь из мертвых, то уж сам решаешь, что стильно, а что нет.

* * *

Шоу транслировали по всему миру по радио и телевидению, а также по Интернету. Давид смотрел это представление на экране компьютера, пока Альби перевозил его на вертолете в Петру. Наглость Карпати его не удивляла, но у него были родственники в Израиле, он помнил эти места с детства, так что от всего этого зрелица у него заболела голова. Он прижал ладонь к больному месту, что напомнило

ему, как за ним ухаживала Ханна. А это, в свою очередь, заставило его вспомнить, что он делал до того, как потерял сознание — искал пропавшую невесту в суматохе, возникшей после воскресения Карпати, — и душа его снова заныла от тоски по Энни. Он встретится с ней меньше чем через три с половиной года, но от этого оставшееся время Скорби будет тянуться куда дольше для него. Если он останется в Петре, то он и Ханну так же долго не увидит.

Давид завидовал Бизону Уильямсу — тот был женат. Он очень хотел познакомиться с Хлоей, мозгом Международного общества взаимопомощи. Кроме организации подпольной сети взаимопомощи, благодаря которой верующие могли покупать и продавать друг другу товары в тех точках мира, где они были отрезаны от мирового рынка, она почти в одиночку провела вербовку людей для осуществления операции «Орел», не встречаясь ни с кем лично. В холодильнике за спиной у Альби было достаточно еды, чтобы Давид мог продержаться до прибытия израильских беженцев. Возможно, Господь пошлет Давиду манну еще до прибытия остальных. Он надеялся, что припасы — не признак маловерия.

Хотя Хлоя организовала доставку последнего компьютерного оборудования из различных частей света и все это сейчас тоже находилось в грузовом трюме, Давид мог только догадываться, сколько времени у них с Альби уйдет на разгрузку. Он изучал аэроснимки района, думая, где бы ему развернуть центр связи и где он сам будет жить.

— Прямо и не подумаешь, что в этом месте уместятся все верующие Израиля.

— Это точно, — ответил Альби. — Мы предполагаем, что убежище будет необходимо примерно миллиону человек. В Петре может уместиться не более четверти этого количества.

— А куда же девать остальных?

— Расширим границы, вот и все. У взаимопомощи для остальных найдутся палатки.

— А они будут в безопасности? Вне Петры?

Альби покачал головой:

— Мы не знаем этого, брат. Это уже вопрос веры.

* * *

В Чикаго было чуть больше трех часов ночи. Цион лежал на койке в своем кабинете, заложив руки за голову. Он боролся со сном, глядя трансляцию на экране своего монитора. Он услышал голоса из общей комнаты, встал, на цыпочках пошел туда и увидел Хлою, которая сидела и смотрела телевизор, держа Кенни на коленях.

— Ты можешь этому поверить? — сказал он.

— Рить! — крикнул Кенни. Хлоя утихомирила его.

Она поджала губы.

— Жаль, что я не там.

— Радуйся тому, что Господь позволил тебе свершить, Хлоя. Судя по всем донесениям, все работает как часы.

— Я знаю. И еще я поняла, сколько могут сделать незнакомые друг с другом люди, если их связывает общее дело.

Цион сел на пол.

— Партия машин сейчас, наверное, уже в пути.

— Это так, — сказала она. — И это самая рискованная часть плана. У нас нет времени нарисовать на них знак МС.

— Нам поможет Господь, — сказал Цион.

— Готты! — крикнул Кенни.

— А это «Бог» по-немецки, знаешь? — сказал Цион.

— Сомневаюсь, что он умеет говорить на двух языках, — заметила Хлоя. — Но Бизон, сдается, умеет. Никогда не учил другого языка, но теперь разговаривает на иврите, сам того не зная.

* * *

Бизон понял, что Карпати не собирается обращаться к толпе, пока не окажется у Могилы в саду или на Храмовой горе. Он смущил многих на Крестном пути, миновав несколько традиционных остановок, где люди распевали, скандировали и славили его. Хаим двигался все медленнее, и Бизон забеспокоился за его здоровье.

Однако одурманенная свинья была тоже слаба, и миллионная толпа расхохоталась, когда ее передние ноги вдруг подломились, и она упала на колени, и Карпати чуть не перелетел через ее голову. Они хохотали, пока охрана спешно снимала Карпати с седла. Он направил на нее палец, словно дуло пистолета, когда она остановилась. Затем провел себе по горлу, словно показывая, что в конце концов будет со свиньей.

Николае зашагал вперед, пока с полдесятка миротворцев затаскивали свинью в подъехавший военный грузовик. Потентат шел от центральной автобусной станции к традиционному месту Голгофы, и Бизон мог только смотреть ему вслед. Он был счастлив, что не стали устраивать подобия распятия, но его чуть не вывернуло, когда Карпати остановился на краю Горы и снова раскинул руки, словно обнимая весь мир.

Внезапно рядом с хозяином появился Фортунато и попытался изобразить его позу. Он продержался всего несколько секунд, потому как снова принялся чесать щиколотку. У некоторых в толпе, похоже, начался такой же нервический суд.

— Узрите же того, кто принимает на себя грехи мира! — взревел Фортунато.

Бизон стиснул зубы и отвел взгляд, заметив, что Хаим сейчас дышит тяжело и коротко.

Небо почернело, люди подняли воротники и стали оглядываться в поисках убежища.

— Не прячьтесь, если вы верные последователи вашего воскресшего владыки! —

крикнул Фортунато. — Я получил силу свыше, чтобы поражать огнем врагов князя мира сего! Пусть же верные покажут себя!

Бизон застыл. Тысячи людей прыгали, орали и размахивали руками, а он стоял, пораженный ужасом, понимая, что сейчас на него все укажут как на противника Карпати. Хаим скрестил руки на груди и уставился прямо на Фортунато, словно привлекая на себя его громы и молнии.

— Сегодня вы сможете поклониться изображению вашего бога! — кричал Фортунато, но видно его было только при вспышках молний. Бизон увидел восторженные лица толпы. — Но сейчас вы можете поклониться лично ему! Все славьте того, кто возлюбил вас!

Тысячи людей упали на колени, воздев руки к Николае, который продолжал стоять, раскинув руки, упиваясь восхвалениями.

— Сколькие из вас примут сегодня печать верности здесь, на Храмовой горе? — уговаривал Фортунато, теперь расчесывая уже три места, включая живот.

Бизон не отрывал взгляда от жалкого лизоблюда Карпати, который сейчас стоял словно в свете стробоскопа, и думал — неужели сейчас его увидит и поразит смертью человек, сила которого идет от ада?

Тысячи вскочили, размахивая руками и показывая главе карпатианства, что они придут туда и получат свое клеймо в тени идола. Это позволило Бизону с Хаимом стать хоть немного незаметнее.

— Мой владыка, истинный господь мира сего, дал мне силу читать в ваших сердцах! — сказал Фортунато. Люди стали еще сильнее прыгать и размахивать руками.

— Это неправда, — прошептал Хаим. Бизон наклонился поближе. — Карпати... Антихрист... Сатана не всемогущ. Он не может сказать своему лжепророку того, чего сам знать не может.

Бизон, прищурившись, посмотрел на Хаима. Что это? Это и есть противостояние? Это ли Моисей, говорящий против фараона? Бизон показал, что Хаим должен выкрикнуть эти слова, чтобы все услышали. Но Хаим отвел взгляд.

— Я увижу, если сердца ваши живы! — говорил Фортунато в промежутках между раскатами грома, почесывая себя то тут, то там в мелькающем свете. — Вам не скрыться от всевидящего ока вашего бога и его служителя!

Люди снова вдруг запели гимн во славу Карпати, но у Бизона не хватало духу петь даже собственные слова.

Внезапно толпа замолчала, раскаты грома утихли до низкого рокота, словно удалявшегося. Фортунато обводил огромную толпу взглядом, по-прежнему почесываясь. Карпати как-то сумел устоять в прежней позе. Но все головы повернулись на пронзительный голос, раздававшийся от подножия Голгофы. Толпа быстро расступилась вокруг женщины, которая стояла, указывая на Карпати и Фортунато.

— Врете! — кричала она. — Богохульники! Антихрист! Лжепророк! Горе тому, кто

смеет занять место Иисуса Христа Назарея-
нина, Агнца Господня, искупившего грехи
мира! Вам не устоять против Владыки Небес!

Бизон просто оцепенел. Это была Хэтти!
Хаим рухнул на колени и сцепил руки в мо-
лите.

— Господи! Спаси ее!

— Я сказал! — взревел Фортунато.

— Лживый пустобрех! — крикнула Хэт-
ти. Она подняла руку к небесам. — Да будет
мне свидетелем Господь, есть единственный
посредник между Богом и человеком, и это
Иисус Христос!

Фортунато указал на нее, и с неба ринулся
шар ревущего пламени, осветив все вокруг.
Хэтти вспыхнула. Люди бросились в сторо-
ны, вереща от ужаса, а она стояла как живой
факел. Пламя охватило ее одежду, ее волосы,
все ее тело. Но пока она словно плавилась во
всепожирающем пламени, тучи над ней вдруг
разошлись, и снова появилось солнце.

Легкий ветерок опрокинул Хэтти, словно
статую. Люди, разинув рты, смотрели, как
она рассыпалась пеплом, и на земле остался
лишь ее силуэт. Когда пламя угасло, ветер
унес дым и развеял ее останки.

Фортунато снова заговорил, завладев
вниманием толпы.

— Не удивляйтесь тому, что я говорю
вам. Сила дана мне от неба на земле!

Карпати осторожно спускался к Лобно-
му месту, и молчаливая толпа следовала за
ним. Проходя мимо дымящегося пепла, не-
которые плевали, другие пинали прах.

На Бизона нахлынули воспоминания о встрече с Хэтти, о том, как он сам представил ее Карпати. Он повернулся к Розенцвейгу и схватил его за плечо, рывком подняв его на ноги.

— Это должен был быть ты, — прошипел он. — Или я! Мы не должны были возлагать такое на ее плечи!

Он выпустил старика и пошел прочь от него к Могиле в саду, не оглядываясь, идет ли Хаим за ним. Если Розенцвейг не хочет принять мученический венец, хотя верующим он был даже больше, чем Хэтти, то, значит, Бизон должен занять место выбывшего бойца. Он не знал, что хотели устроить на могиле Фортунато и Карпати, но если придется, на сей раз он выступит против Антихриста.

* * *

Рэйфорд был готов к действию, как никогда с тех пор, как уверовал. Руководя продвижением своих сил в операции «Орел», он одновременно отслеживал поползновения Карпати. Все станет понятно, когда Хаим откроет себя и уведет оставшихся верующих в убежище. Это будет сигналом к возвращению в Мицпе-Рамон и воздушной переброске людей в убежище.

Но сейчас его телефон просто разрывался от сообщений. В первую очередь он ответил на звонок Хлои.

— Что такое? — спрашивала она. — Фортунато кого-то испепелил, но они не показывают, кто это был! Вдруг Хаим?

— Не знаю, — ответил Рэйфорд. — Я тебе перезвоню.

О том же самом сообщил Давид, и почти сразу же ему об этом сказали Мак и Абдулла.

— Я перезвоню Бизону, — сказал он.
Но Бизон не отвечал.

* * *

Давид провел следующий час, устраиваясь возле «высокого места», точки, которую много сотен лет назад язычники использовали для жертвоприношений своим богам, чтобы быть поближе к небу. Он остался один. Альби вернулся назад сразу же после того, как они разгрузили вертолет. Давид не знал, сколько ему придется здесь прожить до того момента, когда сюда переселятся миллионы других людей. Пока ему довелось только с воздуха видеть потрясающий шедевр архитектуры, этот пещерный город, вырезанный в красных скалах. Он представить себе не мог, как это будет выглядеть вблизи и когда у него будет время рассмотреть все как следует.

Никто, похоже, не знал, что случилось с Фортунато и толпой на Голгофе, и порой, глядя на экран, он видел, что толпа движется к Могиле в саду. Затем он услышал какой-то

звук и застыл в торжественной тишине этих высот. Кто-то пытался связаться с ним через компьютер. Давид выбрался из пещеры, которую выбрал себе для жилья здесь. Он сел на землю перед компьютером, скрестив ноги. Шел прямой репортаж из Иерусалима, комментатор нудно бубнил, заполняя паузу перед очередным событием. Никаких чрезвычайных сообщений о том, что происходило на предыдущей остановке, не было. Он проверил закодированный сайт операции «Орел», но ничего нового не обнаружил.

Снова тот же сигнал. Он переключился на прием сообщения от Чаня Вонга из его комнаты во дворце в Новом Вавилоне.

«Я нашел просто золотую жилу! — писал Чань. — Загружайтесь и порадуйтесь со мной!»

* * *

Верховный главнокомандующий Уолтер Мун явно чувствовал себя неуютно перед толпой, особенно перед такой огромной, которая образовалась вокруг Могилы в саду. Для него срочно подключили микрофон и звуковую систему, и он нервно стал зачитывать текст по бумажке. Бизон оказался в первых рядах, потеряв Хaima в толпе.

Поведение толпы изменилось. Радостное ожидание сменилось страхом, но все боялись уходить. Они увидели силу, дарованную

Леону Фортунато, и никто не желал, чтобы подумали, будто бы он отказывается от своего намерения принять клеймо верности.

— Спасибо, что вы сегодня с нами, — начал Мун. — Как вы знаете, я верховный главнокомандующий Мирового Сообщества Уолтер Мун, и я на время принимаю бразды правления из рук достопочтеннейшего отца карпатианства Леона Фортунато, поскольку он отправился сейчас подготовить для потентата Николае Карпати обращение, которое будет оглашено на Храмовой горе через час.

— Он в порядке? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Более чем в порядке, — ответил Мун, — судя по его выступлению на Голгофе. — Наверное, он намеревался вызвать у толпы смех, но когда не получилось, он снова взял бумажку и стал искать, где он остановился.

Бизон позвонил Чаню.

— Мы на защищенной линии, мистер Вонг? — спросил он. — Проверьте.

— Да, сэр, мистер Уильямс, и я только что связывался через компьютер с мистером Хассидом, чтобы...

— Прости, нет времени. Свяжись с медицинским отделом и узнай, что случилось с Фортунато.

— Извините?

— Что непонятно?

— Я все понял, но мне казалось, что вы на торжестве в Иерусалиме. Карпати и Фортунато там, вместе с...

Осквернение

— Фортунато исчез, и они говорят, что он отправился вперед, чтобы провести какую-то подготовку.

— Сейчас узнаю. — Бизон услышал щелканье клавиш. — Правильное решение, мистер Уильямс, — сказал он. Потом зачитал: — «Секретно. Только для высшего руководящего состава... Достопочтеннейший bla-bla-bla, под опекой ведущего хирурга дворца, передвижной госпиталь, Иерусалим, bla-bla». Ага, вот. «Предварительный диагноз. Сыпь, несколько фурункулоподобных эпидермальных нарывов. Подозрение на карбункулез». Это все на настоящий момент.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Цион волновался за Хлою. Ей слишком многое приходилось держать в голове, так что нагрузка у нее была чудовищная. Но она казалась такой расстроенной. Конечно, она боялась за Бизона, который находился в еще более опасной ситуации, но, как догадывался Цион, еще сильнее ее угнетало бездействие. Все члены отряда Скорби то и дело пытались внушить ей, что она — один из самых важных бойцов и что мало кто способен сделать то, что делает она. Но Хлоя хотела быть в гуще событий. Как же Циону хотелось переубедить ее!

Он был рад, что может отдохнуть от своей неудобной койки, но пока они с Хлоей следили за утомительным репортажем из Иерусалима, ожидая фиаско Карпати в попытке добраться до Могилы в саду, Кенни заснул. Хлоя виновато посмотрела на Циона, пыта-

ясь встать вместе с малышом. Она протянула свободную руку, и он помог ей подняться с дивана. Пока она шла к кроватке Кенни, Циону показалось, что он слышит какой-то звук из своего кабинета. Снова Чань?

Он тихонько вернулся к себе и нашел отложенное сообщение, отправленное два дня назад и отосланное автоматически в установленный отправителем срок.

«Доктор Бен-Иегуда!

Пожалуйста, передайте это моим братьям и сестрам во Христе, старым друзьям и новым. Я не знаю, что мне сказать — просто я уверена, что Господь призвал меня рискнуть жизнью ради нашего общего дела. Я уж точно не искала такого и надеюсь, что все вы знаете, что я себя считаю отнюдь не великим человеком.

Молюсь в своей комнате в отеле Тель-Авива...»

Цион встал, сердцем понимая, что это не какие-то измышления неофитки. Он наклонился к экрану и дочитал до конца. Со столом бросился назад, туда, где Хлоя дослушивала речь Уолтера Муна.

— Я переправил на твой компьютер послание, которое ты немедленно должна прощать, — сказал он, понимая, что его дрожащий голос испугал ее.

— Что-то с Бизоном? — произнесла она. Он покачал головой. — Хаим?

— Нет, — сказал он. — Пожалуйста, разбуди остальных. Нам нужно будет помолиться. А после этого ты позовешь Кэмерону.

* * *

Давид проигнорировал сигнал о сообщении от Циона. Это может подождать, пока он не посмотрит то, что прислал ему Чань. Молодой человек не только собрал в единый файл сообщения со всего дворца, начиная с гостевых апартаментов Вонгов. Он приложил также перевод с китайского на английский. Давид потом сверит перевод вместе с Минь, чтобы убедиться в его точности. Чань начал с сообщения о том, что помнит «только обрывки того, что происходило до той самой анестезии. Вы должны сами знать, что они ничего такого не применяют».

Давид знал. Но он не больше Чаня знал о том, что происходит на самом деле. Обзор Чаня начался с очередного громкого спора его с отцом. Госпожа Вонг пыталась примирить отца с сыном, но ей не удалось.

— Ты первым примешь клеймо верности! — гласили субтитры на фоне гневного шепота Вонга на китайском.

— Не приму! Ты верен Карпати, а я — нет!

— Не неси ереси, сосунок! Моя семья верна мировому правительству, как я всегда был верен своим старшим! А теперь мы знаем, что потентат — сын бога!

— Никакой он не сын! Я ничего такого не знаю! Он сын Сатаны, а не бога!

Давид услышал звук пощечины и падение тела на пол.

«Это я упал», — писал Чань.

— Ты сам видел, как этот человек воскрес! И ты будешь поклоняться ему, как и я!

— Никогда!

Звук захлопнутой двери. Затем звонок по телефону.

— Господин Мун! Сын сошел с ума. Он говорит, что не хочет клейма, но он просто боится иглы. У вас есть транквилизатор?

— Я могу добыть транквилизатор, мистер Вонг, но мы вводим его иглой.

— Укол?

— Да. Подкожная инъекция.

— Да! Да! Я могу!

— Вы сможете поставить инъекцию? — сказал Мун.

— Что?

— Укол сделать?

— Да! Просто дайте!

Господин Вонг бросил трубку и, похоже, вернулся туда, где заперся в комнате Чань.

— Будь готов через десять минут.

— Не пойду!

— Пойдешь, или будешь отвечать передо мной!

— Я тебе как раз и отвечаю. Я тебе говорю, что не пойду. Я не хочу здесь работать. Я хочу домой.

— Нет!

— Я хочу поговорить с мамой.

— Отлично! Мать сумеет вправить тебе мозги!

Через несколько минут — тихий стук.

— Мама?

— Да. — Звук открываемой двери. — Сынок, ты должен сделать так, как говорит отец. Мы не сможем выжить в этом новом мире, если не продемонстрируем верности его лидеру.

— Но я не верю в него, мама. Минь тоже не верит.

Долгая пауза.

— Она не верит, мама.

— Она говорила мне. Я боюсь за ее жизнь.

Я не могу сказать твоему отцу.

— И я думаю как она, мама.

— Ты тоже иегудаит?

— Да. И я скажу это, если он попытается заставить меня принять клеймо.

— О, Чань, не делай этого! Я потеряю обоих моих детей!

— Мама, ты тоже должна прочесть то, что пишет рабби Бен-Иегуда! Хотя бы загляни! Умоляю тебя!

— Возможно. Но сегодня ты должен подчиниться отцу. Ты примешь клеймо. Если ты прав, твой Бог простит тебя.

— Так не бывает. Я уже принял решение.

Вернулся господин Вонг.

— Идем. Мистер Мун ждет.

— Не сегодня, — взмолилась госпожа Вонг. — Пусть Чань немного подумает!

— Времени на размышления больше нет! Он позорит семью!

— Нет! Не пойду! Ты меня не заставишь! Тишина. Затем голос госпожи Вонг:

— Муж мой, прошу тебя.

— Ну ладно же. Я скажу мистеру Муну, что не сегодня.

— Спасибо, отец.

— Но скоро.

— Спасибо за долготерпение, муж мой.

Судя по звукам, родители вышли. Затем дверь отворилась.

— Отец?

— Так ты подумаешь об этом?

— Я уже много об этом думал

Скрип кровати.

— Отец, я... ой! Не надо! Ты что делаешь?

Что это?

— Это поможет тебе расслабиться. Сейчас ты немножко отдохнешь.

— Да не нужен мне отдых! Ты что со мной сделал?

— Видишь? Не так уж ты боишься иголки! Это не больно.

— Но что это было?

— Я помогу тебе успокоиться.

— Я спокоен.

— Сейчас ты отдохнешь.

Звук закрываемой двери.

— Сколько ждать, мистер Мун?

— Недолго. Но не затягивайте, иначе он не сможет идти сам.

— Хорошо. Поможете.

Они вернулись.

— Чань?

— М-м-м?

— Ты идешь с нами?

— С кем?

— С мистером Муном и мной.

— С кем?

— Ты знаешь мистера Муна.

— Нет, я...

- Пошли.
- Я... не... хочу... м-м-м...
- Хочешь, хочешь.
- Нет, я...

Судя по звукам, двое мужчин пытались заставить Чаня идти с ними, а он бормотал по-китайски и по-английски, что не хочет, и упирался.

«Теперь смотрите, — писал Чань. — Камера слежения в коридоре показывает, что они буквально волокут меня по коридору. Посмотрите, что я делаю! Я же крещусь! И вот еще! Я воздеваю руку к небесам! Я понимаю, что невозможно доказать то, что я делал, потому что они заставили меня забыть даже разговор с матерью! И я не знаю, что пытаюсь здесь сказать, но я просто должен быть заявить им, что я — верующий!»

Весь остаток пути, судя по собранным Чанем по кусочкам показаниям остальных камер в коридоре, ведущем в здание «Д», Уолтер Мун и господин Вонг почти тащили Чаня. В какой-то момент к ним присоединился третий человек, с камерой. Юноша плакал, пытался что-то сказать. Мун заверял оператора и всех случайных свидетелей, что «с мальчиком все в порядке. Просто небольшая реакция на медикаменты».

Самыми шокирующими были показания камеры из здания «Д», и когда Чаня туда приволокли, он был уже без сознания. Глаза его были закрыты, он что-то бормотал, пускал слюни.

— Сними бейсболку, — сказал его отец. — Приглядь волосы.

Женщина-техник, по виду филиппинка, включила устройство.

— Мальчик в порядке? — спросила она.

— В порядке, — ответил Мун. — Каков региональный код для Соединенных Азиатских Штатов?

— Тридцать, — сказала женщина, устанавливая имплантат. — Я боюсь, что у меня будут проблемы с...

— Вы знаете, кто я?

— Конечно.

— Я приказываю вам выполнять свою работу.

— Да, сэр.

Женщина протерла лоб безвольного Чаня марлей и прижала механизм к его коже, тот громко щелкнул и засвистел.

— Спасибо, — сказал Мун. — А теперь приготовьтесь — через час тут будут стоять очереди.

Женщина-техник ушла, и господин Вонг и мистер Мун стали по очереди поддерживать Чаня в сидячем положении.

— Приглядь волосы, — говорил господин Вонг, хлопая Чаня по щекам. — Мы сделаем снимок.

Фотограф снял Чаня цифровиком. Юноша очнулся, и отец сунул фотоаппарат прямо ему под нос.

— Ну вот, — сказал господин Вонг. — Посмотри на нового служащего, одного из первых, принявших печать верности!

Чань закачался и отшатнулся, потянулся к камере, пытаясь сфокусировать взгляд на

снимке. Плечи его поникли, он с гневом посмотрел на отца. Лицо его окаменело. Когда господин Вонг и мистер Мун поставили его, он спросил:

— Где моя бейсболка?

Он глубоко надвинул ее и стоял, пока не восстановил равновесие. Он сказал что-то своему отцу по-китайски.

«Что ты наделал?» — написал Чань.

— Однажды ты поблагодаришь меня, — сказал мистер Вонг. — А теперь мы пойдем туда, где ты отдохнешь до собеседования.

«Я помню только обрывки своего спора с отцом и момент укола, — писал Чань. — Я смутно вспоминаю вспышки камеры, свою злость на отца. После этого я помню только, что какое-то время сидел вместе с Муном и отцом в боковой комнате и медленно осознавал, что мне поставили клеймо верности. Я хотел убить их обоих, но был в слишком большом смятении. Я беспокоился о том, что вы подумаете. Я плохо соображал во время первой части нашего собеседования, но затем я решил пойти ва-банк и попытаться донести до вас, какая из всего этого может быть выгода. Вы уже знаете, хотя я сам этого не знал, что встреча в вашем кабинете тоже записывается. Я могу послать вам запись, если вам нужно напомнить, но пока конец передаче».

Давид выпрямился и понял, что у него затекли ноги. Он помотал головой, чтобы снять напряжение в шее. Сейчас Чань мониторит события у Могилы в саду. Давид щелкнул кнопкой мыши и открыл сообщение от Циона.

* * *

В кармане у Бизона завибрировал телефон, но он даже не глянул, кто звонит. Он уж было подумал, что это Господь зовет его занять место Хaimа, но это было глупо. Конечно же, избранник должен быть израильтянином. Возможно, это звонил потерявшийся в толпе Хaim. Пусть идет своим путем. Этот человек упустил свой шанс. Никто не обещал, что это будет легко. Ничего уже не будет легко. Но призыв Господа нетрудно распознать. И Он явно призывал Хaimа. Если Хэтти хватило отваги сделать то, что она сделала, причем явно сознавая, что в живых ей не останется, то как кто-нибудь из них посмеет снова отказаться от своих обязанностей?

Карпати выступил из-за занавесей, закрывавших гробницу, улыбнулся и раскрыл объятия толпе. Люди были уже не так воодушевлены и просто зааплодировали в ответ. Больше никто не кричал, не размахивал руками, не падал на колени. Казалось, что большинство просто хочет поскорее добраться до Храмовой горы и встать в очередь за клеймом, чтобы не сгореть в огне, как та чокнутая у Голгофы.

— Я не был погребен! — заявил Карпати. — Я лежал мертвым на виду всего мира три дня. Говорят, что кто-то воскрес вот здесь. Но где он? Вы видели его когда-нибудь? Если он — Бог, то почему его до сих пор здесь нет? Некоторые хотят, чтобы вы поверили,

будто он стоит за исчезновениями, которые нанесли такой урон миру. И что же это за Бог такой? И те же самые люди хотят убедить вас в том, что я — противник их Всевышнего. Но вы ведь видели, что я воскресил сам себя? Я стою среди вас, бог земной, занявший свое законное место. Я принимаю вашу преданность.

Он поклонился, и толпа снова зааплодировала.

Мун подошел к микрофону и прочел по бумажке:

— Он воскрес!

— Воистину воскрес, — зашептали люди.

— Ну, ну, — нервно улыбнулся Мун, — вы же лучше умеете это делать! Он воскрес!

— Воистину воскрес! — ответила толпа, и кто-то зааплодировал. Овация медленно нарастала, пока Мун не поднял руку, призывая к тишине. — Мы даем вам возможность воздать почести лично потентату и его образу на Храмовой горе, и там вы можете выказать вашу вечную ему преданность, приняв печать верности. Не затягивайте. Не отворачивайтесь от этого. Вы сможете сказать своим потомкам — его святейшество лично присутствовал при том, как вы засвидетельствовали свою преданность.

Теперь Мун говорил тише, словно раздумывая, но по-прежнему явно читал по бумажке.

— И запомните — печать, и поклонение категорически обязательны!

Сверху спустился вертолет, чтобы взять на борт Карпати и остальных важных персон

и отвезти их на Храмовую гору. Бизон так и не видел Хайма с тех пор, как они потеряли друг друга у Голгофы. Толпа быстро рассеялась, и многие побежали к центру внедрения верности.

* * *

Не дозвонившись до Бизона, Рэйфорд позвонил Циону.

— Значит, на Голгофе погибла Хэтти?

— Мы так поняли, Рэйфорд. Мы скорбим и молимся. Но мы поражены тем, что Господь говорил с ней.

Рэйфорд знал Хэтти много лет, однажды он даже чуть не изменил с ней жене. Он попросил дать трубку Хлое. Сначала ни он, ни его дочь не могли говорить. Наконец, Рэйфорд сказал:

— Кажется, ты уже сто лет как знакома с ней.

— Думаешь, она чего-нибудь добилась, папа?

— Не мне судить. Но она подчинилась призыву Бога. Это ясно.

— Зачем она была там?

— Не знаю. Если кто-то в толпе и поколебался после этого, мы знать не можем.

— Они увидели, что может случиться с тем, кто выступает против Карпати, — ответила Хлоя. — Не вижу, к чему все это было. Никто и слова не сказал.

Рэйфорд пытался отмахнуться от одной навязчивой мысли, но не получалось.

— Хлоя, ты завидуешь ей?

— Хэтти?

— Да.

— Конечно. Даже сильнее, чем могу сказать. Он помолчал.

— Кенни в порядке?

— Спит. — Она немного помолчала. — Пап, я ведь дрянь?

— Нет. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. По крайней мере, мне так кажется. Но большинство считают тебя героиней, котенок.

— Не в том дело. Не потому я ей завидую.

— Так почему?

— Она была там, папа! Она была на переговорной! Она занималась настоящим делом!

— Но ты же...

— Я знаю. Просто в следующий раз выпусти меня, ладно?

— Посмотрим. От Бизона есть новости?

— Не могу до него дозвониться, — сказала она.

— И я тоже. Думаю, они с Хаимом осторожничдают.

— Я просто хочу, чтобы он вышел на связь, папа.

* * *

Бизон ждал у Могилы в саду, пока толпа не рассосалась. Ему уже было все равно, вызывает он подозрения или нет. Он осматри-

вался по сторонам и думал, как ему объяснить то, что он потерял в толпе Хайма. Бизон уже забыл, что он пытался доказать или чего добиться, когда покидал его. Конечно, он до сих пор был зол на Хайма, но чего он хотел от старика, который столько перенес? Да и Хайм не сам вызвался на это дело.

Бизон шел, едва переставляя ноги, среди оливковых деревьев. Охранники то и дело посматривали на него. Он вспоминал первую встречу с доктором Розенцвейгом. Он ведь знал его уже много лет. Обычно он не заявывал приятельских отношений с героями своих статей, особенно с Персонами года, но с этим человеком он очень сблизился.

Полуденное солнце немилосердно пекло. Сад был по-прежнему прекрасен, землетрясение его не затронуло. У входа в гробницу стоял вооруженный охранник, неподвижный, как манекен.

— Можно войти? — спросил Бизон. Но охранник даже не посмотрел на него. — На минуточку? — еще раз спросил он. Никакого ответа

Бизон покачал головой и нырнул внутрь, словно показывая — хочешь остановить меня, так останови.

Охранник по-прежнему не реагировал. Бизон очутился в неожиданной прохладе склепа. Косой луч света из входа падал на то место, где в свое время лежали погребальные одежды Иисуса. Бизон не понимал, почему Карпати и его прихвостни так и не коснулись этого места.

Он быстро поднял взгляд на звук шаркающих шагов. Вошел Хайм. Бизон хотел было

что-нибудь сказать — извиниться хотя бы. Но старик тихо плакал, и Бизон не захотел ему мешать. Хаим преклонил колени на каменной плите, залитой светом, закрыл лицо руками и зарыдал. Бизон прислонился к стене. Он опустил голову, в горле стоял комок. Может, Хаим пришел сюда просить еще чуточку отваги, чтобы все же последовать призыву? Он казался таким маленьким и хрупким в своей хламиде не по росту. Он был настолько раздавлен горем, что едва мог стоять.

Бизон услышал какой-то вздох снаружи, затем скрип кожи и звук шагов. Затем в проеме входа, почти загородив свет, возник силуэт охранника.

— Дайте нам еще минутку, прошу вас, — сказал Бизон.

Но охранник продолжал стоять на месте.

— Если вы не против, мы сейчас уйдем. Вы говорите по-английски? Извините, я...

— Что вы ищете живого между мертвymi?¹ — послышался шепот. — Не страшитесь, ибо я знаю, что ищете вы Иисуса распятого. Его нет здесь, Он воскрес, как Он говорил вам.

Хаим резко выпрямился и обернулся к Бизону, присматриваясь к нему в тусклом свете.

— Вы, — обратился Бизон к охраннику, — вы... вы...

Но охранник снова заговорил:

— И сказал Господь Моисею: так благословляйте сынов Израилевых: «Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да при-

¹ Евангелие от Луки, 24.

зрит на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир! Так пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я, Господь, благословлю их»¹.

— Благодарю Тебя, Господи! — прохрипел Хаим.

Бизон уставился на охранника:

— Сэр? Вы...

— Меня зовут Анис.

— Анис!

Охранник отступил назад. Бизон последовал за ним, но охранник исчез. Вышел Хаим, прикрывая глаза от солнца. Он вцепился в руку Бизона и поволок его к сувенирной лавочке, в которой сидела молодая женщина и, судя по выражению ее лица, собиралась уже закрывать свой магазинчик. Бизон с трудом мог поверить, что такое заведение Мировое Сообщество еще не прикрыло.

Казалось, Хаим точно знал, что ищет. Он выбрал маленькую дешевую копию сосуда, в котором были найдены свитки Мертвого Моря² в пещерах Кумрана. Он показал их молодой женщине и посмотрел на Бизона, который искал в кармане мелочь.

— Два ника, — сказала она.

¹ Числ , 6: 22—27

² Свитки Мертвого моря, или Кумранские рукописи, — рукописные документы, содержащие альтернативные и самые древние версии текстов Нового Завета. Обнаружены начиная с 1947 г., в пещерах Кумрана, а также в ряде других пещер Иудейской пустыни и в Массаде

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Он оторвал чек, по дороге к выходу Хаим открыл коробочку, вытряхнул из урны маленький печатный свиток и положил глиняный сосуд размером с ладонь в карман своей хламиды. Внезапно походка его стала уверенной и быстрой, и он повел Бизона тем же путем, которым шла толпа. На Голгофе теперь не было никого, но Хаим подошел туда, где была испепелена Хэтти. Он опустился на колени у остатков ее пепла и осторожно всыпал горстку праха в сосуд и заткнул его пробкой.

Положил сосуд в карман и выпрямился.

— Идемте, Кэмерон, — сказал он. — Нам надо добраться до Храмовой горы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Давид Хассид сидел, очарованный тишиной и пустотой высот Петры. Если древние язычники в таких местах приносили жертвы в час отчаяния, чтобы выпросить у своих богов милость, то сам он хотел всего лишь вознести Богу благодарность. Любые слова, любые жертвы не смогут дать ему того, что Господь дает по доброй воле.

Он видел только небо, облака, долины. Порой пролетали хищные птицы. Было понятно, что это место — идеальная колыбель, убежище для оставшихся израильтян, тех, которые признали, что Иисус и есть тот самый Мессия, долгожданный и предсказываемый пророками. Именно он был последним звеном в цепи любви Господа к Своему избранному народу.

Но дела Давида — все его устройства, чудеса технологий — не позволяли ему как

следует насладиться святостью замысла Господня. Ему отчаянно нужно было узнать всю правду про Чаня. Но известие о Хэтти Дюрхем потрясло его. А еще было краткое сообщение, с трудом прошедшее с телефона Бизона, — о том, что Давиду следует отслеживать события на Храмовой горе. Но затем пришло сообщение от Циона, в котором он предупреждал о заключительной лекции по поводу следующего события по календарю пророчеств, а именно осквернения Антихристом святых святых.

Это не было новостью, Цион и прежде об этом говорил. Но если рабби чувствовал необходимость рассказать о нем и особенно подчеркнуть для миллиардов своих слушателей, то Давиду ли спорить? Лекция, согласно оповещению по Всемирной сети, будет дана этим вечером. Люди, которые могут получить наибольшую пользу от лекции Циона, завтра уже, возможно, вынуждены будут бежать, спасая свою жизнь.

Давид набрал строку, вызвав репортаж Си-эн-эн МС с Храмовой горы, а на другую половину экрана вывел показания старой камеры, которая двадцать четыре часа отслеживала события у Стены Плача. Он был уверен, что об этой камере давно забыли. Удивительно, что она до сих пор функционирует, хотя четкость картинки с годами снизилась.

Давид хотел установить свои приемопередатчики в стратегических точках, чтобы по максимуму распространить беспроводную сеть, которую он проектировал для Пе-

тры. Но тут пришло еще одно срочное послание от Чаня.

«Я воспрянул духом, горю жаждой деятельности. Доктор Бен-Иегуда согласен, что эта запись оправдывает меня, хотя он опасается, что Карпати и его присные достаточно хитры, чтобы додуматься до того, чтобы накачивать транквилизаторами тех, о ком они точно знают, что они верующие, и ставить им силой клеймо верности, и что это может стать катастрофой.

Я знаю, что вы заняты, но мне кажется, что вам следует знать вот о чем — я перехватил частное сообщение Муна главам миротворцев и блюстителям морального духа в Иерусалиме. Вероятно, Уолтера испугала перемена в поведении толпы после уничтожения инакомыслящих и таинственной ситуации со здоровьем Фортунато. Не информируя Карпати, он приказал, чтобы вооруженные охранники отводили людей к центру верности. Если вы еще этого не проверили, то свяжитесь с Храмовой горой и посмотрите, что там творится».

Значит, вот что увидел Бизон, раз передал сообщение со своего мобильного на компьютер Давида. Официальная трансляция МС показывала комментаторов, которые прямо из штанов выскачивали от восторга.

— Посмотрите на сотни военных машин, растянувшихся на много миль за пределами Старого города! Они стоят по узким улочкам, ведущим к Храмовой горе, но эти машины по большей части пусты. Только небольшая

команда, по нашим оценкам, где-то по одному миротворцу на пять машин, осуществляет присмотр за ними. Мы выяснили, что остались присматривать за подвижным составом только те, кто уже получил печать верности. Остальные сегодня идут в первых рядах, показывая пример патриотизма всем гражданам. Действительно, к тому моменту, когда огромная толпа двинулась за процессией потентата Карпати по Виа Долососа, останавливаясь в половине пунктов так называемого Крестного пути ныне несуществующей христианской религии, центр верности был уже забит миротворцами и блюстителями морального духа!

Многие граждане чрезвычайно расстроены этой заминкой, но начальство Мирового Сообщества, включая самого его святейшество, весьма довольны. Вот сцена с Храмовой горы, где десятки тысяч представителей Мирового Сообщества шумно спорят за право оказаться первыми, а граждане, по большей части, терпеливо ждут в очереди, которая протянулась за пределы Старого города.

Наш репортер Аника Янссен разговаривает с гражданами, стоящими далеко в хвосте очереди.

Высокая блондинка демонстрировала как минимум зачатки владения несколькими языками. По большей части она спрашивала на их языке, говорят ли они по-английски, так что переводчикам не приходилось давать титры.

— Что вы об этом можете сказать? — спрашивала она пару, приехавшую из Соединенных Африканских Штатов.

— Это полный восторг, — говорил мужчина, — но признаюсь — мы рассчитывали оказаться в первых рядах, а не в хвосте.

Его жена кивала. Казалось, она не хочет говорить. Но когда мисс Янссен сунула микрофон ей под нос, женщина вполне осознанно высказала свое мнение:

— Честно говоря, мне кажется, что кто-то наверху настоял, чтобы военных пустили первыми. Но этих мужчин и женщин сюда направили. А ведь многие из нас пришли сюда как паломники. Я не критикую воскресшего potentата, и вряд ли я могу обвинить тех, кто воспользовался привилегией и сумел сюда попасть первым на транспорте, но это не слишком честно.

Остальные репортеры передавали такие же мнения, хотя многие люди были либо растеряны, либо испуганы, чтобы вслух высказывать свои жалобы.

— О, смотрите, нам очень повезло! — сказала Аника Янссен. — Это мисс Вив Айвинз из ближнего круга potentата! Она с микрофоном, стало быть, будет говорить. Она приветствует людей, успокаивает и призывает к терпению. Посмотрим, не сможем ли мы поговорить с ней.

Давиду показалось, что мисс Айвинз специально проводили к тому месту, где команда репортеров могла ее заметить. Она явно была готова изложить «линию партии».

— Я в таком восторге от долготерпения верных наших граждан, — сказала она. — Его святейшество просто ошеломлен рвени-

ем его собственных служащих, их желанием послужить примером верности!

— Хотя трудно было бы не заметить гиль...

— Мы предпочитаем называть это инструментом воспитания верности, — ответила мисс Айвинз с ледяной усмешкой. — Она олицетворяет серьезность принимаемого решения. Говоря откровенно, Аника, наша разведка сообщает, что мы можем столкнуться с противодействием здесь, на родине нескольких устаревших религий. И все же смею сказать, что за исключением безумцев и крайних фанатиков вроде той одиночной представительницы секты иегудайотов, которая нагло посмела усомниться в могуществе и власти достопочтеннейшего отца карпатианства, все остальные инакомыслящие уже научились держать язык за зубами.

— Кстати, мэм, что вы могли бы нам сказать о достопочтенном Фортунато? Мы думали, что он будет здесь.

— О, с ним все в порядке, спасибо, что беспокоитесь. Ему стало немного дурно из-за погоды, но он передает всем наилучшие пожелания и приветствия и надеется, что к завтрашнему утру, к моменту благословения потентатом храма, он уже будет в полном порядке.

— Благословение?

— О да. Мы уверены, что это прекрасный храм, построенный с наилучшими намерениями оказать честь богу, хотя древние и не знали, что не тому богу поклоняются. Они желали служить единственному истинному богу, но их собственное невинное неведение сбило

их с пути, и они ошиблись лишь в предмете своих восхвалений. Теперь же мы, конечно, все знаем, что наш воскресший потентат и есть истинный бог, который превыше всех и его место по праву — в доме, возведенном для того, кто восседает на небесах. Сделав этот храм своим домом для поклонения себе, он придает ему достоверности и надежности — храм становится истинным домом бога!

— Помимо так называемых иегудайтов и их огромной армии интернет-последователей...

— Конечно же, их численность непомерно завышена.

— Конечно. Но кроме этой секты, ожидаете ли вы выступлений со стороны еврейских уклонистов, которые не являются ни христианами, ни карпатианцами?

— Великолепный вопрос, Аника. Вы хорошо подготовились. Было бы прямой ложью сказать, что Си-эй-эн Мирового Сообщества — всего лишь рекламный орган потентата.

— Спасибо. Итак, вернемся к несогласным.

— Что же, мы этого ждали, и мы к этому готовы. Конечно, выступления до сих пор возможны, но я уверена, что демонстрация божественной мощи, свидетелями чего мы стали несколько часов назад, а также всесокрушающий энтузиазм части служащих МС, и эти тысячи гражданских паломников намного перевешивают любые вспышки сопротивления.

— Но иегудайты разве тоже не...

— Вы уже видели статью потентата, Аника? Достопочтеннейший Фортунато сам рассматривал все поданные на конкурс проекты, и победивший проект невыразимо прекрасен!

— Я еще не видела, но надеюсь... о, я получила сообщение, что наши камеры должны сделать снимки статуи, так что отправляемся туда!

* * *

Все вокруг Храмовой горы — которую теперь венчал новенький сияющий храм, конечно же, — было настолько забито народом, что им с Хаимом оставалось только ходить кругами да наблюдать. На них почти не обращали внимания, несмотря на одеяние Хайма. Бизон высматривал других инакомыслящих и был удивлен тем, скольких ортодоксальных евреев допустили к Стене Плача. Он не мог подойти достаточно близко, чтобы посмотреть, есть ли у кого из собравшихся там печати верующего на лбу, но он подозревал, что эти благочестивые люди готовились воспротивиться осквернению гораздо более радикальными способами, чем ношением религиозных одеяний и общей молитвой у Стены.

Остальная часть Горы была полностью превращена в высокопроизводительный конвейер. Десятки очередей верных Карпати — или как минимум испуганных — тянулись к пун-

ктам, где их регистрировали, обрабатывали, подготавливали и, наконец, клеймили. Многие ставили себе клеймо на лоб, но некоторые ставили на запястье правой руки.

Бизон даже не предполагал, что тут, в отличие от Греции, найдется хоть один человек, который откажется принимать клеймо. В окружении пунктов для нанесения клейма была установлена одна-единственная сверкающая гильотина, возле которой спокойно сидели два оператора. В десяти футах за устройством стояла без поддержки какая-то рама, завешенная тканью — вероятно, чтобы тела казненных можно было туда прятать после усекновения головы, после того как наглядный пример сделает свое дело.

Когда заклейменные закончили хвастаться друг перед другом и сниматься, их погнали по узкому проходу к восточным ступеням нового храма, где на второй сверху ступени возвышалась статуя Карпати. Сам храм, блестящая копия первоначального Храма Соломонова, отличался архаичным и сдержаным внешним видом, однако его скромный вид искупался дорогоизной кедра и оливкового дерева, обложенного золотом, серебром и медью.

Статуя Карпати была выше человеческого роста, но все, что слышал о ней Бизон, подтверждалось — это была точная копия Николае. За спиной у статуи, у входа в храм, стояли две отдельных колонны, и в портике Бизон еще увидел нечто похожее на недавно сколоченную платформу из дерева, но выкрашенную в золотой цвет.

— Карпати все учел, — сказал ему Хаим. — Это прямо копия помоста, с которого в прежние века и Соломон, и злобный Антиох — предшественник Антихриста — обращались к людям.

Многие ахали и падали на колени, глянув на золотую статую, очерченную сверканием солнца. В отличие от очередей за клеймом, эта очередь продвигалась быстрее, поскольку люди десятками падали на ступени — рыдая, кланяясь, молясь, распевая, поклоняясь идолу.

Хайма переполняло отвращение, как и Бизона. Стариk выглядел решительнее, чем прежде, но в его осанке не прибавилось ни власти, ни надежды. И он продолжал хромать. Бизон не знал, каково на душе у Хайма и как он проявит себя перед всеми как враг Карпати, но чем больше он смотрел, тем труднее Бизону становилось сдерживать себя. Он понял, что эти люди — все эти люди — избрали Сатану и ад прямо у него на глазах, и он бессилен переубедить их, и что выбор их окончательный и бесповоротный.

Бизон прикинул, что, наверное, несколько часов прошло после того, как эмэсовцы, наконец, освободили место для простых граждан. Он нашел уголок, где Хаим мог бы притупиться и отдохнуть, и спросил, не хочет ли тот чего-нибудь съесть.

— Как это ни странно, — ответил Розенцвейг, — не хочу. Вы поешьте. Я просто не могу.

Бизон достал из кармана питательный батончик и показал Хайму.

— Вы уверены?

Хайм кивнул, и Бизон стал есть. Но ему кусок в горло не шел при виде тысяч людей, выстроившихся за печатью своей судьбы. Он проглотил последние крошки и стал осматривать окрестности в поисках продавца воды, когда вдруг набежало облако, и жара спала. И, словно по сигналу, все разговоры затихли, и огромная толпа уставилась на идол, который словно бы начал раскачиваться взад-вперед, но Бизон счел, что это какая-то иллюзия.

Однако голос, исходивший от статуи, иллюзорным не был. Даже те, кто молился у Стены Плача, застыли, хотя Бизон и видел, что им статуя была не видна.

— Это собрание не единодушно в своей преданности мне! — прогудел идол. Взрослые люди попадали ничком, рыдая. — Я творец неба и земли, я бог всего сущего! Я был, и я не был, и я есть снова! Склонитесь перед своим владыкой!

Даже операторы в центрах верности застыли.

Бизон испугался, что их с Хаймом будет слишком заметно. Хотя старик был испуган не меньше его, никто из них, естественно, не пал на колени перед этой тварью. Бизон заставил себя отвести взгляд, чтобы посмотреть, не увидит ли он еще верующих, и с изумлением увидел целые ряды таких по краям толпы. Некоторые были в рабочей военной форме, других легко было принять за эмэсовцев.

Наверное, это участники операции «Орел»! Они прибыли в Иерусалим, увидели, что операция откладывается, и направились к Храмовой горе, готовые помочь при эвакуации.

Бизон хотел было махнуть им рукой, подойти, обнять своих братьев и сестер. Но кто знает, насколько далеко простер Господь Свою длань защиты? Отряд Скорби считал, что Хaima будут каким-то образом защищать сверхъестественные силы, но остальные отважные верующие приняли бы мученическую смерть из-за своей отваги и веры.

— Сегодня вы должны сделать выбор, — ревел золотой идол, — и выбор этот между жизнью и смертью! Страшитесь, вы, те, кто смеет противиться откровению о вашем истинном и живом боге, который сам себя вернул из мертвых! Вы, глупцы, цепляющиеся за свои ветхие, бессильные мифы, сбросьте цепи прошлого, или умрете! Ваш восставший из мертвых владыка и царь сказал!

Снова появилось солнце, люди медленно поднимались, и все больше туристов и паломников вставали в очереди. Бизону так хотелось, чтобы эти нерешительные выслушали доводы обеих сторон, но когда он посмотрел на Хaima, он увидел лишь бессилие.

Розенцвейг, словно читая его мысли, сказал:

— Они знают, что выбирают. Ни один живой человек не может сомневаться в том, что между добром и злом, жизнью и смертью, правдой и ложью лежит гигантская пропасть. Это вечная битва между небом и адом. Другого выбора нет, и ни один честный мужчина или женщина не могу утверждать обратного.

Что же, стариk умел резюмировать, но говорил он с таким жалким надрывом, что его голос напомнил Бизону еврейских комедиантов или рассказчиков, или застенчивых ученых, к которым, несомненно, принадлежал Розенцвейг. Бизону очень хотелось верить, что каким-то образом этот скромный представитель человечества — такой симпатичный, такой располагающий — сможет привлечь к себе воображение, сердца и умы людей за ограждением.

И все же вызов бросил не Хаим. Это он должен был выступить против Антихриста — воплощения зла, змия, древнего дракона, дьявола. Это он должен был лицом к лицу столкнуться с Карпати, указывая остаткам народа Израиля, что настала пора бежать в горы. Хотя и выглядел Хаим сейчас по-другому, но кого это обманет? Он долгое время был близким другом Карпати еще до того, как Николае стал главой Мирового Сообщества. Однажды Хаим убил этого человека! Его же немедленно узнают по голосу!

Бизон сам не понимал, разумно ли верить в такое. Если в Израиле действительно находится миллион мессианских евреев, они точно не вооружены. Карпати не собирается просто так отпускать их! У него больше ста тысяч вооруженных солдат, блюстителей морального духа в гражданском и миротворцев. Его арсенал боевых машин, танков, ракетных установок, пушек, винтовок и прочего оружия сегодня был выставлен напоказ. Бизон вздрогнул. Только Господу такое под силу, так что все будет просто — либо ты веришь, либо нет.

Бизон давно уже выбрал веру, так что ему пришлось прятать усмешку. Рядом с ним стоял, чувствуя себя не в своей тарелке, самый неподходящий для этой роли вождь миллиона человек. Ему не терпелось увидеть, как Бог все устроит.

К тому моменту тысячи эмэсовцев уже получили свою печать верности и теперь толпились вокруг, радуясь. Их офицеры торопили их вернуться по своим постам и машинам, и Храмовая гора снова ожила. Мужчины и женщины, явно менеджеры среднего звена, стояли кружком перед пунктами клеймения с мегафонами, чтобы напомнить новоиспеченным обладателям печати, что их духовный долг исполнен лишь наполовину.

— Поклонение образу обязательно! — кричали они. — Вы не исполнили еще своего долга, не преклонив коленей перед живым, дышащим, говорящим идолом вашего владыки!

Да они вроде и не уклоняются, подумал Бизон. Но многие из клейменых были молоды, их распирало от восторга. Они увидели демонстрацию могущества. Они видели самого потентата. Они понимали, что присвоение Николае Иерусалимского храма равносильно устройству резиденции в Аль-Аксе¹ или переезду в бывшую базилику Святого Петра в Риме. Этим он поставил бы себя раз и навсегда в качестве единственного истинного бога,

¹ Мечеть Аль-Акс — мусульманский храм в Старом городе Иерусалима на Храмовой горе, третья святыня ислама после мечети аль-Харам в Мекке и мечети Пророка в Медине.

владыки всего сущего. И если еще осталось хоть какое-то слабое, жалкое сопротивление, если люди действительно еще верили, что есть более высокое существо, чем его святейшество потентат, то где же эти люди? Осмелятся ли они открыть свою истинную веру перед лицом такой всеподавляющей монши?

Снова началось веселье. Менеджеры отключили мегафоны. Оживление в очередях закончилось. Появился сам Карпати в белых одеждах, золоченых сандалиях и в сверкающем поясе. Он встал на ступень выше своего собственного идола и протянул к толпе руки. Молчание сменилось оглушительным ревом. Будет ли он говорить? Коснется ли он поклоняющихся? Наверное, многие задавались тем же вопросом, поскольку медленно вставали с колен и устремлялись к нему по ступеням. Он остановил их жестом и кивнул на очередь к центру верности.

Там появилось высшее начальство, все в парадной форме, при всех регалиях, в белых перчатках, сверкая на солнце тяжелыми эполетами, полированными пуговицами и надраенными ботинками. Два десятка мужчин и женщин с высоко поднятыми головами, с царственным видом встали во главе очереди и сняли свои форменные головные уборы.

Один за другим они гордо подходили, подставляя лоб для получения печати верности. Некоторые просили печать покрупнее и потемнее, чтобы код их региона был виден издалека.

Когда последние из них получили свое, буйная толпа снова забурлила, поскольку представители высшего кабинета в торжественном порядке появились возле платформы. Последними вышли трое — Сухайль Акбар, Уолтер Мун и Вив Айвинз. Пока военная верхушка преклоняла колени на ступенях, члены кабинета ждали, когда все будут обработаны и пройдут пункт поклонения.

Все это время Карпати с благостным видом стоял над идолом, взирая на эту уничтожительную демонстрацию верности. Толпа радостно взревела, когда мистер Акбар повернулся ко всем лицом, демонстрируя огромную черную цифру 42, украшавшую его смуглый лоб. Затем мистер Мун показал свою — 6. Наконец, мисс Айвинз преклонила колени на мостовой, получив свое клеймо, затем встала и обернулась. Бизон не мог разглядеть ее числа, но знал, что она родилась в Румынии, ныне входившей в состав Соединенных Карпатианских Штатов, и ее личное клеймо должно начинаться с 216.

Когда военная верхушка освободила место на храмовых ступенях, туда торжественно взошли члены высшего кабинета. Один за другим они всходили на коленях по ступеням, обнимая под конец ноги идола. Их плечи поднимались от душевного восторга. Карпати смотрел на каждого и отпускал, возлагая ладонь им на голову.

Наконец, у подножия ступеней осталась одна Вив Айвинз. Толпа, затаив дыхание, наблюдала, как она изящно снимает туфли,

одергивает юбку своего шикарного платья и начинает медленно, неуклюже подниматься на коленях по ступеням. С первым же со-прикосновением с мрамором у нее пополз чулок, но люди лишь сочувственно заахали в благоговении перед ее добровольным публичным унижением.

Когда она, наконец, поднялась на вторую от верхней ступеньку, она быстро обняла ноги статуи, затем отклонилась от маршрута и поднялась на еще одну ступеньку, где простираясь перед Карпати и поцеловала его ноги. Он поднял лицо к небу, словно не мог представить большего поклонения. Через несколько минут он наклонился и поднял ее, но вместо того, чтобы позволить ему поднять себя, она схватила его за руки и расцеловала их. Затем она достала из кармана флакон — Бизон предположил, что это какие-то духи, — и вылила его на сандалии Николае.

И снова Карпати изобразил смиренение и пожал плечами, устремив взгляд на толпу. Наконец, когда он все-таки поднял мисс Айвинз на ноги, оставив ее на ступеньку ниже себя, он развернул ее лицом к толпе и опустил руки на ее плечи.

Когда ликующие вопли утихли, Николае заявил:

— Я лично буду наблюдать из тайного высокого места, если понадобится всю ночь, пока все преданные мне жители Иерусалима не примут печати верности и не поклонятся моему изваянию. И завтра в полдень я взойду на мой трон в моем новом доме. Я установлю

новые церемонии, и вы снова увидите «подругу», которая так долго сопровождала меня в сегодняшнем моем путешествии. И церемонию поклонения возглавит достопочтеннейший отец карптианства.

Николае помахал рукой на все четыре стороны, и очереди за клеймом снова двинулись.

— Я устал, — сказал Бизон. — Может, вернемся в отель, чтобы помолиться и подготовиться к завтрашнему дню?

Хаим покачал головой:

— Идите, друг мой. Я чувствую, что Господь велит мне оставаться.

— Здесь?

Хаим кивнул.

— Я останусь с вами, — сказал Бизон.

— Нет, вам надо отдохнуть.

— Сколько вы тут пробудете?

— До столкновения.

Бизон покачал головой и подался к нему поближе.

— Это будет до или после осквернения?

— Господь еще не сказал мне.

— Хаим, я не могу вас покинуть. А вдруг что случится?

Старик отмахнулся от него.

— Я не могу, Хаим! Оставить вас здесь на всю ночь? Я себе никогда не прошу, если!..

— Если что?

— Да что угодно! Вы будете здесь сидеть, пока не будет наложено последнее клеймо, и станет понятно, что вы его не примете. Я имею основания считать, что Карпати действительно будет наблюдать за процессом, как он и сказал. Он ведь больше не спит, Хаим. Он увидит.

— Он так или иначе скоро все узнает, Кэмерон. Теперь идите. Я настаиваю.

— Мне надо связаться с остальными. Это же безумие!

— Извините? Кэмерон, вы верите, что Бог избрал меня для этого свершения?

— Конечно, но...

— Он говорит мне, чтобы я остался и подготовился. Один.

Бизон достал телефон.

— Просто разрешите...

— Я принимаю на себя все последствия. Источник моего вдохновения лежит у меня в кармане. Молодая женщина, пример полнейшего подчинения Господу, однажды лично воодушевила меня, хотя в вере она была даже большей неофиткой, чем я. Возвращайтесь в отель. Отдыхайте и молитесь за меня.

— Это вам тоже внушил Господь?

Хаим печально улыбнулся.

— Он не был столь многословен, но это так.

Бизон был растерян. Может, сделать вид, что уходит, а потом посмотреть откуда-нибудь? Он прежде делал такое. У того самого места, где он наблюдал воскрешение и вознесение двоих Свидетелей.

— Я вижу, что вы в смятении, — сказал Хаим. — Сделайте так, как я прошу. Если верно, что для этого поручения избран я, то я как лидер хоть немного имею право брать на себя ответственность.

— Вы лидер лишь для миллиона людей.

— Но не для вас?

— Я не мессианский еврей. Я не из остатка Израиля.

— Но вы должны повиноваться тому, кто отвечает за стольких.

— Не улавливаю логики.

— Ах, Кэмерон! Если это имеет отношение к логике, то что я делаю здесь? Посмотрите на меня! Стариk, ученый. Да мне в кресле у камина сидеть надо! Но вот я здесь. Я не узнаю себя в зеркале, я пытаюсь доказать Богу, что Он ошибся во мне. Но Он не слушает меня. Он упрямее меня. Он направляет простеца — и посрамляет мудрого. У Него иные пути. Вопиющая нелогичность выбора меня не дает мне согласиться с тем, что может быть истинным. Готов ли я? Нет. Хочу ли я? Возможно. После нынешней ночи я обязан выйти вперед, хочу я этого или нет. Верю ли я, что Он идет впереди меня? Я должен верить.

Бизону казалось, что они с Хаимом совершенно одни среди людского моря. Бизон топнул по мостовой.

— Хаим, я...

— Кэмерон, я хочу попросить вас называть меня Михей¹.

— Михей?

Хаим кивнул.

— Не понимаю.

— Мне не хватает наглости наречь себя Моисеем, и я не открою своего имени Николае, разве что Господь этого не пожелает.

— Значит, вы скажете ему, что вы Михей? Но почему не Тобиас Рогофф? Зик сделал для вас документы, и...

¹ Михей — ветхозаветный пророк.

Осквернение

— Подумайте — и поймете.

— Может, мне достать мои поддельные документы? Для меня вы нового имени не припасли ведь?

— Вам оно не нужно.

— И вы так уверены.

— Насколько могу быть уверен.

— Значит, у меня нет документов.

— Ваши документы говорят, что вы — Джек Дженсен. Если это проверят, то отследят ваш псевдоним до сил миротворцев. И как вы тогда объясните, что капрал МС помогает лидеру оппозиции?

— Значит, пойду без документов, а спросят — скажу, что я бродяга.

— Я скажу, что вы мой помощник, и им хватит.

Бизон отвел взгляд.

— Вы мне нравились больше, когда не были столь уверены в себе.

— Кэмерон, — сказал Хаим, — вы ведь и правда бродяга. Все мы бродяги. Мы чужие в этом мире, мы бездомны, насколько это только может быть.

Бизон засунул руки в карманы. Он не мог поверить. Старик убедил его. Он собирался бросить старого друга на всю ночь, оставить в одиночестве наедине с врагом. Что с ним случилось?

— Михей? — только и смог он сказать.

— Идите, — ответил Хаим. — Свяжитесь с нашими соратниками и вашей семьей. И подумайте о моем новом имени. Вас осенит.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Последополуденное солнце отбрасывало необычные тени на потрясающие своей красотой здания Петры. Давид нашел свитер и набросил его на плечи, спускаясь с языческой священной возвышенности к одному из самых величественных городов в человеческой истории.

Дома, гробницы, святилища были в буквальном смысле слова вырезаны в красном песчанике тысячу лет назад, и хотя сведения по раннему периоду истории Петры лежали по большей части в области гипотез, это место начало привлекать к себе путешественников еще в 1800-х годах. Давид не понимал, как будущие поселенцы этого ирреального города смогут сделать пригодными для жизни помещения из твердого камня. Цион говорил, что Бог обещал пищу небесную и одежды неснашиваемые, но чем за-

менить изоляцию, внутренние стены, все, что хоть как-то напоминает современные условия жизни?

Город был обширным, многие его прославленные здания — сокровищница фараона, амфитеатр на пять тысяч зрителей, гробницы — были связаны между собой системой проходов и каналов, которые населявшие эти края культуры неоднократно перенаправляли и перестраивали.

Поскольку Давид прибыл вертолетом, ему пришлось спуститься пешком на основной уровень, чтобы найти единственный ведущий в город проход. При ширине тропинки местами менее семи футов и скальных стенах высотой в три сотни немудрено, что большинство посетителей приезжали сюда на верблюдах, ослах или лошадях. В ходе операции «Орел» большинство новоприбывших будут доставляться сюда вертолетом, поскольку, если они пойдут сюда пешком по каменистому много-милльному узкому пути, погибнут тысячи израильских беженцев.

Давид понимал, почему город много тысяч лет назад считался идеальной оборонительной позицией. Цион писал, что эдомиты, жившие здесь еще во времена Моисея, не пожелали пропустить евреев через свою территорию. Но в нынешние времена высоких технологий только чудо могло защитить безоружных беженцев от атаки с воздуха. И если рука Господня не осенит это место, думал Давид, оно станет не идеальным убежищем, а идеальной ловушкой.

Давида давно уже не заботил бытовой комфорт. Он забыл, что такое свободное время. До Явления во Славе центр действий будет находиться именно здесь, и чудеса станут обыденным каждодневным явлением. Народ Давида заселит этот город, они будут защищены от болезней и смерти, укрыты от врагов до тех пор, пока Мессия не освободит их. Если ради этого придется спать на голых камнях, то цена невелика.

Давид убедился, что солнечные батареи его ноутбука достаточно подзарядились, чтобы он смог проработать всю ночь. В одиночестве на вершине единственного места, которое досталось ему, в качестве связи с большим миром для него оставались послания Циона — сейчас он вещал о том, что намерен сделать Антихрист. А еще он отслеживал события согласно версии карпатианского канала телевидения и держал связь с собратьями.

Он ожидал, что в течение двадцати четырех часов прибудут первые из его нового общества, какого у него никогда в жизни не было. Как миллион беженцев без Божьей помощи уместится даже в таком обширном районе, он просто не представлял. Давид уже привык не задавать вопросы и не удивлялся, а просто ждал и смотрел.

* * *

Отзвонившись всем и объяснив, насколько мог, почему он оставил доктора Розенцвей-

га одного, Бизон провел вечер в отеле «Царь Давид» перед телевизором, раскрыв перед собой Библию Хaimа. Он читал книгу Михея, выискивая параллели между тогдашней и нынешней ситуацией в Иерусалиме, и находил в ней отсылки к Моисею. Книга была зловещим прямым предсказанием грядущего суда Божьего, но Бизон был не слишком силен в теологии, чтобы понять, какое значение книга имеет для Хaimа. Пророчества Михея имели скорее отношение к Первому пришествию Христа, чем к Вознесениям или Явлению во Славе. Но, возможно, Хaim намеревался использовать кое-какие слова и цитаты во время противостояния с Карпати.

Новости большей частью повторяли события этого дня, но хотя бы смерть Хэгти не была приукрашена, как это было во время прямого репортажа. Пока ее еще не идентифицировали — смерть женщины, которую и так считали мертвой, должна была бы так или иначе озадачить МС. Но всем было понятно, что она погибла из-за того, что осмелилась выступить против владыки мира сего. Конечно, МС не освещали это событие под таким углом, но вовсю использовали его качестве подтверждения слов Карпати о том, что он бог, и как свидетельство роли Фортунато в качестве его избранного духовного лидера и вершителя чудес.

Бизон настолько устал, что не мог уснуть. Но, глядя в темноте в потолок и желая возвратиться к Храмовой горе с рассветом, он все никак не мог выбросить из головы слова

доктора Розенцвейга о том, чтобы теперь его называли Михеем, а не Хаймом. Эти имена проплывали перед его внутренним взором. И он уснул.

* * *

В середине дня в Чикаго доктор Цион Бен-Иегуда набирал на компьютере послание, которое он намеревался разместить на веб-сайте, самом посещаемом в человеческой истории. Он попросил Минь и Хлою вычитать его. Они сидели вместе и читали.

«К моим дорогим святым временем Скорби, верующим в Иисуса Христа, Мессию и нашего Господа и Спасителя, а также к любопытствующим, колеблющимся и врагам нашей веры.

Теперь стало ясно, что Николае Карпати, тот, кто зовет себя правителем мира сего и которого я (согласно Священному Писанию) отождествляю с Антихристом, а также его лжепророк (который нагло присвоил себе смехотворный титул достопочтеннейшего отца карпатианства) Леон Фортунато намерены совершить то, что в Библии называется осквернением Храма.

Считая, при общем попустительстве, что все это — результат его собственной изобретательности, Антихрист не ведает, что все это уже было безошибочно пред-

сказано в Писании. Ветхозаветный пророк Даниил пишет, что в этот период истории «и восстанет царь могущественный, который будет владычествовать с великою властью, и будет действовать по своей воле. И будет поступать царь тот по своему произволу, и вознесется и возвеличится выше всякого божества» и «о Боге богов станет говорить хульное».

Этот пророк также предсказал, что «многие области пострадают», но среди стран, что «спасутся от руки его», — Эдом. Именно там, друзья мои, и находится Петра. Увы, Египет от его руки не спасется. «И завладеет он сокровищами золота и серебра и разными драгоценностями Египта; Ливийцы и Ефиопляне последуют за ним».

Антихрист уже начал выполнять пророчество о том, что «выйдет он в величайшей ярости, чтобы истреблять и губить многих». К счастью, в один прекрасный день он «придет к своему концу, и никто не поможет ему».

Также предсказано, что великий архангел Михаил «восстанет в то время». В пророчестве он называется «князь великий, стоящий за сынов народа твоего», то есть оставшихся людей Израиля, евреев, которые, как и я, пришли к вере в то, что Иисус и есть Мессия. Восславьте Господа, ибо Даниил говорит далее: «Спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге».

Их моих прежних лекций вы знаете, что это Книга Жизни Агнца, в которой записаны все, кто вверил Христу свое спасение. Хотя я и не могу сейчас высказать яснее, но если судить по пережитому моим возлюбленным соратником за последние несколько дней, я уверен, что Михаил-архангел сейчас наблюдает за нами, и спасение близко.

Сам Иисус ссылался на пророчество Даниила, когда предупреждал о «мерзости запустения, стоящей на святом месте». Я уверен, что Он говорил о том самом осквернении, которое замыслил Антихрист.

Многие были сбиты с толку до Восхищения церкви Христовой и считали, что Второе послание апостола Петра к фессалоникийцам относится именно к этому событию — когда он говорит о «пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему». Возрадуемся же, поскольку теперь стало ясно, что Павел говорит о Явлении во Славе. Павел пишет: «Да не обольстят вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога».

Наша надежда — в обещании, гласящем, что «тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст

Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения».

Сейчас, когда истина так прозрачна, мы удивляемся — почему не все еще пришли к Христу. И виной этому — то самое неправедное обольщение! Люди, как и писал Павел, «не принимают любви истины»! Он говорит, что «и за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду». Можете ли вы себе такое представить? Люди, знающие истину, знающие о своем будущем, о том, что будут обречены — и все равно с наслаждением предающиеся греху?! Если вы из таких — знайте: из-за вашего неповиновения Господь уже, возможно, ожесточил ваши сердца так, что вы и захотите передумать, да не сможете.

Теперь же, если последующее не есть описание тех двоих, кто похитит души всех мужчин и женщин, то я и не знаю уж, о ком такое можно сказать: «И поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз

он уста свои для хулы на Бога, чтобы ху-
лить имя Его, и жилище Его, и живущих
на небе. И дано было ему вести войну со
святыми и победить их; и дана была ему
власть над всяким коленом и народом, и
языком и племенем.

И поклоняются ему все живущие на
земле, которых имена не написаны в
книге жизни у Агнца, закланного от соз-
дания мира».

Что может быть яснее? Если вы во
Христе, то вы спасены во веки веков, и
Господь защитит вас, несмотря на все то,
что нам придется выдержать в последую-
щие три с половиной года. Если вы еще
колебаетесь, я умоляю вас — сделайте
выбор, пока еще можете. Сердца тех лю-
дей уже ожесточены Господом — это ис-
тина, которая может показаться противо-
речащей всему, что мы прежде думали о
Нем — тем не менее опасность отказа от
Христа очевидна.

Однажды я молился Господу, что-
бы Он дал мне возможность поговорить
лично с верующими израильтянами, ко-
торые вскоре будут уведены к спасению
и Антихрист не сможет причинить им
зла. Братья и сестры во Господе, моли-
тесь, пока разворачиваются эти события
второй половины Скорбей и возвещайте
всем о том, что грядет Явление во Славе.

Ваш брат во Христе

Цион Бен-Иегуда».

Цион был удивлен тем, что молодые женщины закончили вычитку, но вместо того, чтобы оценить текст, начали перешептываться о чем-то. Он прокашлялся и посмотрел на часы.

— У Минь появилась замечательная идея, Цион, — сказала Хлоя. — Она уверена, что ее брат сумеет внедриться в новостную сеть МС и запараллелить текст вашего послания с речью Николае.

— Что, вы хотите вывести мой текст на экран?

— Нет, — сказала Минь. — Вас. Прямым эфиром. По существу, вы будете оспаривать каждый пункт его речи.

— Но как?

— Я свяжусь с Чанем, но маленькую камеру над вашим монитором, через которую вы общаетесь с членами отряда Скорби, когда они не в Чикаго, можно использовать и для телепередачи.

— Но можем ли мы рисковать, выдавая наше местоположение?

— Конечно, нам придется позаботиться о том, чтобы не допустить такого.

— Но разве это не в компетенции доктора Розенцвейга? — спросил Цион. — Разве не он должен выступить против Антихриста?

— Вероятно, он и выступит, — сказала Хлоя. — Но любое открытое противостояние между ними двоими так или иначе будет транслировать по всему миру.

— Тогда зачем нужен я?

— Как только начнется исход в Петру, Николае обрушится с обвинениями на вас и

так называемых иегудаитов. Это будет как телеринг. Когда Хаиму уже не нужно будет лично дискутировать с ним, вы начнете дебаты с ним по его собственной телесети, — сказала Минь.

Цион спокойно забрал назад рукопись и запустил отсылку.

— Мне нравится ход ваших мыслей, миссис Той.

— Мне тоже, — добавила Хлоя. — Хотелось бы только, чтобы вы назвали Хэтти по имени или сказали, что она была из отряда Скорби.

— Я не хотел выдавать того, что у нас вообще кто-то есть в этом районе, хотя уверен, что МС это предполагает.

— И все же, Цион, — заметила Хлоя, — Петру-то вы назвали.

Рабби прикрыл рукой рот.

— Я это сделал? Это правда?

— Я хотела сказать это до того, как вы отправили послание, — сказала Хлоя.

— Вот потому я и просил вас его перечитать.

— Простите. Цион. Я думала, что вы специально это сделали.

— Это не ваша вина, — сказал он, падая в кресло. — И о чем я только думал?

* * *

На рассвете Рэйфорд резко открыл глаза. Решение, которое он обдумывал всю ночь, было принято. Передвижной медицинский

пункт Лии и Ханны был укомплектован и готов, так что Лия может взять на себя двойную нагрузку, также занявшись мониторингом прибывающих и улетающих израильтян. Это значит, что Рэйфорду не обязательно оставаться в Мицпе-Рамон. Он принесет больше пользы, если будет управлять вертолетом.

Онбыстро оделся. Навзлетно-посадочной полосе уже кипела работа. Над горизонтом сверкало солнце, и Рэйфорд понял, что очень скоро он и его товарищи начнут отсчет дней до конца, до настоящего конца — до Явления во Славе и начала Тысячелетнего Царствия. Еще многое должно случиться, но бешеный темп последних недель сменится драгоценным затишьем перед последними карами Господними, предвещающими Армагеддон. Затем мир опять закрутится в вихре событий. Как же ему хотелось хоть немного отдохнуть между кризисами! Рэйфорд откинул волосы со лба, пригладил их и надел кепи. Последующие несколько дней покажут, доживут ли он и его близкие до того самого конца.

* * *

Бизон стоял под душем. Пустил такую горячую воду, какую только мог выдержать. Но в «Царе Давиде» неплохо было бы поставить хоть какой-то регулятор. Через несколько минут вода стала теплой, потом холодной. При огромной убыли персонала и сокраще-

нии источников энергии такое было сплошь и рядом.

Бизон положил в карман ровно столько денег, чтобы залить полный бак машины. Следуя совету Хайма, он оставил бумажник и удостоверение личности в комнате. Найти место для парковки было труднее, чем вчера, и ему пришлось пройти с полмили пешком. Наконец, он добрался до улиц, уставленных по обе стороны военными машинами.

Хотя было еще рано, на Храмовой горе уже было полно народу. Огромные телезрекраны виднелись на всех точках с хорошим обзором, и люди ждали праздника, который должен был начаться в полдень. А пока они развлекались, глядя передачи телесети МС и размахивая руками, когда видели себя на экране.

К великому облегчению Бизона, он увидел Хайма неподалеку от того места, где в свое время по очереди сидели Свидетели — пока один отдыхал, другой проповедовал. Бизон бросился к доктору Розенцвейгу, который сидел, подняв колени, и смотрел в небо.

— С добрым утром, Хаим, — сказал он, но стариk не узнал его. — Извините, — быстро добавил Бизон. — Михей.

Хаим молча улыбнулся и повернулся к нему:

— Кэмерон, друг мой.

— Вы ели?

— Я сыт, — сказал Хаим. — Господь добр.

— И Он вдохновил вас, укрепил ваш дух, дал вам силы? — настаивал Бизон.

— Я готов.

По его голосу этого нельзя было сказать. Он говорил и выглядел еще более устало, чем вчера.

— Вы спали? — спросил Бизон.

— Нет. Но я отдыхал.

— И как?

— Успокоиться от Господа — это ни с чем не сравнимо, — сказал Хаим, словно делал это всю жизнь.

— И что теперь? — спросил Бизон. — Каков ваш план?

— Господь скажет, когда настанет время. Он показывает мне только то, что мне нужно знать и когда этому приходит время.

— Потрясающе.

— Я слышу сарказм в вашем голосе, Кэмерон.

— Виноват. Но я из тех ребят, которые планируют свои действия и действуют по плану.

Хаим взял Кэмерона за руку и поднялся на ноги. Стоял он, покачиваясь. Охнул, когда его суставы хрустнули.

— Но это не мой план и не мои действия, вы же понимаете.

— Догадываюсь. Значит, будем просто стоять и ждать?

— О нет, Кэмерон. Даже у меня не хватит терпения ждать полудня.

— А если Карпати не появится до тех пор?

— На шум выйдет.

Бизона это заинтриговало, но все равно этот хрупкий, маленький старик вряд ли был способен устроить что бы то ни было.

Может, он ждет действий от Бизона? Без документов-то? Без печати? Бизон был готов, но он еще не знал, что он сам думает по поводу суждений Хайма.

— Когда они закончили с клеймением? — спросил Бизон.

— А они не закончили. Видите — еще две очереди стоят, но, сдается, один пункт вот-вот закроется, несмотря на очередь. Вы ничего не замечаете этим утром, а, Кэмерон?

— А что я должен заметить?

— Разницу между вчера и сегодня.

Бизон огляделся по сторонам.

— Толпа больше, собралась раньше. Военные автомобили по-прежнему стоят по всему Старому городу. Но вот почему они закрывают пункт, когда люди все еще ждут? И почему они не закончили с этим делом вчера вечером? Что, еще люди подошли?

— И вы еще зовете себя журналистом!

— Уели. И что я упустил?

— Вы сами сказали. Автомобили по-прежнему здесь.

— И что? Это демонстрация силы. Карпати, похоже, ожидает сегодня выступлений.

— Но они не стали бы уезжать и возвращаться, — сказал Хайм. — Вы думаете, это солдаты спали в грузовиках? Им незачем. У них есть центры расквартирования, места сбора.

— Хорошо...

— Сколько солдат вы видите при грузовиках сегодня?

— Честно говоря, Хайм, то есть Михей, я в первую очередь высматривал вас, чтобы

убедиться, что с вами все в порядке. Я торопился и не обратил внимания.

— Это уж точно. А вот теперь посмотрите — они скапливаются вокруг очереди в единственный открытый еще пункт.

— И полагаю, вы знаете почему.

— Конечно, — сказал Хаим.

— А вы даже не журналист. Но скажите мне, не таите уж.

— Они прекращают работу пункта ровно по той же причине, по которой сегодня Храмовая гора забита скорее гражданскими, чем эмэсовцами.

Бизон обернулся и огляделся по сторонам:

— Верно. И где же они?

— Им плохо. Вскоре им будет худо, как злосчастному мистеру Фортунато, который сегодня, наверное, на последнем издыхании. Со стороны нашего Господа просто блестящей мыслью было вложить кое-кому в голову, что первыми клеймо должны принять эмэсовцы. Они получили печать зверя, затем поклонились его идолу. И теперь они жертвы Откровения 16:1—2.

— Гнойные язвы! — прошептал Бизон.

Хаим многозначительно посмотрел на него, улыбаясь, затем отошел от Бизона и вышел на открытое место. Бизон споткнулся и чуть не упал, испуганный громкими, гулкими звуками, исходившими из горла маленького старика. Голос Хaimа был настолько звучным, что все вокруг остановились и уставились на него, а Бизону пришлось прикрыть уши.

— И услышал я из храма громкий голос, — воскликнул Хаим, — говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю. Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его.

Тысячи людей подались назад, услышав этот могучий голос. Бизона поразила осанка Хайма. Он стоял прямее и казался выше, его грудь вздымалась, когда он вдыхал между словами. Глаза его полыхали, лицо застыло, он потрясал кулаками.

Теперь вокруг старика в коричневой хламиде стали собираться люди.

— Что? — спрашивали некоторое. — Что вы говорите?

— Имеющий уши да слышит! Господь осудил этих людей греха, и те, кто принял печать зверя и поклонились образу его, будут поражены!

— Старый дурак! — крикнул кто-то. — Тебя сейчас прибьют!

— Да тебе башку оторвут, старый хрен, охнуть не успеешь!

Бизону показалось, что голос Хайма стал еще громче, если это вообще было возможно. Ему не нужны были мегафоны и усилители, поскольку все в пределах видимости слышали его, это было очевидно.

— Никто не осмелится выступить против избранника Божьего!

Люди смеялись.

— Это ты, что ли, избранник? И где твой бог? Он может сделать то же, что и наш вос-

кресший потентат? Хочешь, чтобы тебя испепелило огнем с неба?

— Я требую, чтобы злобный вышел ко мне! Пусть ответит единственному истинному Богу, Богу Авраама, Исаака и Иакова! Он не посмеет коснуться остатка Израиля, уверовавших в Бога Всевышнего и Его Сына, Мессию, Иисуса из Назарета!

— Лучше бы ты...

— Молчать! — взревел Хаим, и эхо голоса его отдалось от стен. Толпа замолкла.

К нему направились трое вооруженных охранников, среди них одна женщина.

— Ваши документы, — сказала она.

— У меня нет никаких документов, и они мне не нужны. Я здесь по воле Творца неба и земли.

— У вас на лбу нет печати. Дайте посмотреть вашу руку.

Хаим показал запястье правой руки.

— Узрите же руку слуги Божьего.

Женщина подняла винтовку и ткнула Хаиму в руку, пытаясь подтолкнуть его к очереди за печатью. Он не сдвинулся.

— Идите же. Вы либо пьяны, либо удрали из дурдома. Избавьте себя от хлопот, а меня — от бумажной работы. Получите свою печать.

— Может, еще идолу Карпати поклониться?

Она злобно глянула на него и сняла винтовку с предохранителя.

— Вы должны называть его «его святейшество», «его великобожество» или «воскресший потентат»!

— Я буду называть его Сатаной воплощенным!

Она приставила дуло к груди Хайма и начала было нажимать на спуск. Бизон шагнул вперед, страшась как выстрела, так и зреяща падающего на мостовую дорогого друга. Но молодая женщина застыла, даже не моргала. Хайм посмотрел на сопровождавших ее мужчин.

— Когда вы получили печать?

Оба опустили оружие.

— Мы были среди последних, — сказал один.

— И вы поклонились идолу?

— Конечно.

— Вскоре и вы будете страдать. Нарывы уже начали вылезать по всему вашему телу.

Они переглянулись.

— Слушай, у меня и правда что-то на предплечье внутри. Глянь-ка.

— Тебя это остановит? Мы должны пристрелить этого типа. Не ты, так я это сделаю.

— Пристрели его! — заорал кто-то в толпе. — Что с твоим старшим?

Оба с опаской посмотрели на женщину. Затем один сказал Хайму:

— Сэр, мы должны просить вас встать в очередь, чтобы получить печать, или последствия — за ваш счет.

— Я еще не призван стать мучеником, юноша. Когда придет мой час, я с гордостью склоню голову под нож во славу Царя Небесного. Но сейчас, если вы тоже не хотите оцепенеть на месте, передайте тому, кому

вы поклоняется, что я требую встречи с ним.

Один из них отвернулся и что-то сказал по рации. Затем:

— Я знаю, сэр. Но капрал Риль обездвижен и...

— Что?

— Он парализовал ее, сэр...

— Как?

— Мы не знаем! Он требует...

— Застрелить на месте!

Молодой человек пожал плечами, и оба направили винтовки на Хайма.

— Дайте-ка сюда! — сказал Хайм, выхватив у него рацию. Он отжал кнопку. — Кто бы ты ни был, скажи своему так называемому потентату, что Михей требует встречи с ним.

— Откуда у вас эта рация? — послышался голос.

— Он найдет меня и моего помощника на Храмовой горе среди трех оцепеневших охранников.

— Я предупреждаю...

Хайм отключил рацию. Через несколько секунд подбежали еще с полдесятка охранников. Двое в гражданском подошли к нему с оружием на изготовку.

— Сейчас будет тебе встреча с потентатом Карпати, — прорычал один из них.

— Воистину будет! — воскликнул Хайм, и все шестеро уставились на своих оцепеневших товарищей.

— Э, сэр, можно узнать ваше имя?

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Зови меня Михей.

— Хорошо, мистер Михей, сэр. Потентат сейчас находится в кнессете, где размещена его иерусалимская штаб-квартира. Если вы соблаговолите последовать туда за нами и попросить о...

— Я требую встречи с ним здесь. Можете передать ему, что если он откажется, то ему придется столкнуться не только с уменьшением числа своих страдающих слуг. Я готов обрушить вновь те кары, которые призвали с неба два Свидетеля! Спросите его, не хочет ли он, чтобы его медицинский персонал лечил ваши гнойники и карбункулы при помощи воды, которая обратиться в кровь?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Давид не знал в точности, когда его разбудил гул тяжелых машин, но что этот гул значит — понял сразу же. Он растерялся, когда прочел слово «Петра» в распространенном по всему миру послании доктора Бен-Иегуды, а ведь враг наверняка просматривает их веб-сайт.

Давид снова взобрался на вершину. Было слишком рано, рассвет еще не наступил. Звезды светили слишком тускло, так что он не видел дороги и несколько раз упал, рассадил себе коленки и разбил пальцы. Конечно, и руки ободрал об острые камни. Глаза его привыкли к темноте. Далеко внизу он увидел стоявшие полукругом эмэсовские танки и занимающую периметр артиллерию. Хотя они шли по большей части с потушеными фарами, он сумел понять, что основной наземный проход перекрыт и вражеские силы

скапливаются возле возможных точек высадки с воздуха.

Давид верил в то, что Господь защитит детей Израиля, которые будут бежать от гнева Антихриста, но что будет с волонтерами, которые вызвались им помочь? Как они спасутся, когда враг на шаг опередил их? Как же Цион допустил такой промах? Давид позвонил Рэйфорду, но телефон не отвечал. Он попытался пробиться к Альби.

* * *

Цион не ведал утешения. Он расхаживал взад-вперед, прикрыв рот руками и молча молясь. Минь и Хлоя пытались привести его в чувство, напоминая, что все в воле Господней, но Цион не понимал смысла того, что сделал. Он не выключал телевизора, опасаясь услышать о массовых убийствах, как только начнется исход из Иерусалима.

Цион, в конце концов, сел на подлокотник дивана перед экраном. В комнату грустно вошел с ноутбуком в руках высокий толстый молодой человек, которого они непонятно почему звали Зиком — его недавно погибший на гильотине отец звался Большим Зиком.

— Хотите знать, что я думаю насчет Минь? В смысле азиатский тип не замаскируешь, но я могу сделать из нее парня, вот что я думаю. У меня есть фотка ее брата, так что если волосы подстричь как надо и одеж-

ду подобрать, что надо замаскировать, ну, сами понимаете, и...

— Прости, Зи, но я не...

— Ой, да я уже сказал ей, что не хочу ее обидеть и все такое. В смысле она маленькая, тоненькая, но я ж не хочу сказать, что она типа на пацана похожа. Вообще она очень симпатичная, женственная такая.

— Я занят, Зи. Извини. Я сделал ужасную ошибку и молюсь, чтобы...

— Я знаю, — сказал Зик. — Вот потому я сюда и пришел. В смысле я правда работал над документами Минь, но я подумал, что, может, если мы об этом поговорим, то вы отвлечетесь...

— Отвлекусь от мысли о том, что выдал врагу сведения о том, куда направляются наши братья и сестры? Спасибо, но я не вижу иного варианта со стороны МС, кроме как перехватить их там и уничтожить.

Зик поставил свой ноутбук на диван и грузно сел на пол.

— Ну вы ж библеист, — сказал он, — но во всем этом я вижу какую-то логику.

— Логику? Вряд ли.

— Ну, в смысле всему есть причина, вот и все.

— Чтобы призвать меня к смирению — возможно, но цена какова? Я никогда не говорил, что совершенен, но я же столько молюсь, готовя свои послания, и Господь ведает, что я никогда преднамеренно...

— Ну и я об этом, док. Может, Господь как раз и хотел, чтобы это каким-то образом случилось.

— Ой, не надо...

— Да вы же сами сказали — вы ж молились за все за это. От этого ваши послания Библией не стали, думаю, но Бог-то не позволит обычному человеку вроде вас помешать Его планам из-за какой-то ошибки? Правда ведь?

Цион не знал, что и подумать. Этот необразованный молодой человек часто имел свежий взгляд.

— Может, я и правда чересчур много думаю о себе.

— Может быть. Вы же не переоценивали себя, когда наставляли миллионы. Почему бы вам об этом не подумать?

— Я не думал об этом под таким углом, Зик. Это самоумаление, это привилегия.

— Вот видите? Вы могли бы задрать нос, раз у вас такая огроменная интернет-паства, но вы же не сделали этого. Так что перестали бы вы думать, что вы такая шишка, что можете встать на пути у Господа.

— Конечно же, я не застрахован от ошибок, — ответил Цион.

— Ага. А теперь идем дальше — вы думаете, Бог сейчас кажет: «Я все так хорошо распланировал, а тут пришел этот Бен-Иегуда и все испортил?»

Цион не удержался от смешка.

— Полагаю, Он сумеет справиться с моей ошибкой.

— Надеюсь. Вы всегда говорили, что Он очень способный.

— Ну, спасибо, Зик. Тут мне есть над чем...

— Но тут все равно есть кой-чего побольше, — сказал Зик. — Я по-прежнему думаю, что у Бога есть своя причина допустить вашу ошибку.

— Сейчас я как раз пытаюсь внушить себе, что Господь сумеет справиться с моей ошибкой.

— Подождите — сами увидите, док. Зуб даю — либо эмэсовцы не купятся, потому как подумают, что их нарочно туда направляют. Или решат, что нашли, наконец, вкусненькое, и попытаются выжать из этого выгоду, но им всем только крепко достанется, ага.

* * *

На рассвете Рэйфорд с тревогой обнаружил, что Альби вместе с Большим Джорджем выгрузили из ящиков по несколько экземпляров двух видов оружия, которое Джордж сюда привез.

— Что это мы делаем, Альби?

— У тебя не работает телефон?

Рэйфорд похлопал себя по карману и достал его.

— Черт! — ругнулся он. — Вчера слишком много говорил. — Он достал из него солнечную батарею и прикрепил к нагрудному карману рубашки, чтобы тот подзарядился на солнце, и вставил в аппарат новый блок. Обнаружил, что у него несколько пропущенных вызовов.

— Не трудись, — сказал Альби. — Давай я сам тебе скажу, по поводу чего звонили я и Хассид.

* * *

— Всем отойти. — Новоприбывший был высоким, атлетически сложенным темноволосым человеком, под пиджаком которого явно вырисовывался пистолет. — Вы кто? — обратился он к Бизону, пока остальные блюстители морального духа и миротворцы, включая тех троих, что стояли парализованные, быстро отходили прочь.

Бизон думал, что готов ко всему, но стал ощупывать свои карманы, словно искал документы, затем показал на Хайма.

— Я с ним. А вы кто?

— Я Лорен Хат, глава блюстителей морального духа Мирового Сообщества. Потентат на связи и готов говорить с этим смутьюном. — Он посмотрел на Хайма, заставив плотную толпу рассмеяться. — По какой-то причине мои люди не смогли добраться до этого старого дурака. Видимо, это вы.

— Скажи своему хозяину, — ответил Хайм, — что я не стану разговаривать с ним иначе, как лицом к лицу.

— Это невозможно, мистер...

— Михей.

— Ничего другого вы не получите, только этот телефонный разговор, мистер Михей.

А теперь — мне этим утром нездоровится, а вы и так уже слишком далеко зашли.

— Нездоровится в каком смысле, мистер Хат?

— Вы собираетесь разговаривать с его...

Хаим отвел взгляд и покачал головой.

Хат нахмурился и поднес телефон к уху.

— Ложная тревога. Извинитесь перед потентатом от моего имени... Да, конечно, я поговорю с ним, но я не хочу тратить его время... доброе утро, сэр. Да... Не знаю... Конечно, я затребую отчеты ото всех... да, конечно, могу... Вы хотите, чтобы я это сделал? Я... да, я знаю, но он вряд ли представляет реальную угрозу... да, сэр. В обойме девять... если вы так хотите... я не спорю, просто он такой жалкий... я могу... Конечно, можете рассчитывать на меня.

Хат закрыл телефон и выругался.

— Эй ты, — сказал он Бизону, — держись в стороне. И радуйся, что я тебя к этому делу не припахал. Вы все, — он обвел рукой толпу, — отойти! — Кто-то подвинулся, кто-то нет. — Не говорите потом, что я вас не предупреждал!

— Что, начало чесаться, молодой человек? — сказал Хаим.

— Заткнись! Ты сейчас умрешь.

— Это не тебе решать, сынок.

— Мне! Теперь заткнись! Капрал Риль, вы как?

— Немного нездоровится, — прямо сказала она. — Чего вам надо?

— Найдите команду телевизионщиков Си-эн-эн МС и тащите их сюда. Потентат хо-

чет, чтобы я всадил девять пуль в этого типа, но он желает это увидеть лично.

— Я тоже, — сказала она и пошла прочь.

— Мистер Хат, — сказал Хаим, — а вы способны будете выполнить свой долг-то? Вам же с каждой секундой становится хуже.

Хат наклонился и стал яростно чесать живот.

— Мне не нужно быть стопроцентно здоровым, чтобы пристрелить человека в упор.

— Этого не будет.

— Думаешь, ты сможешь парализовать меня?

— Кто ведает замыслы Господни?

— Ну, что ты будешь делать, я прекрасно знаю. Ты будешь корчиться, визжать и молить о пощаде!

— Моя жизнь не принадлежит мне. Если Господь пожелает, так и будет. Но если на мне лежит иная обязанность, в частности личный разговор с трусом, который пытается отвертеться от встречи со мной, то Господь спасет меня.

Капрал Риль вернулась с мужчиной в тюрбане, который нес на плече камеру. С ним шла невысокая темнокожая женщина с микрофоном.

— Что нам делать? — спросила она с британским акцентом.

— Просто скажите, когда начнете запись, — сказал Хат. — Это для его святейшества.

— Прямыми эфиром или писать на диск?

— Мне плевать! Просто дайте отмашку!

— Хорошо. Ждите! — Она заговорила в маленькую рацию. — Да! — сказала она. — Сам Карпати. Минутку. — Она повернулась к Хату: — В центре хотят знать ваши полномочия.

Он снова рутнулся и стал расчесывать себя от живота до плеч.

— Хат! — сказал он. — Глава блюстителей морального духа Мирового Сообщества! Теперь давайте!

— Ладно, — произнесла женщина, отходя от объектива камеры. — Бернадетт Райс, прямой репортаж с Храмовой горы в Иерусалиме. Сейчас мы увидим осуществление исключительной меры наказания по личному приказу его святейшества Николае Карпати. У меня за спиной Лорен Хат, новый глава блюстителей морального духа Мирового Сообщества. Он приведет в исполнение приговор в отношении человека, известного как Михей, который отказался принять клеймо верности и сопротивлялся аресту.

Когда люди, находившиеся в других местах на Храмовой горе, увидели происходящее на гигантских экранах, они хлынули туда, где стояли Хаим и Бизон.

* * *

— Не давайте Кенни на это смотреть! — крикнул Зик. — Но вы оба, идите скорее сюда!

В Чикаго уже было заполночь, и Цион поднялся с подлокотника дивана на подушку, глядя на экран сквозь пальцы.

— Господи, прошу Тебя...

— Там Бизон! — крикнула Хлоя.

Вид Кэмерона показался Циону странным — он стоял, сунув руки в карманы, совершенно небрежно.

Глава блюстителей морального духа выхватил из кобуры пистолет, остановился, чтобы почесать левой рукой правый локоть. Расставил ноги, взял пистолет обеими руками, нацелившись в сложенные руки Хайма. Угол был выбран так, что пуля прошла бы через обе ладони, не зацепив тела.

Грохот первого выстрела заставил Бизона отшатнуться в сторону. Толпа попятилась, но Хайм не шевельнулся. Разве что моргнул от громкого звука. Хат, не веря глазам своим, уставился на невредимые руки Хайма и зашел с другой стороны. Снова прицелился. Толпа рассыпалась. Бум! И опять промах с каких-то нескольких дюймов.

Хат, между выстрелами расчесывая себя где-то в районе коленок, прицелился Хайму в ногу и выстрелил. Ничего. Даже дырки в хламиде не появилось. Хат поднял левой рукой подол хламиды Хайма и выстрелил в другую его ногу. Подывая от боли и страха Хат прижал дуло к колену Хайма, затем к другому. Только звук.

Толпа хохотала.

— Это шутка! — крикнул кто-то. — Подстава! Он стреляет холостыми!

— Холостыми? — заорал Хат, обернувшись к насмешнику. — Можешь на свою шкуру поспорить? — Седьмую пулю он всадил насмешнику в грудь. Несчастный упал, ударившись головой о плиты, и тошнотворный хруст черепа ясно был слышен через микрофон телерепортера.

Толпа кинулась врассыпную, Бернадett Райс куда-то делась. Лорен Хат выстрелил в плечо Хаиму с расстояния в шесть футов, затем приставил дуло к беззащитному лбу старика. Хаим жалостливо посмотрел на потрясенного, корчащегося Хата и небрежно заткнул уши. Дуло пистолета оставило слабый отпечаток на коже Хaimа. Пуля не причинила ему никакого вреда.

Хат отшвырнул пистолет и бросился к дереву, обхватил его руками и начал яростно тереться об него. Он вопил от муки, затем повернулся и позвал капрала Риль. Он выхватил у нее пистолет и приставил к собственному подбородку. Хаим тихонько подошел к нему.

— Не надо этого делать, мистер Хат, — сказал он. — Смерть, которую вы выбрали, и так придет к вам в свой срок. Бросьте пистолет и вызовите ко мне Карпати.

* * *

Хат швырнул пистолет наземь и, шатаясь, побрел прочь, но Бизон уже услышал звук вертолетного винта. К ним спустились два

вертолета, и толпа — которая по большей части отхлынула — осторожно вернулась, обходя лежавший в луже крови труп.

Карпати был единственным гражданским пассажиром на оба вертолета. Он был одет в свой черный в полоску костюм с белой рубашкой и ярко-красным галстуком. Он направился прямо к Хаиму и Бизону. Семеро миротворцев встали полукругом у него за спиной, направив оружие на Хайма.

Николае улыбнулся толпе и поиском взглядом группу Си-эн-эн. Бернадett по-прежнему дрожала, прижавшись к земле.

— Включай запись, сынок, — сказал он. — Как тебя зовут?

— Р... Р... Рашид...

— Ну так стой здесь, Р-Р-Рашид, чтобы мир увидел того, кто осмелился во мне усомниться.

Карпати подошел к Хаиму и остановился в трех футах от него. Скрестил руки на груди.

— Староват ты для Циона Бен-Иегуды, — сказал он. — И ты зовешь себя Михеем. — Он склонил голову набок и, прищурившись, посмотрел на Бизона. Тот испугался, что Николае опознает его.

— А это еще кто?

— Мой помощник, — ответил Хаим.

— А имя у него есть?

— Есть.

— Могу ли я узнать?

— В этом нет нужды.

— Наглый дурак. — Карпати заговорил с охранником, кивнув на Бизона. — Убери его отсюда. Печать или гильотина.

Бизон приготовился сопротивляться, но охранник словно оцепенел. Он прокашлялся.

— Идемте со мной, сэр.

Бизон покачал головой. Охранник беспомощно глянул на Карпати, который даже не смотрел в его сторону. Внезапно охранник упал и в корчах стал чесать себя с головы до ног.

— Ладно же, — сказал Карпати. — Я допускаю, что именно тебя должен благодарить за то, что весь мой штат сегодня утром испытывает недомогание.

— Вероятно, весь, — сказал Хаим. — Если нет, то вам следует проверить подлинность их печатей.

— И как ты это сделал?

— Не я — Бог.

— Ты сейчас стоишь перед лицом бога, — заявил Карпати.

— Напротив, — сказал Хаим. — Я боюсь Бога. А тебя — не боюсь.

* * *

Рэйфорд расправил на капоте грузовика топографическую карту.

— Давай еще введем в курс дела Мака и Смитти, — сказал он. Альби позвонил им.

Над картой наклонился Большой Джордж.

— Мы можем приземлиться без проблем где-нибудь в пределах пары миль от Петры?

Рэйфорд покачал головой:

— Понятия не имею. Гладко было на бумаге, как говорится. Я знаю, что ты попрешь очертя голову, но я не готов убивать.

— При всем уважении, кэп, — сказал Джордж, — но вот они нас убивать очень даже готовы. И когда вы это увидите, то передумаете.

— Мы здесь для того, чтобы доставлять людей в безопасное место, а не убивать врагов.

Альби захлопнул телефон.

— А что, если убивать врагов станет единственным способом для спасения израильтян?

— Это уже дело Господа.

— Согласен, — сказал Альби, — по крайней мере, так говорит доктор Бен-Иегуда. Но я не смогу смотреть на гибель наших братьев и сестер, и если придется защищать их с этим вот оружием в руках, то я буду стрелять.

* * *

Бизон во всех подробностях запомнил эту жуткую встречу, за которой наблюдал весь мир.

— Итак, Михей, — сказал Карпати, переступив с ноги на ногу, — сколько ты возьмешь, чтобы снять это магическое заклинание, поразившее моих людей?

— Тут нет никакой магии, — произнес Хаим голосом, совершенно не похожим на его собственный. — Это кара Всемогущего.

— Хорошо же, — ответил Карпати, терпеливо улыбаясь. — Так чего же хочет Все-могущий Бог за то, чтобы облегчить, — тут он пальцами показал кавычки, — свою кару?

Хаим покачал головой.

— Ну, говори же, Михей. Если ты пришел торговаться от имени Господа, то наверняка уж что-то да придумал!

— Те, кто принял твое клеймо и поклоняется твоему идолу, будут страдать.

Карпати подошел ближе. Улыбка исчезла с его лица.

— Не смей говорить моим чадам возлюбленным, чтобы они не принимали моей печати верности и не поклонялись мне!

— Они знают последствия и теперь могут видеть их собственными глазами.

Рашид начал снимать панораму, чтобы взять в кадр как можно больше страдающих от язв приверженцев Карпати.

— Прекратить! — зашипел Карпати, схватил его за плечо и рванул к себе. Затем обратился к Хаиму: — Если кто-то отвергнет мою печать, я лично уничтожу его!

— Значит, выбор таков — сказал Хаим, — либо жизнь в мучениях, либо смерть?

— Чего ты хочешь?

— Ты выполнишь то, что задумал насчет храма, — сказал Хаим, — но многие выступят против тебя из-за этого.

— Последствия — за их счет.

— Многие уже сделали выбор, и не в твою пользу, а предали себя единственному Богу Истинному и Его Сыну, Мессии.

— Они заплатят за это жизнью.

— Ты спросил — чего я хочу.

— И ты считаешь, что я позволю им угрожать мне? Да никогда!

Рашид, дрожа, упал на колено. Карпати глянул на него.

— Встать!

— Не могу!

— Я вижу число 42 у тебя на лбу, Рашид! Тебе нечего страшиться!

— Да я не страшусь, ваше святейшество! Я чешусь!

— Черт! Поставь камеру на треногу и займись своими язвами!

Хаим спокойно продолжал:

— Миллион человек из избранного Богом народа, которые находятся здесь, уже выбрали Мессию. Они скорее умрут, чем примут твою печать.

— Значит, они умрут!

— Ты должен отпустить их отсюда прежде, чем обрушишь месть на своих врагов.

— Никогда!

— Избавление — в твоих руках. Эти язвы, что терзают твоих приверженцев, — еще самая малая из твоих бед.

Бизон посмотрел за спину Карпати, где вместо очереди к центру верности уже были развернуты палатки передвижного медпункта. Туда стояли в очереди за помощью люди, доведенные страданиями до отчаяния. Бернадетт отползла в сторону. Рашид шел к палаткам. Все охранники, которые окружали Николае, разбрелись. Лопасти стоящего вертолета переста-

ли вращаться, и его пилот со стоном вывалился наружу. Пилот второго вертолета потерял сознание и упал на приборную доску.

Гражданские, среди которых было много тех, кто последними принял печать и совершил поклонение идолу, бросились было врассыпную с Храмовой горы, но язвы начали высывать и на их тела, и они начали падать наземь.

— Единственная для тебя надежда избежать очередной кары небесной, — сказал Хаим, — отпустить тех израильтян, которые веруют в Мессию.

Наконец-то Карпати испугался.

— И что же это за очередная кара?

— Увидишь — узнаешь, — ответил Хаим. — Но вот что я тебе скажу — она будет страшнее, чем та, что повергла ниц твоих людей. Мне нужна вода.

Карпати перехватил взгляд одного из своих и велел ему «принести Михею воды». Пока они ждали, Хаим не сводил взгляда с потентата.

— Ты всего лишь изнывающий от жажды старик в мешке.

— Я не изнываю от жажды.

— Тогда зачем...

— Увидишь.

— Жду с нетерпением.

Прибежал человек с бутылкой воды. Он передал ее Карпати, а тот — Хаиму. Старик взял ее и посмотрел на воду.

— Я все равно не смог бы это пить, — сказал он.

— Что не так? — спросил Николае.

— Сам посмотри.

Хаим вернулся бутылку, и та почти почернела, когда вода в ней превратилась в кровь.

— Ах! — сказал Карпати. — Снова? Ты что, не знаешь, что случилось с твоими двумя дружками у Стены Плача?

— Если ты что-то и можешь сделать, то лишь по попустительству Господа, а это недолго.

Николае обернулся, чтобы оценить масштаб бедствий на Храмовой горе. Почти все корчились на земле. Он снова повернулся к Хаиму:

— Я хочу, чтобы мой народ исцелился и вода очистилась.

— Ты знаешь цену.

— Подробнее.

— Израильские евреи, которые избрали веру в Иисуса Христа и Мессию, должны получить возможность уйти прежде, чем ты обрушишь свой гнев на тех, кто не принял твоей печати. Ортодоксальным евреям должно быть предоставлено место, где они смогут возносить свои молитвы после того, как ты осквернил их храм.

— Да ортодоксальные евреи и с тобой-то не согласны, а ты за них заступаешься?

— Я оставляю за собой право попытаться переубедить их.

— Ты заберешь их в Петру с иегудитами?

— Я предложу им собраться в Массаде. Любой, кого нам удастся убедить, присоединится к нам.

— В Петре.

— Я не сказал, где именно.

— Мы уже это знаем, дурак, и нашей разведке даже не пришлось здесь работать.

— Ты ступаешь на опасную почву, когда называешь дураком того, кто имеет власть превратить твою воду в кровь.

— Пусть подойдут те верные, которые еще не приняли моей печати и не поклонились моему образу! — заорал Карпати. Подбежали несколько гражданских. — Следуйте за мной к зданию кинесета. Повинуйтесь мне, и я вознагражжу вас!

* * *

Давид осматривал пространство от горизонта до горизонта, оценивая масштаб сил МС в районе Петры. И хотя количество машин и оружия было просто невероятным, казалось, что с персоналом что-то неладно. Многие валялись на земле или в кузовах грузовиков, и те, кого меньше зацепило, ухаживали за ними. Он позвонил Альби, чтобы доложить о ситуации.

* * *

Рэйфорд направлялся на запад от Петры в машине, в которой лежало по три ствола

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

каждого вида оружия, доставленного Джорджем в Мицпе-Рамон. За ним ехали в таких же машинах с таким же грузом Альби и Мак. Джордж и Абдулла ехали вместе в машине с лазерными пушками. Рэйфорд надеялся найти место, где можно было бы устроиться и, при помощи Давида Хассида, увидеть, сколько машин они с Альби и Маком сумеют уничтожить своими пятидесятикалибровыми винтовками.

Если верить отчету Давида, не было нужды убивать миротворцев. Когда враги пустятся бежать, Джордж и Абдулла уже с более близкого расстояния попробуют поджарить им шкурку, от чего язвы начнут мучить их еще сильнее. Больше всего Рэйфорда тревожило, успеют ли они все впятером, избежав побоища, вернуться в Мицпе-Рамон к сроку, чтобы начать переброску первых израильских беженцев в Петру.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Бизон шел следом за Хаимом к храму, куда в течение двадцати минут сбежались гражданские без метки зверя, установили телекамеры и сделали приготовления, видимо, следуя наспех составленным инструкциям. С того места, где устроились они с Хаимом, Бизону было видно, как течет к Храмовой горе толпа. Одни увозили убитого насмешника, другие направляли людей к наиболее выигрышным местам для наблюдения за так называемыми «храмовыми празднествами» или к пунктам первой помощи, а оставшиеся сменяли в палатах эмэсовских врачей и санитарок, которые сами теперь нуждались в медицинском уходе.

— Помолись за меня, — сказал Хаим.

— Что? Зачем? Карпати тут еще нет.

Хаим встал и заговорил, и его голос снова был оглушающим.

— Граждане! Слушайте меня! Вы, еще не принявшие метку зверя! Еще есть время выбрать сторону единственного истинного Бога! Хотя злобный князь мира сего и обещает вам мир, но мира не будет! Пусть он обещает милость и процветание — посмотрите вокруг! Все, кто прежде вас принял метку зверя и поклонился идолу владыки греха, ныне страдают от ужасных язв. Вот ваша судьба, если вы последуете за ним.

Вы уже должны были понять, что мир раскололся. Николае Карпати — противник Бога и желает только вашей погибели, что бы он там вам ни говорил. Господь, ваш Создатель, любит вас. Его Сын, умерший за ваши грехи, всего через три с половиной года вернется, чтобы установить Свое царствие, и если вы еще не отвергли Его окончательно, вы можете принять Его сейчас.

Вы рождены во грехе и отдалены от Бога, но Библия говорит, что Господь не желает погибели ни единого грешника — но грешник должен раскаяться. В Послании к Ефесянам 2:8—9 говорится, что «благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился». Единственной платой за искупление наших грехов была смерть Иисуса Христа на кресте. Ибо, будучи человеком, Он был еще и Богом, и только Его смерть могла очистить всех нас от грехов.

В Евангелии от Иоанна сказано: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими». Как принять Христа? Да просто сказать Господу.

Что вы — грешники, и Он вам нужен. Примите дар спасения, уверуйте в воскресшего Христа, и скажите это. Для многих, увы, уже слишком поздно. Я умоляю вас принять Христа прямо сейчас!

* * *

Давид Хассид, прячась в скалах над Петрой, пытался скоординироваться с Рэйфордом и его отрядом, находившимся в двух милях от него. Они так хорошо спрятались, что он не мог их видеть, хотя ему казалось, что он заметил клубы пыли к югу от деревни Вади-Муса, сразу к востоку от Петры. Они общались по защищенным телефонам, и Рэйфорд сказал ему, что Джордж и Абдулла пытаются подъехать поближе, чтобы использовать лазерные пушки. Но Давид их тоже не мог заметить со своей наблюдательной точки.

— Мы видим эмсовские железяки с трех различных точек, — сообщал Рэйфорд. — Там люди-то есть?

— Насколько я вижу — нет, — ответил Давид шепотом, поскольку понятия не имел, насколько громко может эхо разнести его голос в горах. — Они словно ждут сообщения из Иерусалима, что израильтяне выступили.

— Трудно обнаружить местоположение персонала, — сказал Рэйфорд.

— Справа от меня и слева от вас, — сообщил Давид, — первые шесть машин или около

того стоят без экипажей. На ногах держатся только некоторые из солдат, и они, похоже, ухаживают за остальными, которые находятся прямо подо мной или слева от меня.

— Спрячься в укрытие, — вмешался Мак. — Этим штукам нужно время, чтобы прицелиться. Поначалу будем мазать, но, надеюсь, и попадать тоже.

— Только не переборщите, — предупредил Давид. — Я тут застолбил себе пещерку. Когда закончим с делом, я на некоторое время выйду из эфира.

— Мы все выстрелим по паре раз из больших стволов, — сказал Рэйфорд. — Когда насчитаешь шесть выстрелов, выходи и попытайся связаться с нами. Мы постараемся отогнать персонал к левой стороне от тебя, чтобы потом спокойно уничтожить несколько машин. Если мы сможем достать бегущих солдат, то Джордж и Смитти устроят им веселую жизнь.

— У них и так уже веселая жизнь, — сказал Давид. — Но я вас понял. Если они сочтут, что оставаться тут опасно, они начнутозвращаться в Израиль. Ладно, конец связи.

Он нырнул в пещеру и стал ожидать первого выстрела.

* * *

Рэйфорд попытался припомнить все, что Джордж рассказывал ему о 50-м калибре. Он установил два ствола в кузове грузови-

ка рядом и зарядил их. В пятидесяти ярдах от него приготовился к стрельбе Мак. Они будут стрелять по разу из каждого ствола в этом порядке, затем дадут еще по выстрелу. Каждый будет наблюдать в мощный бинокль за результатом, чтобы сделать поправки для следующего выстрела. Для начала шести выстрелов вполне хватит, подумал Рэйфорд, поскольку в какой-то момент измученные болячками эмэсовцы задумаются, кончится ли когда-нибудь этот обстрел и есть ли у них надежда уцелеть. Он хотел только уничтожить их оружие и транспорт, заставить их обратиться в бегство и лишить всякого желания устраивать засаду израильтянам.

Джордж говорил ему, что невозможно оценить влияние ветра, и потому нужно целиться выше, чтобы учесть эффект земного тяготения при полете пули на расстояние двух миль, да и тогда не следует ожидать прицельности больше, чем двадцать — тридцать ярдов. Рэйфорд опасался, что случайным выстрелом они кого-нибудь зацепят, в том числе и Давида. Он лежал на животе в кузове грузовика, делая окончательные поправки и целясь в крайнюю левую машину. Если он промахнется влевую сторону, пуля как минимум испугает солдат. Если промажет вправо, то может попасть в любую другую машину, но в людей все равно не попадет.

Рэйфорд положил палец на крючок и крепко упер приклад в правое плечо. Оптический прицел показал сорок футов выше цели.

Прежде чем нажать на спуск, он напомнил себе, что надо держать глаза открытыми — хотя на траекторию это никак не повлияет. Только любитель зажмуривает глаза.

Мысль о глазах заставила подумать и об ушах и вспомнить о настоятельном совете Джорджа заткнуть их чем-нибудь. Ведь сам себя чуть слуха не лишил. Рэйфорд перекатился на бок, оторвал полоску ткани от рубашки, разорвал ее пополам, свернул в жгуты и заткнул уши. Когда он снова устроился у ствола, надеясь, что не сбил прицел, у него в кармане зазвонил телефон.

Звонил Альби.

— Ты будешь стрелять первым или как?

— Да. Просто чуть не забыл уши заткнуть.

— Ох ты! Спасибо, что напомнил!

— Десять секунд.

— Дай мне тридцать, — сказал Альби. — Нам надо стрелять сразу друг за другом, но мне надо найти что-нибудь, чтобы уши заткнуть. Маку тоже напомни, ладно?

Рэйфорд позвонил Маку.

— Еще полминуты на затыканье ушей.

— Повтори!

— Ты не забыл уши заткнуть?

— Секунду. Дай затычку из уха выну.

Итак, что там?

— Еще несколько секунд ждем. Готов?

— Давно уже. Давай уж начнем.

Рэйфорд глянул на часы и снова лег. На сколько это будет громко? Какая будет отдача? Пятидесятый калибр уже стал легендой.

Люди из таких всегда стреляли. Интересно будет. Он выстрелит и будет ждать, наблюдая в прицел, куда он попал.

Эффект был такой, словно он ушёй и не затыкал. Не зажмурь он глаза, пока нажимал на спуск, они бы из орбит вылезли, когда приклад двинул его в плечо, и он поехал на животе, пока не врезался ногами в стенку кузова. Взрыв был настолько оглушительным, жар от шестицюймового шара огня, выстрелившего из ствола, таким опаляющим, что у Рэйфорда зазвенело в ушах, закружилась голова и задрожали руки.

От отдачи в плечо оружие бросило вперед с такой силой, что сошка перевалилась через борт кузова. Рэйфорд намеревался сосчитать до семи, глядя в объектив, но сейчас мог только стонать, причем слышал себя словно сквозь вату, потому как слух еще не восстановился.

Второй ствол слетел с сошки и теперь лежал рядом. Рэйфорд был счастлив, что ствол случайно не выстрелил. Альби должен был подождать три секунды после выстрела Рэйфорда, а Мак стрелял через три секунды после Альби. Рэйфорд услышал грохот винтовки Альби и понял, что у него четыре секунды на то, чтобы вернуть свою винтовку в первоначальное положение и посмотреть, куда попал его первый выстрел.

Он рывком поднял ствол, но прицел сбился. Выстрел Мака прозвучал лишь чуть дальше, чем выстрел Альби. Рэйфорд должен был снова стрелять через несколько секунд, но

сейчас он отчаянно искал в прицеле точку, куда попал его первый выстрел, чтобы подправить прицел для второго. У него болело все, и тело не желало вторично проходить через такое испытание.

Он увидел огромный клуб розовой пыли, предположил, что попал в скалу над машинами, быстро взял прицел ниже, нажал на спуск, и снова отдачей его отбросило назад. Рэйфорд понимал, что должен был бы закрыть глаза во время этого выстрела, но облако песка и черный дым показали ему, что первые их три выстрела пришлись выше, ниже и в цель. Второй его выстрел выбил из скалы сноп искр и еще один фонтан красной пыли. После выстрела Альби послышался скрежет металла, а Мак, похоже, снова промазал.

Сейчас Джордж и Абдулла должны были начать работать с лазерными пушками, но поскольку к ним патронов не полагается, винтовки работали только с легкими щелчками, которых Рэйфорд, конечно же, не слышал. Он вытащил затычки из ушей, затем подполз ко второму стволу и снял объектив. Сел и попытался оценить результат стрельбы. Поскольку подпереть тяжелый объектив было нечем, он слишком качался. Он поднялся на колени и установил его на край кузова, затем медленно стал осматривать окрестность, пока не успокоился. Эмсовцев в пределах видимости не наблюдалось.

Три машины слева и одна примерно футах в двадцати над ними подбиты, в скале зияет дыра больше грузовика. Пятая и шестая

бронемашины, похоже, сбиты со скалы выстрелом, который пришелся аккурат между ними. Следующая машина горела. В земле виднелись две воронки, и еще одна в скале.

— Йо-хо-хо! — завопил Давид. — Еще разок — и мы свободны!

— И не думай, — сказал Рэйфорд. — Я ни почем не повторю такого эксперимента.

— Это же прямо как четвертая мировая! Эмэсовцы должны были удрать уже после первого выстрела, и когда я выглянул из-за скалы, увидел, что они все рванули в другую сторону. Большинство уносило ноги, но с десяток эмэсовцев просто попадали на песок. Наверное, лазер свое дело сделал, поскольку эти парни очень скоро стали корчиться. Сейчас они снова залезают в грузовики, так что можете еще по парочке выстрелов сделать.

Рэйфорд упал на дно грузовика и застынал. И перезарядил винтовку.

* * *

Цион до четырех утра не находил себе места у себя в Чикаго, и потому с радостью услышал сообщение о нападении на эмэсовцев.

— Они знали, где мы будем, так что и мы знали, где их ждать, — писал ему Давид. — Скоро мы очистим этот район для беженцев из Израиля.

Цион понимал, что ему надо поспать, но знал также, что вторая половина отряда Скорби будет не так сильно занята. Как он сам часто напоминал Рэйфорду, у них будет время перевести дух до того, как Карпати нарушит соглашение и начнется битва при Армагеддоне. Если они смогут сохранить силы, одновременно держа руку на пульсе событий, то выживут.

Цион включил телевизор и узнал, что эпидемия уже охватила весь мир. Даже репортеры страдали, и целый канал был посвящен советам для болеющих. Поскольку вторым пунктом повестки был визит потентата в храм в полдень по карпатианскому времени, Цион переключился на второстепенный канал, чтобы посмотреть, что говорят о том, что в любом случае было не от мира сего. Кара Господня не стала особенно легче, но Мировое Сообщество делало хорошую мину при плохой игре.

* * *

Чань, сидя в Новом Вавилоне, беспокоился, как бы кто не заметил, что у него-то язв нет. Его начальник прислал ему электронное сообщение, спрашивая, как он себя чувствует, и Чань намекнул, что ему лучше бы полежать у себя несколько дней. Начальник разрешил, сказав, чтобы Чань подготовил все для старшего медицинского персонала дворца, дабы те могли вы-

ходить в прямой эфир по специальному каналу и давать советы по обработке язв.

Чань сумел это сделать, не выходя из своей комнаты. Посмотрел немного хроники, напомнив себе, что в 1:00 по дворцовому времени Николае войдет в храм.

Доктор Консуэла Кончита, с черными кругами под глазами, с трудом державшаяся в кресле прямо, рассказывала, как надо обрабатывать себя.

— Беда в том, что мы пока не смогли диагностировать эту пандемию, — говорила она. — Болезнь начинается с раздражений на коже, как правило, в тех местах, которые скрыты одеждой, хотя известны случаи появления сыпи на руках и лице.

На начальной стадии человек испытывает сильный зуд, вскоре сыпь превращается в подобие фурункула или порой даже карбункула. Но хотя обычно такие болезни вызываются острым стафилококковым заражением, они не поддаются традиционному симптоматическому лечению. Хотя стафилококки обнаруживаются в таких язвах, поскольку они всегда присутствуют на нашей коже, еще не определенные бактерии делают эту эпидемию куда более серьезной и сложной для лечения.

Хотя язвы вряд ли угрожают жизни, их следует тщательно обрабатывать, чтобы они не стали инфицированными абсцессами. Мы исключаем любую связь между возникновением язв и печатью верности. Хотя язвы поразили только тех, кто имеет печать верности, это чисто случайное совпадение.

Такие типы кожных проблем могут привести к возникновению неизлечимых шрамов, так что важно использовать для обработки пораженных участков любые противозудные средства, которые вы сочтете пригодными. Антибиотики пока не показали своей эффективности для борьбы с этой инфекцией, но мы тем не менее рекомендуем их применять.

Носите свободную одежду для лучшей вентиляции. Избегайте использования внутривенно вводимых лекарственных средств, не скупитесь и покупайте хорошее антибактериальное мыло. Используйте горячие или холодные компрессы — смотря что лучше облегчает вашу болезнь. Обычные побочные эффекты — жар и усталость.

Чань не знал, является ли это результатом самовнушения или просто его иррационального страха, но у него зачесалась нога. Он мгновенно вскочил и задрал штанину. Ничего. Но его тянуло чесаться. Кожа покраснела, но образуется ли язва? Он сказал себе, что такого быть не может, даже если у него и есть клеймо Карпати. Он не выбирал этого, он не собирался поклоняться идолу Карпати, тем более самому Николае.

* * *

Бизон едва поверил глазам своим, когда несколько десятков людей еще без печати обступили Хайма и стали просить помолиться вместе с ними.

— Вы понимаете, что это может стоить вам жизни? — сказал он. — И это не пустые слова.

Люди падали перед ним на колени, присоединяясь к нему в молитве. Печать Господня появлялась у них на челе.

— Те из вас, кто является евреями, — сказал Хаим, — слушайте меня! Господь подготовил для вас особое убежище. Когда жажда мести Карпати достигнет пика, слушайте мои слова и идите на юг от города. Добровольцы помогут вам добраться до Мицпе-Рамон в пустыне Негев. Мой помощник скажет вам, как узнать этих людей по примете, которую можем видеть мы, но не видит враг. Если у вас нет транспорта, идите на Масличную гору, оттуда вас добросят вертолетом до Петры, древнего арабского города в Юго-Восточной Иордании. Там Господь обещал оберегать нас до самого Второго пришествия Иисуса, когда тот явится, чтобы установить тысячелетнее царствие на Земле.

С приближением полудня люди стали стекаться от Стены Плача к храму. Вид у них был серьезный и нерадостный. Многие были в традиционных еврейских одеяниях. Они стояли по краям толпы, окружавшей Хайма. Они слушали Хайма, но никто не подходил к нему и не заговаривал с ним. Некоторые оглядывались на храм и мониторы, видимо, стараясь ничего не упустить.

Хаим закончил молитву с неофитами, и пока они медленно расходились, он простер руки к тем, кто пришел от Стены Плача.

— Вы, святые люди Израиля, — сказал он, — я знаю, кто вы такие. Вы упорствуете в

своем неверии в то, что Иисус бар Иосиф из Назарета является предсказанным Мессией, но вы не считаете и Николае Карпати богом. Я прошу вас только прислушаться к моим словам в то время, как этот человек входит в вашу святую святых и оскверняет храм во имя свое. Я скажу, что это было предсказано в Писании. Затем я прошу вас еще немного потерпеть меня, ибо я укажу вам убежище в Массаде, где дам доказательства того, что Иисус Христос и есть Мессия, которого ждут иудеи.

Священники нахмурились и зашептались.

— Господа! — властно воззвал Хаим. — Я прошу лишь вашего внимания. Что вы дальше будете делать — ваше решение. Без Господней защиты вы рискуете погибнуть, восстав против князя мира сего, а осквернение этого святого места разъярит вас.

Бизон ощущил вибрацию телефона в кармане и увидел, что звонок — от Чаня.

— Говори быстро, — сказал он.

— Вы знаете о идее моей сестры вклинииться в трансляцию Карпати и заменить ее передачей обращения Циона Бен-Иегуды.

— Хлоя мне говорила. Можешь то же самое сделать для Хайма?

— Если поможете.

— Что тебе требуется?

— Камера и микрофон.

— И где я все это возьму?

— Вы же там, мистер Уильямс, а я — нет. Карпати наверняка приказал доставить камеры в храм, чтобы весь мир увидел то, что он бу-

дет там делать. Судя по расписанию, он потом намерен произнести речь. Однако, будет он говорить внутри храма или снаружи, я не знаю. Если вы как-нибудь сумеет раздобыть камеру и микрофон, пока он внутри, я смогу вывести на экраны Розенцвейга вместо Карпати, и он не будет этого знать, пока ему не скажут.

— Мне это нравится.

— Мне тоже, — ответил Чань, — но если Карпати будет произносить свою речь снаружи, он увидит, что мы сделали.

— Воспользуемся шансом. Кстати, вот он идет. Хаим считает, что он будет говорить снаружи, на помосте, подобном тому, что построил Соломон. Вокруг него будет свита гражданских, которые будут нести вычурный трон, а другие потащат вчерашнюю свинью. Карпати только что сказал им: — «Вы будете вознаграждены. Скоро мир узнает, что я без сомнения бог!»

— А из верхушки МС при нем никого не будет?

— Да, я видел Фортунато и Муна, и еще нескольких, но вид у них был еще тот. От них ему толку не будет.

— Тогда должны найтись бесхозные си-эн-эновские камеры без групп, раз операторов покосила зараза.

— Вижу несколько штук на треножниках, направлены на храм.

— Можете стащить одну?

— А кто мне помешает?

— Тогда давайте. Мне только надо узнать ее номер — он сзади, в верхнем левом углу, —

и увериться, что к ней подведены микрофон и монитор.

— Отбой.

Бизон решил подождать, пока Карпати не пройдет мимо них. Он остановился рядом с ними. Фортунато, Мун, Айвинз и прочие семенили позади, бледные и измученные. Николае указал на Хайма.

— С тобой я разберусь позднее, — сказал он. — Твое заклинание долго не продержится, и с тобой будет то же, что с теми двумя чокнутыми у Стены Плача. И с вами всеми тоже, — добавил он, указав на разгневанных евреев. — Вы проклянете тот день, когда Израиль отвернулся от меня. Перемирие в силе лишь тогда, когда обе стороны держат свое слово.

— Бу-у-у! — крикнул кто-то, остальные стали свистеть и показывать язык. — Ты смеешь хулить нашего Бога?

К ним присоединились другие, потрясая кулаками.

Карпати повернулся к храму, затем снова обернулся.

— Вашего Бога? — повторил он. — Где же он? Внутри? Может, мне пойти посмотреть? Если он там и не приветствует меня, задрожать ли мне от страха? Поразит ли он меня смертью?

— Молюсь, чтобы это было так! — крикнул какой-то рабби.

Карпати устремил взгляд на него.

— Вы проклянете день, когда восстали против меня. Скоро вы либо примете мою печать, либо сдохнете на гильотине!

Он бодро зашагал по храмовым ступенькам, но его болящим спутникам пришлось помогать друг другу взобраться туда. Благочестивые евреи следовали за ними на расстоянии всего нескольких футов. Когда Карпати и его люди в сопровождении верных ему граждан миновали колонны и портик, евреи остались снаружи и стали раскачиваться, бить поклоны и горестно взывать к Богу.

Бизон подошел к бесхозной камере и микрофону, держа у уха телефон. Под камерой болтался маленький монитор и микрофон, закрепленный между ножками треноги. Монитор был подключен к каналу всемирных новостей и как раз показывал входящего в храм Карпати. Оператор, наверное, был принят на службу недавно, потому что как раз подбирал фокус.

— Камера есть, — сказал Бизон Чаню и зачитал ему информацию.

— Отлично. Беспроводная. Подтащите ее как можно ближе к Розенцвейгу и воткните микрофон в гнездо под линзами.

Бизон попытался управиться с треногой, но колеса были зафиксированы, и, передвигая ее одной рукой, он едва ее не опрокинул. Он сказал Чаню, что перезвонит, и занялся колесиками.

А тем временем Хаим снова напустился на Карпати.

— Если ты — бог, — возгласил он, — то почему ты не можешь исцелить достопочтеннейшего отца своей собственной религии или свою ближайшую родственницу?

Где все твои военные вожди и прочие члены кабинета?

Внимание толпы снова переключилось с Хaima на вход в храм. Уловка сработала. Карпати снова появился. Многие из благочестивых ринулись прочь по ступенькам, загородив от Николае камеру, перед которой сейчас стоял Хaim, но Бизон опасался, что потентат подумает, будто они его испугались.

— Где твои верные последователи? — продолжал Хaim. — Где те, кто принял твое проклятое клеймо и поклонился твоему образу? Нарывы на теле — вот плата за поклонение тебе, и после этого ты смеешь утверждать, что ты — бог?

Бизону показалось, что Никогда просто пытается испепелить старика взглядом. Прежний, знакомый Бизону Розенцвейг не смог бы выдержать такого психологического поединка, но Михей — новый Моисей — выдерживал взгляд Карпати так долго, ни разу не сморгнув, что Николае, в конце концов, был вынужден отвести глаза.

Бизон посмотрел на монитор. Последний сюжет был, похоже, не прямым репортажем. Картинка показывала кого-то в студии Нового Вавилона. Он объявлял, что сейчас Си-эн-эн МС вернется в Иерусалим, где «его святейшество осмотрит прославленный храм. Поскольку очень многие наши сотрудники по всему миру поражены болезнью, мыносим извинения за то, что освещать эти события нам помогает вызвавшийся добровольно технический персонал».

* * *

Давид встревожился, когда увидел, что пришлось несколько раз стрелять из крупнокалиберного оружия и потом еще использовать лучевики, чтобы окончательно выкурить из Петры и так уже измученных язвами эмэсовцев. Он был уверен, что его не заметили, и теперь еще надеялся, что вражеское начальство не пришлет подкреплений.

Рэйфорд сказал ему, что они с Альби и Маком в порядке, если не считать синяков на плече и звона в ушах, и что Джордж с Абдуллой доложили, будто еще где-то в четверти мили от дымовой завесы поджарили нескольких удирающих врагов.

— Я не удивлюсь, — добавил Рэйфорд, — если после полудня не начнут прибывать беженцы из первой волны.

Давид никогда в жизни не бывал в такой близости от военных действий, но это показалось ему почти нечестным. Он не мог себе представить — как же можно гнать людей в атаку, когда большая часть солдат страдает от омерзительных нарывов?

Поскольку Давид не знал, возглавил ли Хаим исход израильских беженцев или прибудет в Петру последним, то решил, что до прибытия доктора Розенцвейга командовать тут придется ему. Ничего лучшего, кроме принципа «кто первым встал — того и тапки» он придумать не мог, потому стал прикидывать, где же лучше начать размещать первые

четверть миллиона. Когда он снова вернулся к компьютеру, чтобы посмотреть, что случилось в храме, его уже ждало послание от Ханны Пэйлмун.

«Давид, у нас тут выдалась передышка, но надолго ли — не знаем. Мы молимся, чтобы та маленькая группа, которая откликнулась на твой призыв устроить саботаж МС, вернулась живой и здоровой.

Мне нелегко об этом писать, но я должна снять камень с души. Кроме того, ты до сих пор оплакиваешь любовь всей своей жизни, да и вообще любой из нас вряд ли отважится на серьезные отношения в такой период истории, к тому же мы с тобой еще и едва знакомы. Так что, пожалуйста, не подумай, что я пишу это с намеком на какие-то чувства, которые каждый из нас мог бы испытывать друг к другу.

Мы ведь просто друзья, не так ли? Это ведь ни к чему особо нас не обязывает. Так что ради нашего общего блага, позволь мне высказаться. Меня задело то, как бесцеремонно ты обошелся со мной — особенно с учетом твоего решения не возвращаться в Североамериканские Соединенные Штаты по окончании операции «Орел». Это большое, сложное дело, главный перекресток в твоей жизни. Не могу не сказать, что это, вероятно, было правильное решение.

Но я-то узнала об этом вместе со всеми. Возможно, ты обсуждал это с капита-

Осквернение

ном Стилом, но нам-то ты вдруг так внезапно помахал ручкой и уехал. Мой друг, мой парень, тот, на кого я могла опереться, уехал — и все.

Прости, что вываливаю все это на тебя, но у меня такое ощущение, что ты обошелся со мной не так, как обходятся с друзьями. Мне было бы лестно, если бы я помогла тебе принять решение или хотя бы узнала о нем лично, как если бы тебе было не все равно, что я чувствую или думаю. Я могла бы доставить тебе радость, показав, что твой лучший друг — не какая-то психованная медсестра. Если все это чепуха и ты, без сомнения, знаешь, что я буду раскаиваться в этом письме, то считай, что его не было. И спасибо тебе за добрые воспоминания. Правда, спасибо.

Твоя сестра во Христе

Ханна».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Бизон направил камеру на Хайма, сделав крупный план, чтобы не давать никаких намеков на то, где он находится, если кто-то из Нового Вавилона следит за камерами. Если все сработает так, как рассчитывал Чань, то сотрудники мировой новостной сети Мирового Сообщества попытаются убрать Хайма из эфира и, если не получится, попытаются вычислить, где он находится, и отнять украшенную камеру.

Бизон держал монитор так, чтобы они с Хаймом могли следить за Карпати и также видеть, когда Чань переключится на них. Когда камера Си-эн-эн показала интерьер храма, они заметили какое-то движение. Николае рявкнул на добровольного помощника и оператора, картинка закачалась. Бизон быстро надел наушники и услышал помощника.

— Простите, ваше сиятельство, я не хотел!

— Ты осмеливаешься не повиноваться мне? — прошипел Николае.

— Я хочу повиноваться, сэр, но...

— Сэр?

— Святейшество! Я же не должен был вообще тут находиться, а они не должны были подчиняться мне!

— Ты говоришь от моего имени, и если они не уберутся отсюда, когда я доберусь до них, на жертву пойдет их кровь!

— Ой, сэр... потентат!

— Пшел вон, или с тобой будет то же самое!

Канал Си-эн-эн МС в Новом Вавилоне подключился к делу.

— Свита его святейшества прошла через двор Женщин, где мисс Айвинз останется ожидать потентата. Остальные вошли во двор Мужчин и, похоже, столкнулись с группой священников, которые не желают пустить потентата Карпати совершить приватный тур по храму, о чем им ясно было сказано.

С того самого момента, когда потентату удалось договориться с мусульманами о переносе мечети Скалы в Новый Вавилон, он ясно дал понять, что любая деятельность в воссозданном иудейском храме будет осуществляться только с его разрешения. Не секрет, что ортодоксальные евреи продолжали совершать свои ежедневные ритуалы и жертвоприношения даже после того, как в качестве единственной законной международной церкви была принята единая церковь Сокровенного Вавилона,

которая должна была объединить все религии и вобрать все догматы. После того как его святейшество сам воскресил себя из мертвых, он стал нашим объектом поклонения, что привело к ликвидации этой единой всемирной религии и возникновению карпатианства. И все же иудеи и фракция христиан-фундаменталистов, известных как иегудайты — по имени их лидера, самозваного мессианского еврея доктора Циона Бен-Иегуды, — остаются последним оплотом мятежа против нашего истинного и живого бога.

Его святейшество впоследствии войдет в святая святых, но прежде он желает, чтобы смутьяны были удалены из храма.

— Все, кто собрался здесь не ради поклонения мне, будут застрелены на месте, — сказал Карпати. — Вы вооружены? Вы готовы?

— Нет! — завопил помощник.

— У меня есть пистолет, — сказал Уолтер Мун.

— Ты, — показал Николае на помощника, — возьми пистолет мистера Муна и выполняй свой долг.

Бизон не мог оторваться от монитора. Николае смотрел не в камеру, а в глаза добровольного оператора. Камера резко повернулась и показала человека, который в панике отказывался от пистолета. Хруст, выстрел, крики — и он упал. Камера снова повернулась к Карпати, стоявшему с пистолетом в руке.

— Покажи его, — приказал Карпати, и камера снова показала тело на полу.

В наушниках Бизона послышался какой-то внешний шум, затем голос Чаня.

— А вот и мы, — сказал он.

Хаим встал на место, и на камере Бизона загорелся красный огонек.

— Злобный правитель мира сего не только хочет изгнать священников из их собственного храма, принадлежащего им по праву, — заговорил Хаим, — но лично совершил убийство в этом святом месте. — То, что слышал Бизон, не соответствовало артикуляции Хaima, и он понял, что тот говорит на иврите, а он слышит слова на английском.

Мятежные священники, смотревшие на мониторы снаружи храма, кричали и потрясали кулаками, и к ним на ступени поднимались другие. Многие, как заметил Бизон, еще не имели печати верности, и число их все росло. Он уставился в маленький монитор под его камерой. По каналу Си-эн-эн передавала Хайма, хотя в наушники он слышал что-то насчет технических сложностей. Снова голос Чаня, который заверил Бизона:

— Я заглушил эфир, но они пытаются вычислить вашу камеру. Я переключаюсь на Карпати — пусть немного подивятся.

— Подожди, пока Хаим не закончит мысль, — сказал Бизон.

— Вы увидите, — продолжал Хаим, — священный сосуд, в котором священник омывают руки прежде, чем приблизиться к главному алтарю. Храм возведен над несколькими подземными источниками, дающими воду с постоянным напором, чтобы можно было со-

вершать многоократные омовения. Естественно, ему нечего делать в этом месте, и даже ритуальное омовение рук не смоет с него вины за осквернение храма.

— Переключаю, — сказал Чань, и монитор показал Карпати, который жестом приказывал своему оператору следовать за ним.

— Мы тут на момент вылетели из канала, — сказал тот.

— Что упущено?

— Мне кажется, мы не засняли... ну...

— Как я касаюсь крови?

— Нет, ваше святейшество. Вернуться?

— Нет! — с отвращением в голосе рявкнул Карпати. Он поднес к объективу свои кроваво-черные руки. — Верные мне и так поймут. — Он возвысил голос так, что тот эхом прокатился по храму и искался. — Тот, кто осмелится помешать мне в моем паломничестве, увидит кровь свою на моих руках!

Грохот шагов заставил оператора крутиться, и экран заполнили священники в церемониальных одеждах. Они бежали к Карпати.

— Узрите, чья это будет кровь! — воскликнул Карпати, и камера выхватила лица священников, которые, побледнев, остановились. Увидев лежащее тело, они стали стонать и кричать:

— Неужели злоба твоя не знает предела?

— Вы ли те богоненавистники, — прорычал Николае, — которые не признают меня богом — богом, признанным всеми остальными, но не вами?

Один из них заговорил:

— Разве мы не показывали тебе своей верности, каждый день принося жертвы в твою честь?

— Да, вы приносили жертвы, — сказал Карпати, — но другому богу, даже если в мою честь! И что толку в этих жертвах, если они не мне? Больше в этом храме не будет приноситься никаких иных жертв, кроме как мне! Не в мою честь, а мне! Теперь идите прочь, или вас постигнет та же судьба, что и этого несчастного, которому хватило глупости не считать меня богом!

— Господь покарает тебя, злодей!

— А ну-ка, дайте мне еще раз свой пистолет, верховный главнокомандующий!

— Мы уходим — но не из страха, а потому, что ты превратил дом Господа в бойню!

— Идите-идите! Я войду в мой дом, и если я застану вас там без доказательства верности мне к концу недели, то вы мне головой ответите!

Священники с криками и угрозами удалились, и Бизон увидел, как их собратья встретили их снаружи с сочувствием и ободрением.

— Любящие Господа, объединяйтесь! — закричал один, и зрители подхватили его слова.

Огонек на камере Бизона снова загорелся, и Хаим опять заговорил:

— Во внутреннем дворе за колоннадой находится лестница, которая выходит к востоку и ведет к главному алтарю. Священни-

ки, которые воздают почести Господу, обходят двор Священников и Святое место, левым плечом в сторону алтаря. Тот, кто растопчет святую землю, уже начал обход в противоположную сторону, правой рукой к алтарю. Писание предсказывает, что ему нет дела до единственного истинного Бога. Какие у него планы на животное, которое он притащил, чтобы осмеять Крестный путь, — это мы поймем, только когда он вторгнется глубже на территорию самого Господа.

Какой постыдный контраст со Шхиной — Славой Господней, — которая трижды была явлена людям, причем последний раз — в этом самом храме. В первый раз Господь явился Моисею на горе Синай, где передал ему Десять Заповедей. Затем Он явился снова, когда Моисей освятил скинию. И наконец, Он явил Себя во время освящения храма Соломонова на этом самом месте. Пожелает Господь — и Он явится хоть сегодня и раздавит пятой Своей врага. Но Его замысел устремлен в вечность, а Антихрист всего лишь временный участник этого замысла. Хотя Антихристу и дана сила на время творить свои ужасы в мире, конец его будет горек, и это предрешено.

— Мы снова в эфире, ваше святейшество, — сказал оператор, когда они опять появились на мониторах.

— Что ты делаешь не так?

— Ничего, потентат! Просто у меня гаснет красный огонек, и что бы я там ни делал, он зажигается, когда сам захочет!

— Покажи им это! Покажи красоту здания, возведенного в мою честь, хотя в то время архитектор и строители этого не знали. — Камера показала кипарис, кедр, золотую инкрустацию и позолоту, серебро и бронзу. — На мой дом не пожалели расходов! — воскликнул Николае.

Леон Фортунато, который, видимо, ощущал себя забытым, сказал что-то, но микрофон этого не уловил.

— Говори, друг мой! — сказал Карпати, снимая с лацкана микрофон и поднося его к губам Фортунато.

— Ты господь мой, — прохрипел Фортунато, измученный язвами, — ты добный дух этого мира и источник всех благ.

* * *

Давид сидел высоко над Петрой, держа на коленях ноутбук солнечной панелью наверх и прикрыв от света экран. Чань был просто чудо. Но развертывавшаяся по всем международным каналам и в Интернете драма заставляла Давида сомневаться в том, что Хаим сумеет вывести к свободе уверовавших евреев. Ему хотелось как-нибудь связаться с Хаимом и сказать ему, что пора дать сигнал всем бежать оттуда, пока Карпати поглощен осквернением храма и у него руки не доходят до репрессий.

Но Давид понимал, что строить планы — не его дело. Господь замыслил это еще до на-

чала времен, и только Он один может указывать Хаиму.

Толпы возле храма выглядели угрожающе. Сторонники Карпати пытались перекричать ортодоксальных евреев, но те, кто получил клеймо и успел поклониться идолу, едва стояли на ногах. Толпа противников Карпати словно бы набиралась уверенности от численности своих соратников, особенно с учетом того, что ближний круг и военный штат потентата был выведен из строя.

И все же, насколько знал Давид, Николае был всего лишь смертным, и сколько бы он ни похвастался своей силой, она была дана ему только на время. Он приказал своему временному оператору установить камеру у него за спиной, а сам ждал у завесы, скрывавшей святая святых. Давид мог только представлять себе, как Царь Небесный смотрит вместе со всем остальным миром на то, как Николае с улыбкой снимает с пояса длинный нож и режет завесу сверху вниз, насколько может достать, а затем отбрасывает обе половины. За плечом Карпати — который уже стоял возле бронзового алтаря — был виден его собственный пышный трон и вчерашняя огромная свинья, уже без седла и явно не накачанная транквилизаторами, как вчера. Она вырвалась, привязанная за шею двумя веревками, которые держали приверженцы Карпати, еще не получившие печати.

Внезапно канал переключился на внешнюю камеру, и Давид понял, что Чань дал сигнал Бизону. Тот повернулся объектив к

противникам Карпати, ждущим у мониторов. Многие падали на колени и рвали на себе одежду.

Снова подключилась внутренняя камера. Свинья визжала и рвась, а Карпати смеялся, приближаясь к ней с ножом в руке. Он ударил свинью ножом, но та увернулась, и Карпати промахнулся.

— Хочешь поиграть? — взревел Николае и прыгнул свинье на спину, заставив ее упасть на колени. Та быстро встала, и потентат чуть не скатился с нее. Он ухватился за одну из веревок, выпрямился и ножом полоснул свинью по горлу.

Та взбесилась и сбросила Карпати на пол. Свинья металась, Карпати пытался встать, весь вымазанный кровью. Помощники удерживали животное, и вскоре свинья ослабла и потеряла равновесие.

Николае, отбросив всякое подобие ритуала, сунул нож в чехол и подставил обе ладони под шею подыхающей свиньи. Прежде чем подняться, он плеснул кровью на алтарь, забрызгав удерживавших свинью людей, которые пригнулись и истерически завыли. Фортунато и Муна затолкали в суматохе, они пытались изображать улыбку, хотя вид у них был такой, будто вот-вот оба упадут.

Давид сидел, разинув рот, не понимая, как можно всерьез воспринимать человека, который не только дразнит Бога, но ведет себя как пьяный студент на вечеринке.

Когда свинья, наконец, прекратила держаться, Николае попытался вспороть ей брю-

хо ножом, но ему это оказалось не под силу, да и нож тоже для этого не годился.

— Жаль! — воскликнул он, рассмешив своих прихвостней, и шлепнулся на трон. — Мне так хотелось жареной свининки!

Но собственные глупые шутки, казалось, утомили Карпати.

— Уберите свинью, — приказал он, — и внесите мой образ.

Он встал и поспешил двинулся к краю. Камера показывала только его лицо, но было ясно, что он разделился и встал под струю воды.

— Холодненькая! — крикнул он, потянувшись, наконец, за полотенцем, которое подал ему один из его прихвостней. Кто-то протянул ему одеяние, пояс и сандалии, которые он носил вчера, и он посмотрел прямо в объектив.

— Теперь, когда мой образ стоит на положенном ему месте, — сказал он, — мы взойдем на помост Соломона.

Чань переключился на Хайма.

— Разве это не самый гнусный человек в истории? — воскликнул Розенцвейг. — Разве он не полная противоположность тому, чем себя провозглашает? Я обращаюсь ко всем, кто сопротивлялся или тянул с принятием печати, и молю вас отказаться от него. Избегните язв и верной погибели!

Давид сменил позу и вытянул ноги. Ему так хотелось обсудить с кем-нибудь увиденное. И самым подходящим собеседником ему показалась Ханна.

* * *

Бизон опасался, что позаимствованная им телекамера окажется на виду. Когда маленькая группа ортодоксальных евреев, которая невольно загораживала ее от Карпати и его прихвостней, внезапно бросилась врассыпную, Храмовая гора превратилась в бурлящий котел возмущенных людей, причем возмущались не только те, кто был без клейма верности. Верные тоже вдруг потеряли терпение, измученные отвратительными язвами, покрывшими их тела. Фиаско, которое только что потерпел Карпати в храме, не могло не разочаровать даже его самых преданных, самых оголтелых сторонников.

Мессианские евреи, новые христиане, ортодоксальные евреи и несколько тысяч колеблющихся увидели воочию нового Карпати. Впечатление было такое, словно он отринул все попытки убедить или уговорить хоть кого-нибудь. Ему обязаны поклоняться, почитать его и следовать за ним только потому, что он бог, и любой, кто не подчинится, погибнет. Но те, кто был готов подчиняться ему, пострадали сильнее всех.

Но чтобы хладнокровно убить человека в прямом эфире, буквально омыть руки в его крови, объявить о прекращении церемониальных жертвоприношений — за исключением жертвоприношений ему, любимому, — и затем не просто забрать храм себе, а осквернить его таким нарочитым, отвратительным

образом, — это было сверх понимания нормального человека.

Люди с длинными бородами кричали:

— Он принес в жертву свинью в святая святых и омылся ее кровью!

Они падали на колени, плакали и стонали. Но еще больше людей столпилось у колоннады храма наверху лестницы и требовали крови самого Карпати.

Бизону засек момент, когда настроение толпы изменилось не в пользу Карпати. Святые люди утихомирили толпу, когда маленькая свита Николае из еще здоровых людей принесла золотую статую. Низкий гул разозленной толпы становился все громче, тысячи людей с трудом сдерживали себя, пытаясь услышать, что эта тварь еще собирается сделать.

— Зачем поклоняться бронзовому алтарю? — сказал он с ухмылкой, заполнившей все экраны. — Если уж это действительно самое святое из всех святых мест, то пусть уж паломники получат привилегию поклониться моему образу, который достопочтеннейший отец карпатианства наполнил силой, позволяющей ему говорить вместо меня!

Карпати ждал внутри храма установки своей статуи, но когда появились назначенные люди, чтобы поднять ее на руки в горизонтальном положении и внести в храм, их окружила толпа.

— Даже эмэсовские служащие против этого, Хаим, — сказал Бизон.

Старик кивнул. Бизон еще раз посмотрел на него. Хаим был более чем серьезен. Он

ушел в себя, возможно, обдумывал следующий шаг. Все оказалось куда омерзительнее, чем мог предположить хоть кто-нибудь в отряде Скорби. Бизон просто не мог вспомнить, чтобы в обсуждениях, спорах, планерках мелькало что-нибудь подобное. Где-то должно было рвануть — и скоро.

Когда толпа набросилась на носильщиков, карпатианцы кинулись им навстречу из храма, размахивая оружием. Последовало несколько выстрелов в воздух, толпа отхлынула, размахивая кулаками и бранясь. Когда на мониторах возникли люди, заносившие ростовую статую с западной стороны храма по ступенькам в святая святых, это стало последней каплей. Начался мятеж. Если человек был в эмэсовской форме, то он или она мигом становились мишенью для ярости толпы.

Большинство людей в форме были слишком слабы, чтобы стрелять, но когда кто-то все же выстрелил и попал в человека, толпа не выдержала и перешла в наступление. Она смела медицинские палатки, опрокинула лавки и стулья, повалила гильотину и разнесла ее в куски. Блюстителей морального духа и миротворцев сбивали с ног, вырывали у них оружие. Вскоре снесли и телевизионные мониторы. Повсюду вокруг храма бесновались в ярости люди, крича: «Долой Карпати! Смерть чудовищу! Пусть сдохнет и не воскреснет!»

Бизон потащил Хайма в безопасное место и попытался прикрыть похищенную камеру. На мониторе было видно, что Карпати

услышал шум, побледнел, и на лице его возникла растерянность.

— Я выйду и успокою мой народ, — сказал он в объектив. — Им нужно только напомнить, что я их восставший из мертвых господь и бог!

Мало кто услышал это сквозь шум, но те, кто услышал, наверное, быстро распустили этот слух, поскольку Бизон, следя за тем, как Карпати идет к выходу, увидел еще и группу ортодоксальных евреев, которые в первых рядах прорвались к помосту Соломона, и разнесли его в щепки.

Группа фанатиков заметила камеру Бизона, и прежде, чем он успел убедить их в том, что он на их стороне, они опрокинули ее на землю. Отчаянно желая увидеть то, что творится перед храмом, Бизон забрался на дерево и увидел, как Вив Айвинз встречает Карпати у входа. Что-то не давало мятежникам ворваться внутрь, и Бизон понял, что это просто нежелание убивать человека в храме, несмотря на то что он там натворил.

Николае был просто ошеломлен, хотя и пытался делать хорошую мину при плохой игре и то и дело оглядывался, чтобы найти остатки своей свиты. Наконец, они собрались, но просто стоять на ногах им было настолько тяжело, что это отнимало последние силы и у Фортунато, и у Муна, и у прочих. Карпати показал кудато и крикнул, и ему принесли микрофон, подсоединенный к усилителям во внешнем дворе.

Как безумец, который бросается в неверном направлении, Карпати попытался со-

вершенно неподходящим образом вернуть себе приязнь толпы. Он схватил микрофон и поднял свободную руку, призывая к тишине, и закричал:

— Вы нарушили договор! Моя клятва о семи годах мира для Израиля аннулирована! Теперь вы должны позволить мне и моим...

Но остальное потонуло в мятежном реве толпы. Хотя люди и не переступали порога храма, он тесно обступали его, создав живой барьер, мешавший Карпати выйти наружу. Внезапно они утихли и начали смеяться, затем смех перешел в хохот и довольный рев, когда они поняли, что только что сделали. Они загнали в угол крысу, но теперь не знали, что с ней делать.

— Мои братья и сестры по Мировому Сообществу, — начал снова Карпати, — я сделаю так, что вы исцелитесь от своих язв, и вы снова увидите, что это я — тот, кто вас любит и кто принесет вам мир!

— Ты не уйдешь отсюда живым, самозванец! — выкрикнул кто-то, и остальные подхватили его слова.

И тут ясно и звонко прозвучал в воздухе ясного полудня голос маленького человечка в коричневой хламиде, и слух и взоры всей толпы обратились к нему.

— Еще не настало время суда этому человеку греха, хотя он и раскрыл себя полностью!

Толпа зашепталась, явно не желая оставлять своего намерения расправиться с Карпати.

Хаим медленно шел в самую толпу, и люди почтительно, без слов расступались перед ним.

— Как и было предсказано много столетий назад, — говорил Хаим, направляясь к ступенькам храма, — Господь решил дать этому злу на время волю, и хотя этот враг душ ваших сегодня бессилен, но еще много зла обрушится на вас, пока вы будете во власти его. Когда он снова войдет в силу, он не преминет отомстить за то, что вы выступили против его власти, и лучше бы вам не оставаться здесь, когда он обрушит на вас свой гнев!

— И он прав! — завопил Карпати голосом, который по сравнению с властным тоном Хайма казался визгливым. — Вы проклянете день, когда...

— Ты! — прогремел Хаим, указывая на Николае. — Ты отпустишь избранных Богом прежде, чем будет снята эта напасть, иначе тебя постигнет куда более тяжкая кара.

Бизон, по-прежнему сидевший на дереве, позвонил Чаню.

— Мне разнесли камеру, — сказал он.

— Я так и понял.

— Ты это видишь?

— Эмэсовцы пытаются заглушить это все комментариями. Впечатление такое, что они не могут решить, хочет ли Карпати, чтобы это шло в прямом эфире. Головы полетят.

— Что только что сказал Карпати? — спросил Бизон. — Я прослушал.

— Что-то насчет того, что в кнессете он ответит на все честные вопросы от своих подчиненных.

— Да ему не дадут выйти из...

Но его выпустили. Толпа расступилась перед Николае и его свитой точно так же, как перед Хаимом.

— Есть возможность подключиться к кнес-сету? — спросил Бизон.

— Я не знаю, — сказал Чань. — Вы идете туда?

— Если Хаим пойдет, то я с ним.

— Держите телефонную связь. Я подключаю его ко всем остальным.

Но прежде чем Бизон успел спуститься с дерева, Хаим воздел руки и привлек к себе внимание разъяренной толпы.

— Находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежду свои¹.

— Зачем нам бежать? — крикнул кто-то. — Мы разоблачили потентата, он — бессильный самозванец!

— Затем, что так велел Бог!

— Теперь мы должны поверить в то, что ты — Бог?

— Так сказал мне Тот, кто Аз Есмь. Как Он задумал — так и свершится, как Он положил, так и будет.

Бизон был уверен, что люди не послушают, но Хаим говорил с такой убедительностью и уверенностью, что люди тут же утихомирились.

— Куда нам идти? — спросил кто-то.

¹ Мф., 24:16—18.

— Если вы верите в Иисуса Христа Мессию, — сказал Хаим, — то уходите в Петру через Мицпе-Рамон. Если у вас есть на чем ехать, возьмите с собой как можно больше людей. Добровольцы со всего мира готовы помочь вам, и от Мицпе-Рамон вас вертолетами доставят в Петру. Слабые, старые, больные — идите на Масличную гору, и вас отвезут оттуда.

— А если мы не верим?

— Если у вас есть уши, чтобы слышать, идите в Массаду, где вы будете вольны поклоняться Богу, как некогда поклонялись в Его храме. Там я предоставлю вам доказательства того, что Иисус и есть Мессия. Не ждите! Не медлите! Идите прямо сейчас, идите все!

Бизон был потрясен, сколько людей с печатью Карпати сбились в толпу и приготовились покинуть Храмовую гору. Он понимал, что они уже не смогут передумать, что они уже раз и навсегда отвернулись от Господа. Но сейчас они были на ничейной территории. Господь их не защищал, но они публично отреклись от Антихриста. Если напасть язв окончится, эмэсовцы уничтожат их, вне всякого сомнения. Ортодоксальные евреи и колеблющиеся беспрепятственно уйдут в Массаду, но никому из принявших печать зверя не будет дозволено войти туда.

* * *

Давид не смог связаться с Ханной через компьютер, потому написал ей письмо на электронную почту и отправил его как раз

перед тем, как уселся смотреть прямой репортаж с Храмовой горы. Его охватило воодушевление в ожидании первых прибывающих. Он провел несколько часов, организуя базовую структуру беспроводной компьютерной системы, и теперь ему оставалось только ждать.

* * *

Бизон не хотел потерять Хайма, но волновался он зря. Храмовая гора скоро опустела, и на ней царила полная разруха. Хайм спустился по храмовым ступеням и сделал Бизону знак следовать за ним. Они шли к кнессету, а вокруг них бесновался Иерусалим. Грабители били окна и переворачивали торговые киоски на улицах. Пьяные распевали песни и обливались напитками, гуляя в барах и клубах. Те, кто страдал от язв, стонали, некоторые пытались покончить с собой средь бела дня.

Тем временем евреи-христиане, колеблющиеся и ортодоксальные евреи спешили из города, ища какой-нибудь транспорт до Масличной горы, Массады или Мицпе-Рамон. В операции «Орел» было задействовано много машин, неотличимых среди прочих, разве что их водители зазывали побыстрее садиться к себе тех, у кого на челе была печать Господа. Водители, видевшие Бизона и Хайма, махали им рукой или указывали на небеса.

Все вокруг кричали:
— Он воскрес!
И им отвечали:
— Воистину, воскрес!
Многие пели.

Бизон уже с трудом был способен реагировать на что бы то ни было. Он горевал по Хэтти. Он тосковал по Хлое и Кенни и опасался за их безопасность. Он был одновременно испуган и вдохновлен тем, что увидел, и был одновременно сбит с толку и полон надежды. Он не ожидал, что Хаиму удастся убедить людей бежать от Карпати в тот момент, когда толпа была уверена в своей победе. И конечно, он понятия не имел, чего ему ждать в кнессете.

* * *

Будучи пилотом коммерческих линий, Рэйфорд привык жить по графику, знать, что ждет его каждый день. Но в этой миссии ему приходилось постоянно действовать согласно моменту, в зависимости от того, что Бог вложит в душу Хаиму. Все могло оказаться просто — добросить людей до Мицпе-Рамон, это примерно сто миль, а затем воздухом перебросить на пятьдесят миль к юго-востоку в Петру. Но по ходу дела в список были добавлены Массада и Масличная гора, и Рэйфорду необходимо было перераспределить людей для выполнения этой задачи. Но для себя он

выделил личное задание — подобрать Хайма и Бизона, как только все остальные будут в безопасности. Доктор Розенцвейг настоял на том, чтобы их отвезли в Петру в последнюю очередь — так капитан и его первый помощник последними покидают корабль. Но Рэйфорд до последней минуты не будет знать, откуда их забирать.

* * *

— Бинокль? — сказал Зик. — Я могу тебе достать кое-что получше, Хлоя. Ты намерена что-то искать или за чем-то наблюдать?

— По больше части наблюдать, — зевнула Хлоя.

Она не хотела, чтобы Зик понял, что у нее на уме. Не то чтобы она ему не доверяла. Она просто не хотела, чтобы кто-то вмешивался в это дело. Взрослые сидели перед экраном и смотрели на разгром храма и эвакуацию в Петру. Убедившись, что Бизон в порядке, она уже не могла сидеть без дела.

Зик несколько недель назад выдвинул интересную идею. Как и всем остальным, ей понравился ход его мыслей, хотя способ выражать их мог поставить в тупик непривычного человека — можно было подумать, что он малость того. Он побудил Хлою создать себе интернет-клонов.

— Понимаешь, надо найти других людей, похожих на тебя. Наверняка полно ма-

мочек, которые чувствуют себя выброшенными из жизни. Ты скажи им, что делать, и пусть действуют в своих регионах и районах. Ты ведь все равно все сама сделать не сможешь.

Эта идея воодушевила ее. Хлоя загрузила в сеть инструкции, список обязанностей, процедур, базы контактов — все, что может понадобиться региональному главе взаимопомощи. Она буквально выкладывалась полностью на работе.

Теперь она пошла к мастеру на все руки и единственному, кроме ее отца, человеку, который составил опись всего небоскреба Стронга. Однако Зик пошел дальше, чем Рэйфорд. Он внес в компьютер список всего, что нашел. Огромная башня была просто кладезем всяческих сокровищ.

— Я хочу сказать, что бинокли-то есть, — говорил он. — Некоторые действительно суперски мощные, да и первоклассные. Но насколько я тебя знаю, тебе ведь самые крутые нужны, ага?

— Как всегда.

— Скоро рассветет. Тебе прямо сейчас надо?

— Если можно.

— Сейчас приду.

Зик вернулся через несколько минут. Нашел в своем компьютере, где в здании имеется бинокль, и пошел к лифту.

Минь хотела было лечь спать, когда Цион сказал, что Чань передал ему, что попытается подключить кнессет, где Хаим и Бизон встретятся с Карпати.

Осквернение

— Мне надо поспать, — сказал Цион Хлое, — но я буду слушать... если только ты сама не хочешь.

— На сегодня мне этого святого Николае хватит выше крыши, — сказала она. — Почему бы вам просто не поставить на запись и не пойти отдохнуть?

Цион кивнул, соглашаясь с ее мыслью.

— Прослушаю потом, если захочу, и не буду беспокоиться, что что-то просплю.

Вернулся Зик с таким видом, будто ему не терпится увидеть, как отреагирует Хлоя. Он протянул ей простую белую коробку. Хлоя удивилась, как много она весит. Она открыла ее, и там оказался огромный телескоп где-то в фут длиной, который ей пришлось вытаскивать двумя руками.

— Ничего себе! — воскликнула она. — А ему не нужна тренога?

— Он на это не рассчитан, — сказал Зик. — Но ты его можешь опереть на что-нибудь. Можно на подоконник. Тебе помочь?

— Нет, спасибо, Зик. Я тебе очень благодарна. Дай мне самой с ним разобраться. Тебе ведь тоже давно спать пора, не так ли?

— Да давно уже.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Язвы привели к такому катастрофическому уменьшению штата служащих Карпати, что Бизон подумал, будто сейчас любой может спокойно пройти мимо охраны в кнессет и прикончить потентата. Ослабевшие, чешущиеся, вздрагивающие охранники скользнули по Бизону и Хайму измученным взглядом, да и только. Бизона не только не обыскали — даже имени не спросили. Их с Хаймом загнали в маленький конференц-зал, где сидел Николае с Фортунато по правую руку и Муном — по левую. Они выглядели как какие-то беженцы в карантинном лагере. Оба наваливались на стол, подпирая головы руками и едва держа глаза открытыми.

Когда дверь за Бизоном закрылась, Карпатиsarкастически произнес:

— Извините, что не встаю. — Он указал на два кресла. Бизон быстро сел, но сразу же почувствовал себя неудобно, потому как Хаим остался стоять.

— Я говорю от имени единственного истинного Бога и его сына, Иисуса Христа, — сказал старик. — Я предпочитаю стоять.

Карпати был настолько зол, что не сразу сумел заговорить. Он стиснул зубы так, что желваки на скулах заиграли, яростно посмотрел на Хайма. Тот спокойно выдержал его взгляд.

— Хорошо же, — произнес Николае, — я позволю этим людям бежать в горы. Когда прекратятся язвы? Я выполнил свою часть сделки.

— А между нами была сделка? — сказал Хаим.

— Ну-ну! Мы тратим время зря! Ты сказал, что снимешь это проклятие, если я...

— Не помню такого, — прервал его Хаим. — Я сказал, что, если ты не отпустишь их, на тебя обрушится еще и другая напасть.

— Я отпустил их. Теперь ты...

— У тебя не было выбора.

Карпати хлопнул ладонью по столу, его сообщники аж подскочили.

— Мы что, словами тут играть будем? Я хочу, чтобы язвы моих людей исцелились! Что я должен сделать?

— Не пытаться помешать израильским верующим добраться до Петры.

Карпати встал.

— Ты не понял? Я — единственный оставшийся на ногах служащий Мирового Сообщества, единственный, кого не поразили язвы!

Хаим был по-прежнему спокоен.

— Это потому, что ты сам не принял собственного клейма, хотя себя ты сам очень даже почитаешь.

Николае выскочил из-за стола и навис над Хаимом.

— Наши медики установили, что нет никакой связи между меткой верности и...

— И почему смрад твоего дыхания не удивляет меня?

— Ты не осмеливаешься снять проклятие, потому что боишься, что с тобой будет то же самое, что с твоими сообщниками у Стены!

— Если твои медики так много знают, — ответил Хаим, — то почему же они не могут предложить никакого лечения?

Карпати выдохнул и сел на стол, спиной к Фортунато и Муну.

— Значит, ты здесь не для переговоров? Ты пришел сказать мне, что я должен полагаться на твою милость и что я ничего не могу сделать, чтобы облегчить страдания моих людей?

— Я здесь, чтобы напомнить тебе: в Писании все сказано. Я его читал. Ты проиграешь.

Карпати снова встал.

— Если я не бог, — сказал он, — то пусть твой Бог убьет меня на месте. Я плюю ему в лицо, я называю его слабаком! И если я оста-

нуясь в живых в течение десяти секунд, то и он, и ты — обманщики!

Хаим улыбнулся.

— И что же это будет за Бог, если Он согласится играть по твоим правилам?

Бизон просто любовался онемевшим Карпати. Его тряслось от ярости, он мотал головой, выпучив глаза. За его спиной Мун похлопал по плечу Фортунато, заставив того дернуться.

— Простите, — прошептал Мун и наклонился к его уху.

— Ваше святейшество, — прохрипел Фортунато, — позвольте сказать вам слово.

— Что? Что такое?

Фортунато с трудом встал на ноги, сложил руки перед собой и поклонился.

— Прошу вас, о величайший. Одну минутку.

Николае, казалось, вот-вот взорвется. Он обошел стол, заставив Муна тоже встать. Фортунато заговорил что-то умоляющим голосом, слишком тихим, чтобы Бизон мог его услышать.

— Я согласен с тобой, Мун, — сказал Николае.

Мун кивнул, и Фортунато добавил:

— Это была его идея.

Карпати резко помрачнел и злобно глянул на Леона.

— Вы оба — пошли отсюда. Я хочу встретиться сами знаете где с кабинетом в полном составе.

— Не здесь?

— Нет! Я сказал — сами знаете где! Здесь у всех стен уши!

Оба осторожно двинулись к выходу. Карпати посмотрел на Бизона сверху вниз.

— Он меня раздражает, — сказал он. — Ему обязательно быть здесь?

— Обязательно.

— Мои люди просят передышки, — сказал Николае. — Я признаю, что вынужден уступить.

— И в чем будет эта уступка?

Глаза Карпати забегали, словно он всем своим существом ненавидел то, что ему сейчас придется сказать.

— Я... должен... покориться тебе. Я готов сделать то, что должен, чтобы снять с моих людей напасть.

Он потупился, словно под давлением невидимой силы.

— Ты во власти Бога Авраама, Исаака и Иакова, Творца небу и земли. Ты разрешишь этот исход, и когда я увижу, что люди, находящиеся на моем попечении, в безопасности, я помолюсь Господу о том, чтобы Он избавил твоих людей от болезни.

Бизон даже не удивился, когда у Карпати из ушей пошел дым.

— И сколько ждать? — спросил Николае.

— Это нелегкое дело, — сказал Хаим. — Шесть часов, не меньше.

Карпати с надеждой поднял взгляд.

— Но если ты попытаешься тронуть хоть одного из этих избранных, — предупре-

дил Хаим, — на тебя обрушится следующая кара.

— Понял, — слишком быстро ответил Карпати. Он протянул руку.

Хаим даже не посмотрел на нее, глянул на Бизона и вышел.

Бизон встал, чтобы последовать за Хаимом. Узнал ли Карпати хоть кого-то из них? Он избегал встречаться с ним взглядом, но когда Бизон проскользнул мимо Карпати, тот прорычал:

— Ваши дни сочтены.

Бизон кивнул, по-прежнему не глядя на него:

— Это точно.

* * *

Хлоя процарапала дырку в три дюйма в черном покрытии в самом низу окна. Затем она положила подушку с дивана на мраморный пол и приложила окуляр телескопа к стеклу, оперев его на подоконник. Через несколько минут проб и ошибок она, наконец, нашла нужный силуэт в предрассветной дымке. Ей показалось, что она увидела что-то среди ночи несколько дней назад, но в другой раз она не смогла ничего рассмотреть, потому ничего никому не сказала. Теперь она медленно осматривала горизонт, стараясь держать тяжелый прибор ровно перед глазами. Смутный силу-

эт приблизился настолько, что она могла рассмотреть этот кусочек в несколько квадратных футов с расстояния более чем полмили.

Проблема была в том, что линзам требовалось как можно больше света. Телескоп был разработан для того, чтобы смотреть на звезды в ясную ночь. Она видела только силуэты на изуродованном горизонте городской застройки, но света нигде не заметила. Разочарованная, Хлоя отложила телескоп и стала смотреть невооруженным глазом, пытаясь нацелиться на то, что прежде смутно уловила. Примерно в трех четвертях мили от небоскреба она засекла пятнышко света. Значит, это не разыгравшееся воображение. Вопрос в другом — что может светиться в городе, который весь мир считал зоной радиоактивного заражения? Неужели в этой чужой вселенной существуют иные формы разумной жизни, кроме отряда Скорби?

Она покачала головой. Возможно, просто уличный фонарь каким-то образом уцелел и остался подсоединенными к сети. Однако телескоп поможет найти ответ. Не упусткая пятнышко света из виду, она снова поднесла телескоп к окну и стала тщательно изучать окрестности. После пары минут наблюдений она осознала, что взяла слишком высоко и смотрит в мрачные воды озера Мичиган. Держа устройство на месте, она еще раз посмотрела в ту сторону и поправила настройку, затем снова посмотрела в телескоп.

Изображение прыгало и двигалось, появлялось и исчезало. Это был не уличный фонарь, но чем настойчивее она пыталась поймать изображение в фокус, тем неуловимее становилось оно. У нее затекла шея, ныли запястья, саднило глаза. Она поймала себя на том, что старается не дышать, чтобы меньше двигаться, но от этого только сердце сильнее колотилось. Наконец, она была вынуждена положить телескоп, встать и размяться. Но когда она была уже готова попытаться еще раз, над восточным краем горизонта появились первые лучи солнца. Придется подождать наступления ночи.

* * *

— Масличная гора? — сказал Бизон, поправившись с Хаимом.

— Конечно. Затем в Массаду, чтобы посмотреть, скольких нам удалось туда увести.

— У меня вопрос. Почему шесть часов? Вы ему доверяете?

Хаим удивленно глянул на Бизона.

— Доверяю? Конечно! Он был готов по рукам ударить.

— Ладно, согласен, глупый вопрос. Но ведь к ночи ни у кого тогда не останется надежды на спасение.

— Мы и так знаем, что он нарушит соглашение, Кэмерон. В Откровении, в две-надцатой главе, достаточно четко сказано,

что даны будут Израилю два орлиных крыла, чтобы лететь в пустыню в свое место от лица змия, но пустит змий из пасти своей вслед жене воды как реку. Понятно, что он так или иначе нападет, и никакая кара его не остановит. Цион уверен, что эта самая вода — армия Антихриста. В той же главе сказано, что сама земля поможет жене, развернет уста свои и поглотит реку. Да простит меня Господь, но я хочу это видеть. А вы?

Бизон кивнул, схватил, наконец, свой телефон и стал слушать, по-прежнему ли Чань мониторит ситуацию.

— Ты здесь? — спросил он.

— Работаю над подсоединением к «фениксу», — ответил Чань. — Спасибо. Это было потрясающее.

— Ты просто молодчина.

— Я перезвоню вам, когда буду готов вас подключить.

Хаим подождал, пока Бизон не закончит, затем спросил:

— Вы знаете, что случится после того, как Господь повергнет армии Антихриста?

— Вы имеете в виду до или после того, как вы обрушите на него вторую кару?

— Я? Я только посланец, друг мой.

— Я знаю, — сказал Бизон.

— В Библии говорится, что «рассвирепел дракон на жену и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа».

— И что нам с этим делать?

— Понятия не имею, — сказал Хаим. — Будем повиноваться слову Господа, и все.

* * *

Рэйфорд был слишком издерган, чтобы спокойно сидеть в Мицпе-Рамон и ждать первых прибывающих. Он взял курс на Масличную гору и по пути позвонил Циону в Чикаго. Ему стало неловко, когда по голосу Циона Бен-Иегуды он понял, что вытащил того из постели. Но все же он сказал:

— Вы никогда мне не мешаете, капитан Стил.

— Признаюсь — я очень обеспокоен, доктор Бен-Иегуда. Свою военную подготовку я проходил в мирное время, так что я впервые командую таким большим контингентом в опасной ситуации.

— Но вы ведь столько прошли с отрядом Скорби!

— Знаю, но мне так хочется быть уверенным, что у нас не будет потерь.

— Но ведь у нас нет таких гарантий даже в нашем внутреннем кругу, — сказал Цион. — Разве не так?

— Это не утешает.

— Я хочу быть честным, капитан. Мне показалось, что вы как раз честного ответа и хотите.

— Я хочу того, о чём просил. — Я боюсь и хочу знать, что никого не потеряю.

— Я уверен, что мы не потеряем никого из ста сорока четырех тысяч свидетелей, но они в большинстве своем рассеяны по миру. Я также уверен, что пророчества указывают на то, что Господь защитит и мессианских евреев, которые покинут Иерусалим. Но вы спрашиваете о вашем оперативном составе.

— Верно.

— Могу лишь молиться и надеяться.

— Я не хочу входить в боевое столкновение с врагом.

— Я поддерживаю вас и желаю, чтобы у вас тоже не было потерь. Насколько это реально — не знаю. Вам не кажется, что в ситуации «все или ничто» все средства оправданы?

— Это вы о моих ребятах или о враге? Мне кажется, что я мог бы разрешить открыть огонь.

— Вы сами понимаете, капитан, что враг почти наверняка понесёт потери. Насколько я понимаю стихи Писания, многие погибнут во время бедствий, которые поставит на их пути Господь.

— Я предпочитаю оставить это дело Ему.

* * *

Давид проверил, нет ли ответа от Ханны, ничего не нашел, набрал код для связи с Чা-

нем, который подключился к жучку на борту «Феникса-216», чтобы вести прямую передачу для отряда Скорби.

Первый голос принадлежал Уолтеру Муну.

— Я бы хотел лечь, ваше святейшество. Не хочу жаловаться, но лучше бы эта встреча была в кнессете. Постоянное движение...

— Кончай ныть, Уолтер. Я знаю, что тебе неуютно, но ты говоришь так, словно вот-вот помрешь.

— Это почти так и есть, ваше высочайшество, — сказал Леон. — Я не из тех, кто...

— Из тех, из тех! Я поставил условие этому Михею и заставил его пообещать, что он снимет эту напасть до наступления ночи, иначе будут последствия.

— Да? Но как...

— Ему пришлось осторожнее вести себя со мной.

— Но я подумал...

— Это ваша проблема, господа. Иногда приходится вести себя грубо, чтобы делать дело. Все здесь?

— Многих подняли с больничных коек, — сказал Уолтер. — То есть...

— Вас, да, я знаю. Тут еще Вив и Сухайль. Дайте мне знать, когда все соберутся.

— Сколько потребуется времени, чтобы окончательно выздороветь, когда напасть будет снята? — спросила Вив.

— Не знаю, — отрезал Карпати. — Но даже если будет какая-то остаточная слабость или

боль, вам придется с этим бороться и своим примером воодушевлять ваших людей.

— Мистер Хат пришел, все здесь, потентат.

— Ну, у тебя и видок, сынок, — сказал Николае.

— А чувствую я себя еще хуже, — сказал Хат.

— Не могу даже представить. И так, как поживает наш горе-стрелок?

— Очень смешно.

— Прошу прощения, — сказал Николае, — мне показалось или ты второй уже раз обращаешься ко мне без титула?

— Ой, простите, ваше высочество.

Давид услышал движение и предположил, что Карпати встал.

— Ты еще насмехаться будешь?

— Я восемь раз выстрелил в этого человека в упор, ваше высочайшество! Того смутянина я застрелил с двух футов. Вы сами не смогли бы убить этого самого Михея!

— Мистер Акбар, дайте ваш пистолет, будьте добры.

— О, ваше святейшество, в этом нет необ...

— Что, вы тут все решили издеваться надо мной? Мне хватит свинцовых пилоль на всех, и сейчас я возьму вот это пистолет и всех ими нашпигую!

— Если вы могли убить мистера Михея, — сказал Хат, — то почему не убили?

— О, ты его мистером величаешь, а меня, твоего воскресшего владыку, титула не удостаиваешь?

— Да плевал я на тебя, Карпати.

— А ну, встань, сопляк!

— Не дождешься.

Грохот выстрела.

Крики, охи, ахи, звук падения тела.

— Уолтер, пусть бортпроводники вынесут его отсюда. Кто следующий?

Тишина.

— Есть тут кто-нибудь, кто осмелится выстрелить в меня?

— Нет!

— Нет, ваше высочайшество!

— Помилуйте, потентат!

— Нет!

— У кого-нибудь еще остались сомнения в том, что это серьезно? Я напоминаю вам — я был мертв три дня и сам себя воскресил! Я потребовал, чтобы вас избавили от этих язв, и хотя мы не можем знать, когда в точности это произойдет, но я уверен, что вы исцелитесь полностью. Как бы то ни было, вы и ваши люди будете на ногах, и вам хватит сил осуществить мои военные планы.

— Но нападение ведь вернет назад напасть, ваше святейшество? — спросил Мун.

— Вив, видишь, с чем мне приходится иметь дело? Мистер Мун, мой верховный главнокомандующий, мой исполнительный вице-президент, если уж на то пошло, желает знать, — он передразнил болезненно-хныгущую речь Муна, — «не вернет ли нападение напасть»! Уолтер, ты вправду считаешь, что я новичок в этой игре в переговоры?

— Нет, сэр, я...

— Заткнись! Проклятие будет снято в 21:00, и сотни тысяч трусов будут к тому времени находиться в четырех локациях. Ну? Кто скажет? Давайте! Кто-нибудь!

— На Масличной горе, — заговорил Сухайль Акбар, — на пути в Мицпе-Рамон, в Массаде и Петре.

— Великолепно! Хоть у кого-то есть мозги! А что особенного в том, что столько народа собралось всего в четырех местах? А? Сухайль?

— Они там все вместе и уязвимы.

— Именно. Я хочу, чтобы весь Израиль был объявлен запретной для полетов зоной для всех самолетов, кроме самолетов Мирового Сообщества, в 21:15.

Давид услышал, как Сухайль звонит своим людям.

— И раз уж вы этим занялись, директор, — сказал Карпати, — то установите комендантский час начиная с того же самого времени по всем Соединенным Карпатианским Штатам для передвижения гражданского транспорта. Подготовьте ответный удар за потери, понесенные нами в Петре сегодня утром. До окончательно выяснения обстоятельств объявите, что это беспричинное нападение осуществляли иегудайты.

— Где мы нанесем удар, потентат? — спросил Акбар.

— По Массаде в 21:30. Вы предполагаете там наличие более чем ста тысяч?

— Но они не иегудайты, ваше святейшество.

— Они отреклись от потентата! И этот самый Михей намерен обратиться к ним! Наверняка с ним будут его последователи, но он по глупости своей прямо-таки преподносит их нам на блюдечке с голубой каёмочкой. Что нам потребуется, чтобы стопроцентно их уничтожить?

— У нас хватит огневой мощи, сэр.

— Никого на дороге не задерживать. Никаких предупреждений в воздухе. Машины-нарушители уничтожать на месте, сбивать в воздухе чужие самолеты. Этот самый Мицпе-Рамон каким-то образом закамуфлировали, чтобы мы приняли тамошнюю активность за операцию Мирового Сообщества. Давайте этим воспользуемся. И если кто-то останется на Масличной горе в 21:00 — они ваша добыча.

— Сэр? — спросил Мун. — Что, если этот Михей снова напустит на нас эти язвы?

— Если будем действовать быстро, все последствия — за его счет.

— Но если он потом выполнит свою угрозу насчет воды...

— Ты весь день со своими «если бы да кабы», Уолтер. Ты служишь властителю вселенной, и мы победим. Я заставил этого колдуна снять свое проклятие, и прежде, чем он успеет осознать свою ошибку, мы получим преимущество. Мы сможем в буквальном смысле слова вычистить ортодоксальных евреев Иерусалима и довести иегудаитов практически до полного исчезновения. В идеале

мы уничтожим самого Бен-Иегуду, и на сей раз он не сочтет меня столь гостеприимным.

— А те, кто доберется до Петры?

Карпати рассмеялся:

— Выбрать Петру в качестве убежища — это же смех, да и только! Она так же беззащитна, как и Массада. Они будут сидеть на головах друг у друга в каменном мешке! Воздушная атака займет не более нескольких минут, но мы подождем, пока все они до последнего не окажутся там.

— Сегодня иегудайты показали, что у них есть тяжелое вооружение, — сказал Акбар.

— Это только оправдывает меру нашего возмездия. Потери есть?

— Донесений о погибших нет. Но двое куда-то делись.

— Без вести?

— Можно и так сказать.

Долгое молчание.

Затем голос Карпати:

— Двое пропавших без вести.

* * *

Бизон и Хаим сидели под древним деревом на Масличной горе и смотрели, как на гору поднимаются тысячи людей.

Не прошло и часа, как вертолеты, участвующие в операции «Орел», начали прибывать. Рэйфорд был в числе первых. Ма-

шины были забиты людьми под завязку, но все равно их не хватит для вывоза все прибывающей толпы.

Бизон передал все, что говорил Карпати, слово в слово Хаиму по телефону, но доктор Розенцвейг оставался бесстрастен. Под конец он сказал:

— Это меня не удивляет. Я буду молиться, чтобы Господь снял напасть и все полностью исцелились от нарвов. Я хочу, чтобы они были более чем уверены в себе, когда захотят осуществить месть. И когда обрушится очередная кара, я буду молить Господа, чтобы Он явил в ней всю Свою силу.

— Доктор, а не приведет ли это к катастрофе в Массаде?

Старик покачал головой:

— Не знаю, но мне кажется, что мы не должны отступать. Мы закончим до девяти и расскажем евреям о планах Карпати. Они могут уйти, могут остаться и сражаться, но я надеюсь, что они ощутят стремление сделать выбор в пользу Христа. И как только люди получат печать Господню, мы поведем их в Петру.

* * *

Рэйфорд чувствовал себя одиноким в забитом людьми вертолете. Слова Карпати на встрече лишь подтвердили его худшие опасения. Единственным местом, в котором он

был уверен, была Петра, но все равно его терзали сомнения — то ли это место, где люди будут под Господней защитой. Он использовал свое секретное радио для перенаправления всего воздушного сообщения прямо в Петру.

— Никаких остановок, повторяю, никаких остановок в Мицпе-Рамон. Наземный транспорт доставит своих пассажиров к пешему проходу в Петру. Те, кто смогут идти, пойдут пешком. Те, кто не сможет — или если проход будет слишком забит, — будут доставляться вертолетами. Продолжайте полеты к Масличной горе и обратно. Не обращайте внимания на ожидаемые запреты полетов. В случае необходимости уклоняйтесь или защищайтесь, но не бросайте беженцев без помощи.

Рэйфорд сделал групповой вызов Альби, Маку и Абдулле.

— Хотелось бы вместе пораскинуть мозгами, — сказал он. Но все бойцы отряда Скорби либо летели в Петру, либо возвращались оттуда за очередной партией пассажиров.

— Ну что, передумал насчет политики не-противления злу насилием, шеф? — спросил Мак.

— Надеюсь, — подхватил Альби.

Рэйфорд тяжело вздохнул:

— Я просто не хотел бойни.

— Дай нам оружие, Рэй, — сказал Альби. — У Джорджа хватит на...

— Скажи мне, что Джордж не слушал трансляции жучка с борта «феникса», — пре-

рвал его Рэйфорд. Он не то чтобы не доверял ему, но важно было сохранить личный близкий круг допущенных к полной информации, и он ясно дал это понять.

Молчание.

— Ну, Альби?

— Рэй, ты ведь хорошо меня знаешь. Ты сказал только членам отряда Скорби, и мы по этим правилам играем.

— Сколько пилотов умеют обращаться с пятидесятикалибровой винтовкой?

— Никто, Рэй, — ответил Мак. — Отдай его водителям машин. С воздуха стрелять слишком опасно. А нам дай лучевики. Если кто-то внизу остановится, мы их припечем.

— Они намерены сбивать нас, господа мои!

— Если единственный способ воспрепятствовать этому при помощи пятидесятиго карабина — стрелять первыми, — сказал Мак. — А это значит — сменить политику. Ты это собираешься сказать, Рэй?

Рэйфорд уклонился от ответа.

— Не слышал твоего мнения, Абдулла. Ты здесь?

— Здесь, начальник.

— Ну и как?

— Неплохо, спасибо, шеф.

— Я спрашиваю — что ты думаешь?

— О чем?

— Смитти! Очнись! Мне совет нужен.

— Мы не можем палить из пушек и одновременно летать, капитан. Для этого

потребуются два пилота на вертолет. И из какой дырки мы будем стрелять из таких пушек?

— Он прав, — сказал Мак. — Впрочем, как всегда.

— Я уж лучше вручу свою жизнь в руки Господа, — сказал Абдулла. — И если Он позволит, я бы лучше поработал с лазером и поджарил врагу задницу.

Рэйфорд оглянулся через плечо, на сгрудившихся позади него верных, на лицах которых читались одновременно страх и надежда. Они не могли слышать его за гулом мотора и вращающихся лопастей.

— Ладно, господа, — прорычал он в микрофон, — после того, как выгрузите пассажиров, летите в Мицпе-Рамон и возьмите по трети лучевиков каждый и потом распределите их по своим звеньям. Альби, Джорджа тоже привлеки. И первый, кто доберется туда, заберите мисс Роуз и мисс Пэйлмун, если они готовы. Вам нужно будет выделить еще место для их снаряжения.

— Ты думаешь, эмэсовцы собираются уничтожить нашу летную полосу и помещения? — спросил Альби.

— Похоже на то.

— И куда мы заберем этих женщин?

— Пока в Массаду.

— Ты намерен раздать пятидесятий калибр водителям наземного транспорта, шеф?

— Еще не решил, Мак, — ответил Рэйфорд.

* * *

Давид прикинул, что после речи Хaimа на Храмовой горе до появления первых беженцев пройдет часа два. Он позвонил Рэйфорду.

— Что с нашими медсестрами? Ханна что-то не отвечает мне на письмо. С ними все в порядке?

— Да вроде нет причин думать иначе. Ты не пытался до них дозвониться?

— Не отвечают.

— Я проверю. — Он сказал Давиду, что сейчас делается с оружием и медицинским центром.

— Моя помощь нужна? — спросил Давид.

— Лучше будь здесь на связи и координируй действия до прибытия Хaimа. До этого может пройти пара дней.

— Я могу поручить это одному из первых прибывших. Это особой учености не требует. А как вы собираетесь сами управляться с этими огромными ружьями?

— Мне помогут Ханна и Лия.

— Они закончили сборку и все упаковали?

— Должны бы.

— А вам не жаль, что мы столько строили взлетную полосу, а потом придется бросать ее?

— Да, но нам все равно она нужна была только для начала. Иначе где все наши вертолеты смогли бы приземлиться?

— А нет ли у вас специалистов на борту?

— По твоей специальности? Не знаю, Давид. Но почему бы тебе просто не посидеть спокойно?

— Если они говорят на иврите и им можно доверять, то я смогу выйти на полосу и помочь с погрузкой ружей.

— Я еще не уверен, что раздам эти пятидесятки, — сказал Рэйфорд.

— Короче, если я буду нужен, я готов.

Позже днем Давид снова забрался на высоту и стал осматривать горизонт. Пока ничего, но внизу, в скалах, он слышал какое-то движение. Никто из идущих пешком не мог прибыть раньше вертолетов. Он встал на колени и осторожно выглянул за край обрыва, затаив дыхание. Сердце колотилось в груди. Он услышал медленные шаги. Шли двое.

Давид схватился за единственное оружие, которое подвернулось под руку, — свой телефон и приготовился быстро набрать номер Рэйфорда. Он поднялся туда, откуда мог увидеть, что творится за скалой. Под ним футах в пятидесяти сосредоточено и осторожно нащупывали путь в скалах двое измученных, шатающихся эмэсовцев. Их форменные рубашки потемнели от пота. У каждого была мощная винтовка. Давид нажал кнопку быстрого вызова, и тут оба миротворца одновременно подняли головы и посмотрели на него. Прежде чем он успел поднести телефон к уху, они упали на колени и направили на него винтовки.

Давид бросил телефон и нырнул в укрытие. Острые камни впились в колени и ладони. Солдаты, которых наверняка бросили тут их соратники, посчитав мертвыми, ощутили прилив адреналина. Они не ожидали, что хоть кто-то останется в живых после обстрела из 50-го калибра, но теперь они решительно продвигались вперед.

Давид с трудом поднялся на ноги и понял, что повредил щиколотку, причем серьезно. Он похромал было к пещере, но поскольку у него не было оружия, его там легко прикончат. Он услышал, что его преследователи разделились прямо под обрывом, топот их ботинок доносился с двух сторон примерно с двадцати футов. Если они набросятся на него, то Давиду некуда будет бежать.

Ему с ними не справиться, но отступать — тоже не выход. Он похромал к обрыву, подобрал несколько острых камней и подготовился швырять ими в первого, кто высунет голову.

* * *

Рэйфорд посмотрел на надрывающийся телефон и увидел, кто звонит. Опять. И так скоро. Давид вроде не отличался назойливостью.

— Стил слушает, — сказал он.

Услышал он только топот армейских ботинок по камням.

— Давид? Это ты?

Издалека послышалось:

— Господи, помоги мне!

— Давид?!

Отчаянный крик, выкрики на иврите, выстрелы как минимум из двух винтовок, звук падения, хрип. Хриплый шепот Давида:

— Господи, молю Тебя!

Плеск.

* * *

Давид лежал на спине. Тело его онемело, он не ощущал боли даже в щиколотке. Взор его заполняло безоблачное синее небо. Сердце его бешено прыгало, он испуганно дышал, и грудь его то вздымалась, то опадала. Хотя он ничего не чувствовал, он слышал, как кровь толчками выплескивается из его головы на камни.

Над ним склонились солдаты, но он не мог даже сфокусировать на них взгляд. Если бы ему притвориться мертвым... но он не мог задержать дыхания. Он мог лишь молиться про себя. Он умолял Господа о том, чтобы ему не услышать и не почувствовать смертельных выстрелов, когда эти двое приставили стволы к его груди и нажали на спусковые крючки.

Осквернение

* * *

Телефон Рэйфорда был по-прежнему открыт, но все, что он услышал после оглушительных выстрелов, было лишь тяжелое сопение от усилий и звук тела, которое сбрасывали со склона горы. Затем шаги удалились и затихли в отдалении.

Теперь Рэйфорд страшился не только того, что может застать в Петре. Он боялся посадить набитый беженцами вертолет там, где его могут ждать в засаде враги. Ненавидя себя за то, что уже не думает о смерти Давида Хассида, он сосредоточился на мысли о том, что нельзя позволить его телефону попасть в чужие руки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лия не понимала Ханну, и это было нормально. Она и себя-то не всегда понимала. Они запаковали оставшееся медицинское снаряжение в твердые коробки, которые потом сложат в грузовой трюм, и теперь следили за событиями на экране компьютера Ханны.

— Ты точно знаешь, что это звонил Хас-сид?

Ханна кивнула.

— Ты же хотела поговорить с ним, почему же...

— Я не уверена, что хочу с ним говорить, пока не увижу его ответа на мое письмо. Он должен был написать мне. Вот тогда я все пойму и смогу ответить на его звонок. Может быть.

Лия покачала головой:

— Даже если бы у нас оставалось не все-го три с половиной года, я все равно сказала

бы тебе, что жизнь коротка и ты должна ему позвонить. Он занятой человек. Когда ему выкроить время, чтобы писать тебе ответ?

— Я-то нашла время.

— Ханна! Мы же не создаем компьютерную систему для обслуживания миллиона человек!

Ханна смотрела в экран. В новостях была сплошная карпатианская пропаганда. Ученые мужи пытались хоть каким-то разумным образом истолковать то, что он устроил в храме. Лия наклонилась, чтобы посмотреть бегущую строку внизу экрана.

— «Его великолепие потентат гарантирует исцеление от язв к 21:00 по карпатианскому времени».

— Я дура, — сказала Ханна.

— Я знаю.

— Да прекрати! Мы едва знакомы.

— Извини. Тогда почему ты дура?

Ханна показала на строку текущего состояния под бегущей строкой. Та показывала наличие нового сообщения.

— Готова поспорить — это от Давида, — сказала она.

— Давай посмотрим, — ответила Лия, но прежде, чем они успели переключиться на почту, у обеих одновременно зазвонили телефоны.

— Рэйфорд, — сказала Лия Ханне.

— И у меня тоже, — ответила Ханна.

Лия подняла руку.

— Давай я поговорю, — сказала она. — Медицинский центр слушает.

— Лия, это Рэйфорд. У вас все в порядке?

— Да, если не считать, что вы звоните нам обеим одновременно.

— Так и есть. Ханна здесь? — Лия кивнула Ханне, и та тоже ответила Рэйфорду. — Вы уже все упаковали? Вы готовы к отправке?

— Да, — сказала Лия. — Но куда...

— Слушай. У меня мало времени. Ты знакома с Джорджем?

— С этим здоровенным парнем? Из Калифории...

— Да, с ним. Я только что снял его с другого задания. Он приземлится минуты через три-четыре, ему понадобится помочь для организации огневых точек для винтовок пятидесяти калибра. Скоро прибудет и Смитти.

— А у них же должны быть пассажиры?

— Да. И нам нужно увести их как можно дальше от взлетно-посадочной полосы и строений.

— Они не идут в Петру?

— Позже. Слушай. К ночи людей нужно увести отсюда и спрятать так, чтобы их не было видно с воздуха. После того как я тут приземлюсь и тут же взлечу снова, над Мицпе-Рамон будут летать только эмэсовцы, а Джордж и Смитти будут прикрывать взлетно-посадочную полосу.

— А мы будем нянчиться с двумя партиями пассажиров, пока за ними кто-нибудь не придет?

— С тремя. Я тоже людей везу, и мне еще пятьдесят отвезти надо.

— И куда вы летите?

— Тут непонятная ситуация в Петре, и я намерен взять на борт одну из вас. Лия, это будешь ты.

— Минутку! — воскликнула Ханна. — В Петре есть еще кто-нибудь, кроме Давида?

— Пока мы еще никого туда не доставляли. Я хочу убедиться, насколько там безопасно, прежде чем мы...

— А почему там может быть небезопасно? Что случилось?

— Пока не знаю, но...

— Но если бы там было что-то не так, Давид бы вам сказал!

— Я просто не могу до него сейчас дозвониться, вот и все, — сказал Рэйфорд. — Да-вай не будем делать скоропалительных...

— Тогда полечу я. Лия сумеет помочь Джорджу и Абдулле и проводить этих людей куда-нибудь.

— Ханна, — начал Рэйфорд, — я...

— Не пытайтесь меня отговаривать, капитан Стил. Я...

— Ханна! Это военная операция, и я ваш командир. Это я решаю, кто и что делает, и я уже сказал вам, кто летит и кто остается. Вы поняли?

— Да, но...

— Вопросы?

— Нет, но, да, я думаю, что я только что получила сообщение от Давида.

— Либо да, либо нет. Он звонил?

— Нет. Он прислал сообщение по почте.

— Вы уверены?

— Не до конца, — сказала Лия. — Приверь, Ханна.

Она переключилась на почту.

— Да, это от него!

— Когда отправлено?

— Секунду... ой!

— Сейчас или?..

— Нет. Уже некоторое время прошло.

— Что-то по делу? У него проблемы? Ему нужна помошь?

— Нет, — сказала Ханна, по диагонали просматривая письмо. — Это личное.

Лия положила руку на плечо Ханны и подняла ее голову за подбородок, подбадривая ее взглядом. Лицо молодой женщины было полно страха.

— Итак, Ханна? Мы разобрались?

— Да, сэр.

— Теперь дай мне поговорить с Лией, хорошо?

Ханна закрыла свой телефон и принялась читать письмо Давида.

— Лия, — сказал Рэйфорд, — я не знаю, что мы встретим в Петре, но Давид пытался мне позвонить. Все, что я услышал, говорит о том, что его застрелили.

— О нет!

— Принеси все, что нужно для экстренной медицинской помощи и носилки.

— Поняла.

— Если придется грузить его в вертолет, мы сможем это сделать вдвоем?

— Позаботьтесь о своих делах, капитан, — сказала она. Затем шепотом, отвернувшись

от Ханны: — И вам надо озабочиться безопасностью этого телефона и компьютеров.

— Без тебя догадался, — ответил Рэйфорд. — Буду через несколько минут.

* * *

Чань изучал зудящую точку у себя на ноге, запервшись в своей комнате в Новом Вавилоне, когда ему позвонил Рэйфорд. После короткого разговора Чань сказал:

— Не беспокойтесь за телефон. Я могу его нейтрализовать прямо отсюда.

— То есть?

По ходу разговора Чань начал набирать код.

— Я могу взорвать его начинку, стереть материнскую плату. Вообще-то я уже это сделал.

— Тогда будем надеяться, что они не нашли его раньше.

— Когда свяжетесь с Давидом, мне нужно будет с ним переговорить, — сказал Чань.

— Мне не понравилось то, что я услышал, Чань.

— Я знаю, но вы ведь не можете быть до конца уверены, что именно вы слышали.

— Я знаю, что Давид не был вооружен.

— Проверяю компьютеры.

— Прямо сейчас? Ты это можешь сделать?

— Благодаря Давиду мы можем сделать отсюда почти все. По счастью, в программы они влезть не могут. Там стоит циклический

шифратор, и только он способен дешифровать сам себя. Но он запрограммирован на то, чтобы ни в коем случае этого не делать.

— Ладно, я в этом ничего не понимаю, но меня больше беспокоит, что мы напоремся на шайку озверевших эмэсовцев, которые уничтожат все компьютерное железо, думая, что так будет лучше.

— Ну, для них-то всяко будет лучше. И в результате они отбросят нас назад. Но ведь там же не будет целой шайки, правда?

— Откуда нам знать?

— Это ведь уцелевшие после вашей атаки, верно?

— Вероятно.

— Вы же слышали совещание на борту «Феникса», — сказал Чань. — Там говорилось, что без вести пропали только двое.

* * *

Рэйфорд высадил людей подальше от южного конца полосы в Мицпе-Рамон и теперь сидел и разговаривал с Маком и Альби по рации, пока Ханна и Лия бежали к вертолету с медикаментами и носилками. Как только Ханна увела беженцев, сначала найдя тех, кто знал английский и иврит и приспособив их в качестве переводчиков, Лия забросила груз на борт и ждала у вертолета.

— Мистер Смит везет ваше оружие! —
прочел Рэйфорд по губам.

Рэйфорд кивнул и приказал Маку и Альби везти своих пассажиров к Вади-Муса, не подалеку от Петры, но учитывать то, что их увидят и услышат два эмэсовца, присутствие которых предполагается в Петре.

— Скажите своим людям, чтобы они не отходили от машин, пока вы не вернетесь за ними и не доставите к проходу, как только сможете. И не улетайте, пока я не получу для вас оружие.

— У меня вопрос, — сказал Альби.

— Только быстро.

— А мы не ошиблись, выбрав это место для убежища?

— Альби, я знаю только то, что мы должны очистить это место для людей, доставить их туда и положиться на Господа.

— А если ты найдешь там труп Хассида?

Рэйфорд ответил не сразу.

— Тогда я буду думать так: мы или они. И вот что я скажу вам, парни: мы. И никак иначе.

Когда Рэйфорд выскочил из вертолета, Абдулла уже бежал по песку из оружейного склада. Он сгибался под тяжестью трех винтовок 50-го калибра, лежавших у него на плечах, и огромного магазина. Он вытянул руку ради равновесия. Рэйфорд и Лия бросились к нему навстречу и помогли дотащить оружие до вертолета.

— Ты в порядке, Смитти? Готов?

— Джордж дал мне краткий курс, — сказал он, — что бы это ни значило.

— Краткий курс. Быстрый, ускоренный.

Абдулла кивнул.

— Мне нравятся лазеры, но и из этих я буду стрелять. Джордж ставит их под большим углом, чтобы сбивать вражеские самолеты, но меня беспокоит точность.

— Сбей один — и остальные разлетятся.

— Надеюсь, ты прав, капитан. Я буду за тебя молиться и буду надеяться, что ты ошибаешься насчет мистера Хассида. Он чудесный человек.

Рэйфорд тоже надеялся, что ошибается. Они с Лией сели в вертолет, и он направил его прочь, глядя на то, как иорданец бежит назад к тому месту, где Джордж готовил оборону полосу. Рэйфорд оказался как раз в той самой ситуации, которой надеялся избежать. Люди будут гибнуть. Один, вероятно, уже погиб. Понимание того, что он все равно встретится со своими погибшими любимыми людьми, равно как и с теми, кого он потеряет в ближайшее время, не приносило утешения. Все же есть предел тому, что способен вынести человек. Но он давно уже перешагнул его.

* * *

Бизон помог Хаиму подняться на борт одного из вертолетов, направляющихся в

Массаду. Когда они прибыли, они увидели десятки тысяч заинтригованных израильтян, поднимающихся по ступеням в прославленную крепость. Бизон уже получил краткое сообщение о том, что возникли некоторые затруднения в полетах и что обратные рейсы от Петры к Масличной горе будут отложены. Рэйфорд, несомненно, был занят и разговаривал со своими людьми, поскольку не отвечал на звонки и вызовы Бизона. Чань сообщал, что на месте Бизона он лучше бы подождал и потом поговорил с Рэйфордом лично.

В Чикаго было около девяти утра, так что Бизон позвонил Хлое, пока Хаим расхаживал у него за спиной. Прямо перед тем, как Хлоя ответила на звонок, Хаим наклонился к его уху и сказал:

— Я буду говорить, когда крепость будет заполнена народом.

* * *

Рэйфорд не мог придумать, как бы попасть в Петру незаметно для эмэсовцев, сколько бы их там ни оставалось. Три вертолета сядут рядом друг с другом с разрывом в несколько минут, и вскоре появятся еще десятки машин. Он подумал, не направить ли остальных в Мицпе-Рамон, но опасался, что Карпати прикажет атаковать еще до того, как будет снято проклятие язв, чтобы отомстить

за обстрел его войск. Опасаясь, что взлетно-посадочная полоса окажется под ударом, он рискнул оставить пассажиров более чем из трех вертолетов ждать поблизости. Кто знает? Может, Карпати или Акбару хватит ума подождать с атакой до темноты.

Сейчас, когда на борту были только он и Лия, Рэйфорд решил посадить вертолет в узком проходе Сик, по которому можно было пешком попасть в Петру. Он осторожно посадил вертолет поближе к внешним стенам, так чтобы даже в том случае, если их заметят, их было бы невозможно обстрелять из самого города.

Если только враги не спали или не находились глубоко в пещере, они должны были услышать приближение чужаков. Мак и Альби подбежали к нему, последний здорово запыхался.

— Он старше меня, а все равно в лучшей форме, — пожаловался Альби.

— А я просто бегаю каждый день, — ответил Мак. — Кстати, я на фут выше тебя.

— Дыхание береги, — сказал Рэйфорд. — Нам еще с милю топать, чтобы попасть в город. Если не хотим быть мишенью, надо вскарабкаться наверх, а вы помните, насколько эти малышки тяжелые.

Он раздал винтовки и патроны, Лия понесла коробку с медикаментами и перевязочным материалом.

— С носилками что делать? — спросила она. — Несем или тут оставляем?

— Мы можем за ними вернуться, — сказал он, напомнив Маку и Альби, что оружие надо держать вертикально, чтобы сфокусировать центр тяжести.

— Когда попадем в город, разделимся. Если эмэсовцев там только двое, немного сравняем шансы. Я полагаю, что они находятся несколько выше нас, что поначалу даст им преимущество. Так что постарайтесь не звать Давида, даже если очень хочется.

— Тебе очень хочется его позвать? — сказал Мак.

Рэйфорд кивнул.

— Я хочу узнать, что с ним случилось, даже если это то, чего я боюсь.

— Давайте я его поищу, — предложила Лия. — Я оставлю груз у другого выхода ущелья. Не понимаю, почему вы не взяли еще одну винтовку.

— Слишком много тащить, — сказал Рэйфорд. — Как бы то ни было, я надеюсь, что ты будешь занята пациентом.

— Если меня убьют, ему мало будет от меня пользы, — заявила она.

Мак протянул ей пистолет.

— Это только сорок пятый калибр, — сказал он.

— Беру.

— Ты умеешь им пользоваться?

— Предохранитель слева?

Мак кивнул.

— Я умею больше, чем думает капитан Стил, — сказала она.

— Мы пойдем с минимальной скоростью, — сказал Рэйфорд. — Альби, иди вперед. Нам надо торопиться, но не выкладывайся.

Альби подтянул штаны, затянул пояс и перешнуровал ботинки. Подняв винтовку, он взял ее вертикально и закинул на одно плечо. Пустился быстрым прогулочным шагом, что очень разочаровало Рэйфорда. Но вскоре, похоже, у него открылось второе дыхание, и он пустился трусцой. Мак двинулся следом легким размашистым шагом. Рэйфорд пропустил Лию вперед и с удивлением увидел, что она спокойно несет в одной руке медицинский чемоданчик, вытянув другую руку ради равновесия, и движется быстрой трусцой. Рэйфорд без труда поспевал за ней, но все свои годы он чувствовал, как и все суставы.

Минут через десять узкое глубокое ущелье кончилось, и им открылся ошеломляющий вид на Эль-Хазне, Сокровищницу, в которой во времена Исхода хранились сокровища фараонов. При других обстоятельствах Рэйфорд с удовольствием остановился бы полюбоваться на высокий фасад, вырезанный прямо в скале, но он и его люди — не говоря уже о миллионе тех, кто должен был прибыть, — уже перешли свой Рубикон.

Альби остановился и наклонился, хватая ртом воздух. Остальные тихо сложили на землю свой груз. Рэйфорд прошел вперед и сел на корточки, глядя в широкий просвет. И тут он осознал, что благодаря случайной удаче или незримому промыслу Божьему

он поступил верно. Он услышал стрекот как минимум одного вертолета и понял, что недалеко и остальные. Если тут эмэсовцы, то они, услышав вертолеты, должны остановиться. И где тогда они спрячутся, если не в пещере? Если они сами тут же не нападут, то им придется признать, что их быстро задавят числом.

Рэйфорд повернулся и прошептал:

— Лия, оставь чемоданчик здесь, прими резко вправо, пригнись и спрячься как сможешь. Прежде чем спуститься, сделай как можно более широкий круг. Если это заставит тебя слишком подставиться, лучше найди место и лежи тихо. Наша главная цель — найти Давида и вытащить его отсюда. Он обычно связывался со мной с высотки, чтобы связь была получше.

— А вы не пытались еще раз ему позвонить? — сказала Лия.

— Чань уже уничтожил его телефон ради спокойствия.

— Чьего спокойствия? А что, если он пытается с нами связаться?

— Мы не могли рисковать, Лия, — ответил Рэйфорд. — Альби пойдет налево. Мы с Маком прикроем всех и попытаемся увидеть, что находится прямо перед нами, за главными монументами. Все попытаемся забраться как можно выше и не подставиться под выстрел. Если найдете Давида, дважды щелкните ракией — и мы вас найдем. Если видите врага, щелкайте, пока не увидите нас. Вопросы есть?

Все переглянулись в прохладном сумраке ущелья и покачали головами. Когда они вышли на более яркий, но угасающий свет за-катаного солнца, Рэйфорда охватило чувство, что он находится на перекрестье чего-то при-цела. Ничего не обычного. Точно так же он себя чувствовал себя когда-то во время вос-кресного пейнтбола. Просто есть что-то такое в осознании, что ты, возможно, находишься прямо под противником, что чувствуешь себя на виду, даже не видя никого вокруг.

Наверное, Рэйфорд для Мака был таким же медлительным, как Альби для него само-го, поскольку как только они добрались до пятака достаточно широкого, чтобы его можно было обогнать, Мак легко проскольз-нул вперед. Он направлялся к тени под вы-ступом скалы, и Рэйфорд поспешил следом, чтобы не отставать. Они опустились там на колени, переводя дух. Мак прищурился и посмотрел на горизонт позади них. Появи-лись еще два вертолета, и почти тут же Рэй-форд услышал два щелчка. Они с Маком переглянулись.

— Кто? — одними губами проговорил Мак, прислоняясь к скале и глядя налево, куда ушел Альби.

Рэйфорд наклонился в другую сторону и увидел Лию за скалой примерно в ста ярдах от них и в тридцати—сорока ярдах выше по каменистой тропинке. Он ткнул Мака локтем, и они уставились на нее. Она подняла откры-тую ладонь, не сводя взгляда с чего-то. Доста-

ла свободной рукой пистолет, но ни взгляд, ни открытая рука ее не шевельнулись.

Наконец, она повернулась и посмотрела прямо на Рэйфорда и Мака. Затем поднесла два пальца к глазам, затем подняла указательный палец над головой и показала налево, показывая, что цель находится практически над ними.

— Двое прямо над нами? — прошептал Рэйфорд.

Мак кивнул.

— Думаю, она видит парочку в сотне ярдов над нами.

Рэйфорд не сводил глаз с Лии, начиная было выбираться из-под скального выступа, но она снова подняла ладонь и остановила его, продолжая наблюдение. Вдруг она повернула к нему руку тыльной стороной и поманила его движением пальцев. Он помедлил, она посмотрела на него и кивнула, затем снова стала смотреть в ту сторону.

Рэйфорд, пригнувшись, выбрался и повернулся, чтобы оглядеться. Он посмотрел на крутою стенку скалы, затем снова на Лию, чтобы понять, продолжать ли ему идти. Она кивнула, и он услышал ее два щелчка по рации. Это заставило его и Мака посмотреть туда, где взбирался наверх Альби. Он дал тот же сигнал, что и Лия со своей точки наблюдения. Рэйфорд попятился от Мака, который оставался на месте, и продвигался так, пока не увидел двоих эмэсовцев, стоявших спиной к нему на высоком обрыве. Оба были в форме и вооружены,

но вид у них был апатичный. Они следили за вертолетами и долиной внизу.

Рэйфорд знаком показал Лие и Альби, чтобы те продолжали двигаться, затем кивнул Маку, чтобы тот следовал за ним. Они быстро проскользнули между стенами какого-то здания в какое-то ущелье, которое вывело их на более высокую тропу. Они ждали у поворота, где те двое их не видели.

— Они слишком далеко от Лии и Альби, чтобы слышать их переговоры по рации, — прошептал Мак.

Рэйфорд нажал кнопку и сказал:

— Откуда мы знаем, что их только двое?

— Понятия не имею, — ответила Лия.

— Они не на задании, — сказал Альби. — Им плохо, они вроде ни с кем не говорят. Ничего такого не делают. Просто стоят и ждут.

— Ты можешь поручиться, что здесь больше никого нет?

— Ну, голову бы в заклад не поставил, — ответил Альби.

— Вот именно головой мы и рискнем, — сказал он. — Сделай вызов.

— Если бы решал я, я сказал бы, что оно того стоит. Но зачем торопиться?

— Сотни людей уже начали свой путь сюда, — сказал Рэйфорд. — А эти двое почти прямо над нами.

Послышались два щелчка, в разговор вступила Лия.

— Я могу пройти над ними в сотне ярдов, и они не увидят меня. Мне двигаться?

Рэйфорд глянул на Мака, который кивнул в ответ.

— Иди. Как только окажешься на месте, щелкни три раза, но не говори ничего, пока не окажешься достаточно далеко от них.

Как только он сказал это, Лия стала подниматься по пологому склону, по-прежнему держа в руке пистолет. Двое эмэсовцев вдруг резко повернулись и пошли в другую сторону.

— Они идут к тебе, Альби, — сказал Рэйфорд.

— Очень на это надеюсь, — сказал он и лег на живот, раскрыв сошку и зарядив винтовку.

— Неплохая идея, — сказал Мак. — Можем расположиться прямо здесь.

— Тогда Лия останется без прикрытия, Мак. Мы что, ее как приманку используем?

Мак покачал головой:

— Нет, если только они не повернут к ней. — Он кивнул на нее. — Она выйдет вон на ту площадку через тридцать минут. — Мак сунул заряд в патронник и лег на живот.

Чуть меньше чем через двадцать минут появился вертолет, эмэсовцы остановились и уставились на него, даже не пытаясь спрятаться. Они совершенно синхронно подняли винтовки и проследили траекторию вертолета.

— Даже и не думайте, сволочи, — прошептал Рэйфорд.

Мак передвинул левее и вздохнул:

— Плохой прицел у меня. Ты все еще держишь их на мушке?

Рэйфорд сел и посмотрел в оптический прицел.

— Да. — Нажал кнопку на рации. — Альби, ты их видишь?

— Еще бы! У обоих старые печати с изображением Карпати, примерно в двух дюймах над правым глазом.

— Стой, — сказал Рэйфорд. — Может, они где-то держат Давида.

— Я их потерял, — сказал Альби.

— Я тоже, — ответил Мак.

— Я их по-прежнему вижу, — сказал Рэйфорд.

Щелчок.

— Давай, Лия.

Она щелкнула еще раз.

— Они довольно далеко, — сказал ей Рэйфорд. — Что там у тебя?

Но Мак схватил его за руку.

— Возможно, она не может говорить. Может, у нее компания.

— Я выдал ее, говоря с ней? — Рэйфорду стало дурно.

— Давай я проверю, — сказал Мак. — У тебя есть еще оружие?

— Только девятимиллиметровый.

Мак взял пистолет.

— Все равно мне не взять прицел, а Большая Берта только помешает мне двигаться.

Рэйфорд снял оружие с пояса и вернул его Маку, который быстро встал и поспешил прочь.

Еще через двадцать минут послышался голос Лии.

— Вам не понравится то, что я нашла, — сказала она.

Рэйфорд чуть не упал от облегчения.

— Ты цела?

Мак услышал разговор и застыл на месте, прислонившись спиной к скале.

— Я-то да, — ответила Лия дрожащим голосом. — Я нашла телефон Давида.

— Хорошо.

— Не сказала бы так. Тут полно крови, след ведет к обрыву.

Рэйфорд на несколько секунд закрыл глаза.

— Лучше стой на месте.

— Я должна знать, Рэйфорд. Разрешите продолжать путь.

— Нет. Если те двое обогнут скалу, они увидят тебя.

— Я думала, вы сказали, что они ближе к Альби.

— Да, но если они обойдут скалу, ты окажешься в прямой видимости.

— Я бы рискнула.

— Нет.

— Ладно, Рэйфорд, они же все равно не смогут меня отсюда подстрелить!

— Лия! Стой... на месте.

Даже издалека она почти ощутимо обожгла Рэйфорда взглядом. Ему так же нестерпимо, как и ей, хотелось узнать, ведет ли кровавый след к телу Давида, особенно когда оставался шанс, что он еще жив.

— Где они сейчас? — спросила она.

— Я дам тебе знать, можно ли тебе двигаться дальше и когда. Если надежда, что он жив?

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Если это его кровь — то нет.

— Откуда ты знаешь?

— А вы точно хотите знать откуда?

— Хочу услышать твое профессиональное мнение.

— Тут слишком много крови, Рэй. Если это все кровь одного человека...

— Ты думаешь, что это так и есть?

— Судя по брызгам, из него просто хлестало фонтаном. Хотите, чтобы я продолжала?

— Да.

— Здесь видно, что кровь просто вытекала, без пульсации. Кровь, ведущая к обрыву, тоже просто вытекала.

— Значит, кто бы то ни был, был мертв до того, как его сбросили вниз.

— Да.

— Я хочу знать, был ли это Давид, Лия.

— Я тоже. Скажите, когда можно будет идти.

— Пока жди.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ханна обнаружила, что за израильскими верующими практически и не требуется присмотра. Многие принесли с собой еду, которой делились с другими. Они хотели только одного — знать, когда их доставят в Петру. Но Ханна могла им только сказать, что уверена, это будет этим самым вечером. Люди ходили, сидели, разговаривали о Карпатах и о том, что произошло в храме и на Храмовой горе в этот день, в какой восторг приводит их это новое приключение. Они жаждали видеть Михея.

Большой Джордж, который робел в присутствии Ханны, и Абдулла, который робел в любом присутствии, занимались устройством огневых точек там, где их не могли увидеть ни с воздуха, ни израильтяне с земли — зачем было их беспокоить без необходимости?

Ханна поймала себя на том, что молится за Давида, за Лию, за Рэйфорда, за всю опера-

цию. Когда у нее выдалось немного свободного времени, она тихонько вернулась в медицинскую палатку и прочла письмо Давида.

«Ханна, прости меня, пожалуйста. Что мне сказать? Ты права. Я бесчувственный чурбан. Я даже не подумал, что могу неверно истолковывать твои чувства. Правда в том, если что-то и свербило у меня в мозгу, когда я принимал это решение, это то, что я готовился потерять и тебя. Я не знал, как это выразить, потому что тоже не хотел быть неверно непонятым.

Я не понимаю, почему мы ходим вокруг да около таких вещей, особенно в такие времена. Да, мы недостаточно хорошо знаем друг друга, чтобы между нами могло возникнуть что-то кроме дружбы, и я, конечно же, до сих пор очень тоскую по Энни. Я вряд ли допустил бы даже мысль о том, чтобы завести новый роман, когда нам осталось так мало времени.

С другой стороны, мне кажется, что можно понять нашу неловкость, потому что мы вдруг оказались, как в моем случае, «свободны». Я был дурак, когда решил, что ты неверно меня поймешь. Мы стали такими хорошими друзьями и так стремительно, что — кто знает — может, я и правда испугался, что во мне так же внезапно вспыхнет более глубокое чувство. Естественно, я этого опасался, и ты, наверное, тоже.

Мы должны были бы просто позволить нашим дружеским чувствам крепнуть и шириться, учитывая, что из этого все равно ни-

чего другого не вышло бы. Что я особенно ценю в тебе, Ханна, так это твою любовь к Богу. Она во всем, что ты делаешь, — в твоей доброте к людям, в твоем служении, твоей душевной радости и способности подбодрить человека в такие тяжелые, темные времена — это же явное свидетельство того, что Христос с тобой! Ты пример для меня и для всех, кто обращает на тебя внимание.

Ты также права в том, что здесь, наверное, не понадобится медицинский персонал, и ты уж точно не израильтянка. Понимаешь ли, пусть я и этнический еврей, но я ведь тоже не израильтянин, хотя у меня есть там очень дальние родственники. Как бы то ни было, почти наверняка мы свидимся теперь только на небесах или в Тысячелетнем Царствии. Одно это заставляет меня уделить время, чтобы попрощаться с тобой как подобает, и, если ты позволишь, я хотел бы попытаться объясниться с тобой и по телефону.

Какими бы ни были возможности спутниковой и солнечной технологий, для меня куда проще — не говоря уж о том, что свободнее, — звонить тебе в Штаты, а сюда еще проще, всего-то с полусотни миль. После того как мы разобрались со всеми непонятками, которые возникли из-за того, что я сбежал без хорошего разговора по душам, позволишь ли ты мне порой звонить тебе? Я понимаю, что у нас существенная разница во времени, и нам придется договариваться о времени связи. Мы оба будем заняты, но я был бы очень рад, если ты согласишься.

Кстати, о делах. Я понимаю, что слишком затянул с объяснением, так что мой ответ может прийти как раз в то время, когда мы будем загружены под завязку и у тебя вряд ли будет время хотя бы прочесть мое письмо, об ответе уж и не говорю. Здесь немного одиночко, и это понятно, так что, если мне придется только ждать вертолетов с прибывающими беженцами, возможно, я позвоню тебе, чтобы убедиться, что ты получила письмо, и избавить тебя от необходимости сидеть за клавиатурой и набивать ответ.

Как бы то ни было, я знаю тебя и знаю, что ты поймешь и простишь меня, и я хочу начать сначала.

Твой друг

Дэвид».

* * *

Рэйфорд чувствовал себя дураком. Он не был военным стратегом. Поскольку объекты его охоты были слабы и еле владели собой, он позволил всем троим своим людям выйти на непригодные для обороны позиции. У Альби не было линии огня, и он не осмеливался продвигаться дальше. Мак был на невыгодной позиции с одним только пистолетом. Лицо недоставало дисциплины и терпения, и она могла погибнуть. Один только Рэйфорд находился на позиции, подходящей

для прицельного огня по эмэсовцам, но его пятидесятикалибровая пушка была способна только на один выстрел. Кроме того, он с большой неохотой пошел бы на это, поскольку в результате мог кого-нибудь убить. И он не знал, хватит ли ему духу на это.

Однако оружие придавало и решительности, и уверенности. Он лег, осторожно взяв в мощный оптический прицел скальную стенку, которую его мишени должны были пройти, если будут продолжать продвигаться в том же направлении. Правой рукой он поглаживал спусковой крючок, левой ладонью прикрывая сверху прицел. Лия снова вышла на связь, требуя разрешения подойти к краю обрыва.

Рэйфорд не хотел рисковать и терять цель, потому медленно достал рацию левой рукой и стал ждать... ждать... ждать. Эмэсовцы остановились и сели рядом на камень. Рэйфорд осторожно повернул винтовку, пока оба не оказались в прицеле. Чуть повернув голову и увидел, что Лия ждет. Они стояли к ней спиной. Так что если она поторопится, то сможет их увидеть. Он взял рацию, снова наведя прицел на эмэсовцев. Они вдруг подняли взгляды, и через секунду он понял, что привлекло их внимание.

— Лия, быстро возвращайся. Не надо подтверждения, просто иди.

Рэйфорд осторожно положил рацию и попытался успокоить дыхание. В прицеле он четко видел заторможенных эмэсовцев.

Он смог разглядеть расчесы на их потных шеях аж с двух сотен ярдов. Он взял прицел на несколько дюймов выше головы правого из них. Оба соскользнули с камня и, встав на колено, прицелились в вертолет, который должен был пролететь прямо у них над головами. Это была очень крупная машина, военно-транспортный вертолет Соединенных Североамериканских Штатов, стоил он несколько миллионов ников, и на борту у него находилось не менее двух десятков израильских беженцев. Прицельный выстрел с такой высокой точки, на которой находились эмэсовцы непременно сбил бы его. Один звук мощного выстрела из винтовки Рэйфорда спас бы вертолет, но ему нужен был больший стимул, чтобы пойти на этот риск.

И стимул возник, когда он услышал прорации бесцветный голос Лии.

— Это Давид... они убили его... его уже стервятники клюют...

Эмэсовцы замерли, готовясь стрелять, Рэйфорд чуть снизил прицел, как раз в тот момент, когда солдат слева чуть пригнулся. Если бы он позволил Давиду вернуться в Мицпе-Рамон, когда тот хотел, то сейчас они не были бы в такой ситуации. Он вспомнил, что надо упереться пальцами ног и согнуть колени, так что когда он нажал на спусковой крючок, от отдачи его отбросило назад на ярд или около того. Но вот заткнуть уши он забыл, так что удар приклада в плечо оказался меньшим из зол.

Выстрел оглушил его. Сейчас у него не было даже ощущения звука. Он медленно повертел головой, поднял упавшую винтовку и посмотрел в прицел. Он боялся, что повредил барабанные перепонки, но с глазами было все нормально. Краем глаза он увидел, что большой вертолет продолжает путь, а оба солдата напротив лежат неподвижно, за спиной у них висит облако пыли.

Рэйфорд взял рацию.

— Быть всем начеку. Вдруг тут другие окажутся, — сказал он, понимая, что говорит чересчур громко. Слова отдавались эхом внутри черепа, но ни одного из них он не слышал ушами. — Посмотрим, что тут у нас.

Первым к упавшим подбежал Альби. Затем Лия, Мак и, наконец, Рэйфорд. Он ожидал, что Лия отвернется от кровавого зрелища, но она не отвела взгляда. Она что-то сказала, он попросил повторить. Она схватила его за плечо и повернула лицом к себе.

— Давид выглядит хуже их, — прокричала она, и он прочел это по ее губам.

Если так, то ему не хотелось видеть тело Хассида. Но они должны были похоронить его.

— Мы можем его достать?

Она покачала головой.

— Невозможно.

— Туда и этих двоих тоже надо, — сказал Мак, или, по крайней мере, Рэйфорду так показалось.

Пуля прошла сквозь позвоночник и сердце одного из солдат и шею второго прежде, чем выбить в скале дыру в два фута диаметром. Рэйфорд отвернулся и взял себя в руки, опасаясь, что ему сейчас будет дурно. Он, замкнутый в коконе своей глухоты, был охвачен раскаянием. Это было делом его рук. Он убил двоих человек. Он потерял человека в месте, которое должно было быть убежищем. Теперь его взлетно-посадочная полоса была под ударом, а у входа в Петру толпились люди, ожидая, когда их пустят внутрь.

Колени Рэйфорда подогнулись, но Мак подхватил его и крикнул ему прямо в лицо:

— Это война! Эти двое убили нашего безоружного друга и с легким сердцем убили бы любого из нас. Они целились в этот набитый людьми вертолет. Ты всех нас спас, Рэй!

Рэйфорд ощутил, как его лицо стянуло гримасой, он попытался сказать, что не может оставить здесь эти изуродованные тела, когда Петра начнет заполняться людьми. Но он не мог говорить, и Мак опередил его. Он что-то сказал Альби, и этот жилистый невысокий человек немедля взялся за дело. Он потянулся, затем присел, чтобы поднять первый труп. Подпрыгнув, чтобы тот поудобнее улегся у него на плечах, он прошел десять футов до края обрыва и отправил труп в неизвестность. Затем вернулся и проделал то же самое со вторым.

— Труби в рог, Рэй! — воскликнул Мак. — Пусть люди заходят!

Рэйфорд покачал головой и протянул радио Маку.

— С удовольствием, — сказал тот. — Собираемся и выходим.

Спускаться вниз и выходить наружу было не в пример легче, чем входить в Петру. Лия держалась близко к Рэйфорду — видимо, следила, как он себя чувствует. Прежде чем они успели дойти до прохода, над скалами появились вертолеты и начали спускаться, чтобы высадить людей. Когда они прошли где-то с милю по узкому проходу Сик к вертолету Рэйфорда, на входе уже образовалась огромная толпа. Мак на обратной дороге большую часть времени разговаривал по радио, и теперь они с Альби уговаривали людей идти не пешком, а воспользоваться вертолетами для доставки в Петру.

Лия помогла загрузить в вертолет винтовку 50-го калибра, свой медицинский чемоданчик и носилки, затем оттащила Рэйфорда в сторону.

— Вы не можете вести вертолет, пока у вас не восстановится слух, — сказала она.

— Могу, — ответил он.

— Вы уже слышите?

— Будешь слушать за меня.

Она пожала плечами

— Ну, я-то точно водить вертолет не умею, — сказала она.

* * *

Несмотря на свою юность и обрушившееся на него горе, Чань сохранил здравомыслие и распространял страшную новость о гибели Давида Хассида чрезвычайно осторожно. С общего согласия отряд Скорби ни Хаиму, ни Бизону решили об этом не сообщать, пока Хаим не закончит свой труд и не окажется в безопасности в Петре. Хлоя решила, что скажет Бизону, когда будет подходящее время.

Следующие несколько часов Чань следил за деятельностью отряда Скорби. Лия в Мицле-Рамон занималась пострадавшими барабанными перепонками Рэйфорда, утверждая, что лучший целитель в данном случае — время. Израильяне, оставленные там Джорджем, Абдуллой и Рэйфордом, были вывезены более поздними рейсами. Рэйфорд вместе с остальными двумя залег на позиции с крупнокалиберными винтовками. Пока ни одного эмэсовца они не увидели.

Лия сообщила, что Ханна приняла известие о смерти Давида настолько тяжело, что даже некоторое время вообще не могла говорить. Похоже, она ожесточилась сердцем и, когда все встретились в медицинском пункте в палатке, решила лететь с Маком и Лией в Массаду. А пока Чань считал настоящим чудом Господним то, что в ходе этой огромной операции ни в воздухе, ни на

земле не случилось ни одной механической неполадки.

Когда на Иерусалим опустилась ночь и мир словно замер в ожидании девяти часов вечера и избавления от язв, Чань, наконец, встал и потянулся. Он посмотрел в зеркало и возблагодарил Бога за то, что его тело не было поражено напастью. Даже зудящая точка на левой его ноге исчезла, и он счел, что это все-таки был укус насекомого или что-то психосоматическое.

Он вернулся к компьютеру, проверил почту, вяло сожаления, что идея со встречей в Массаде пришла в голову в последний момент. Не было времени установить там хотя бы громкоговоритель, что уж думать о том, чтобы подключиться к чему-нибудь, кроме телефона Бизона.

Чань с изумлением обнаружил письмо от матери. Быстро прочел его. Оно было полно ошибок и повторов, но было понятно, что она мучительно учится составлять и отсыпать письма. Из того, что она писала, было понятно, что она научилась выходить на сайт Циона Бен-Иегуды.

«Отца беспокоит постыдное выступление, которое Карпати устроил в Иерусалиме. Не знает, что думать. Хочет от меня, чтобы я тебя спросила, что ты думаешь. Что ты думаешь? Я отошлю письмо раньше, чем он увидит, и сотру из отосланных. Карпати — дурной. Дурной,

дурной человек. Бен-Иегуда интересный, он пророк. Откуда он знает, что будет вперед? Хочу знать, как посыпать письма Минь. Скажи ей, что я буду написать.

Мама».

* * *

Вскоре после наступления темноты, за час до 21:00, на Массаду опустилась тишина, и Хаим обвел взглядом собравшуюся в крепости толпу. Бизон посмотрел на море голов внизу. Он был согласен со стариком в том, что практически все, кто хотел прийти, пришли. Бизон положил руку на плечо доктора Розенцвейга и склонил голову.

— Господи, дай мне мудрости сказать те слова, которых Ты ждешь от меня, — произнес Хаим, — и пусть эти дорогие Тебе люди услышат то, что Ты хочешь им сказать.

— И да благословит Господь твой голос, — добавил Бизон.

Здесь не было ни специального помоста, ни освещения. Хаим просто встал на бугор земли в одном конце крепости и воздел руки. Толпа немедленно затихла, даже все движение прекратилось. Бизон прошептал Чаню в телефон:

— Ты хотя бы запиши это. О верности воспроизведения позаботимся потом. Весь отряд Скорби желает это слышать.

— Как у тебя с зарядом?

— Половина осталась. Должно хватить.

Хаим говорил на иврите, но опять же — Бизон полностью понимал его.

— Друзья мои, — начал он голосом бодрым и властным, но, как показалось Бизону, не слишком мощным. — Я не могу дать вам гарантии, что сегодня вы окажетесь в безопасности. Само ваше присутствие здесь заставляет князя мира сего считать вас угрозой для себя и своих противников, и когда сегодня в девять вечера проклятие язв будет снято с его людей, он может обрушить на вас свою месть.

Бизон стоял и смотрел на подходы к крепости далеко внизу. Казалось, никто не напрягал слух, чтобы услышать. Никто не двигался и не говорил — за исключением Лии и Ханны, которые тихонько разворачивали маленький полевой медпункт. Пока никому их помочь не была нужна.

— Я буду краток, — сказал Хаим, — но я попрошу вас принять решение, которое полностью изменит вашу судьбу. Если вы согласитесь со мной и примете это решение, то машины, грузовики и вертолеты доставят вас в убежище. Если нет, то вы свободны вернуться в свои дома и сделать страшный выбор между гильотиной и печатью верности человеку, который сегодня взошел на престол в вашем храме и провозгласил себя богом. Он тот, кто осквернил дом Господа убийством и кровью свиньи, тот, кто установил свой трон и свой идол в святая святых, кто прекратил все жерт-

воприношения Богу истинному и живому, тот, кто отрекся от своего обещания хранить мир с Израилем!

Я должен с прискорбием сказать вам, что многие из вас выберут осквернителя. Вы предпочтете грех Господу. Вы предпочтете смерти самолюбие, гордыню и жизнь. Некоторые из вас уже отрекались от Господа и дара Его столько раз, что сердца ваши ожесточились. И хотя вы рискнули прийти на эту встречу, что означает перемену в вашем образе мыслей, слишком поздно изменить свое сердце. Но все это ведомо лишь Господу.

Из-за того, кто вы такие и откуда вы происходите, и из-за того, кто я есть и откуда я происхожу, мы можем принять, что во многом мы сходимся. Мы верим в единого Бога, Творца вселенной и источника жизни, верим в то, что все благо исходит только от Него одного. Но я скажу вам, что исчезновения, которые опустошили мир три с половиной года назад, были делом Его Сына, Мессии, приход которого предсказан в Писании и все пророчества о котором исполнились в Иисусе из Назарета, Христе.

«Не единого несогласного шепотка, ни слова протesta от всех этих евреев», — подумал Бизон.

Неужели Хаим Розенцвейг, этот тщедушный человечек, тихий ученый, сможет держать всю эту многотысячную аудиторию всего лишь мощью своего ничем не усиленного голоса и убедительностью своих слов?

* * *

В Мицпе-Рамон стояла такая темнота, что Рэйфорд не мог даже читать по губам. К счастью, когда Джордж и Абдулла обращались напрямую к нему, он начинал разбирать их слова.

— Я понимаю, что я новичок и все такое, — говорил Джордж, — но мне вот что интересно. Тут есть что-нибудь такое, что вообще стоит защищать от МС? В смысле пусть они себе разносят полосу грязи, которую мы с таким старанием выровняли. Да и наше временное жилье тоже ни фига не стоит. Что, к примеру, если мы вернемся сюда, когда начнется дело, а пока перевезем людей в безопасное место вместо того, чтобы лежать и ждать возможного появления врага?

Рэйфорд перекатился на спину и уставился в полное звезд небо. Абдулла захотел высказать свое мнение на этот счет, и Рэйфорду пришлось опереться на локоть и попросить его говорить погромче.

— Я говорил, начальник, что я с ним согласен. Хотя мне очень нравится палить из большого ружья, может, я даже кого-то сшибу, но зачем тратить заряды? Они могут нам потом понадобиться для защиты наших наземных или воздушных сил.

У них в распоряжении оставался только вертолет Рэйфорда. Вертолеты Джорджа и Абдуллы были заняты. Капитан снова пере-

катился на спину, обдумывая предложение. На самом деле ему было все равно, начнут ли Эмэсовцы атаку здесь. Пусть тратят время. Он был весь опустошен изнутри, выжжен, ему нужен был отдых. Если кто-нибудь другой поведет его вертолет, а Мак возьмет на себя руководство операцией хотя бы на время, он отдохнет до рассвета. Мак и так на время взял на себя командование, пока Рэйфорд временно — как он надеялся — был занят.

— Давайте сворачивать лагерь, — сказал он, наконец, и двое остальных быстро разобрали и погрузили оружие. Рэйфорд попросил Джорджа вести вертолет, а Абдуллу — рассказать Маку о том, что происходит. Он лежал на полу вертолета, закрыв лицо руками. Проблема была в том, говорил он себе, что у него сформировался комплекс героя. Он понимал, что все то хорошее, что происходит в такие времена, деяния Господа, а не его. Но чтобы выдохнуться до конца миссии — нет, не так он понимал долг лидера.

А вдруг именно Господь заставил его забыть о такой вещи, как затычки в ушах, чтобы вывести его из дела на время, достаточное для восстановления сил? Его терзало отчаяние о том, что он потерял Давида и был вынужден убить двоих человек. Но все это вместе просто иссушало его. Он даже не заметил, как задремал, но через мгновение Абдулла разбудил его, взяв за плечо.

— Прошу прощения, но мы нужны в Массаде. Мистер МакКаллам считает, что очень многих придется перевозить в Петру.

* * *

Бизон был настолько возбужден, что находился на грани срыва. Хотя Цион Бен-Иегуда сделал великое дело, выступив по телевидению несколько лет назад, Хаим окончательно выиграл борьбу за души, убедив людей, что Иисус и есть тот Мессия, которого евреи ждали столько столетий. Когда он перечислил все 109 пророчеств, которые исполнились только в Иисусе, толпа стала вставать — один человек за другим. Они по-прежнему молчали, и никто не двигался. Священная тишина заполнила вершину.

— Только Он один может быть Мессией, — заявил Хаим. — И Он умер так, как не умирал никто в человеческой истории. Он добровольно принес себя в жертву, и жертва его была достойна, ибо Господь воскресил его из мертвых. Даже скептики и неверующие считают Иисуса самой влиятельной персоной в истории.

Из миллиардов и миллиардов людей, когда-либо живших на планете, только Он один на голову выше всех остальных по влиянию, оказанному Им на историю. Благодаря Ему было основано больше школ, колледжей, госпиталей и сиротских домов, чем в честь кого бы то ни было другого. Под Его влиянием написано столько картин и музыки, столько гуманистических актов совершено из-за Него и под Его влиянием, что никто иной даже близко сравниться с Ним не может. Даже наш календарь

основан на дате Его рождения. И все это достигнуто после всего лишь трех с половиной лет служения людям!

Иисус из Назарета, Сын Божий, Спаситель мира и Мессия, предрек, что Он возведет Свою Церковь и врата ада не устоят пред ней. Прошли сотни лет после его публичного безжалостного осмежания, его преследования и мученичества — и миллиарды людей постучались во врата Его Церкви, сделав ее самой распространенной религией в мире. И когда Он вернулся, как и обещал, чтобы забрать верных Своих на небеса, исчезновение стольких людей оказалось самое глубокое влияние на нашу планету, которое только видело человечество.

Мессия должен был родиться у девственницы в Вифлееме, прожить безгрешную жизнь, чтобы служить Господу как беспорочный жертвенный Агнец, добровольно умереть на кресте за грехи мира, чтобы опять восстать через три дня и воссесть одесную Отца, Господа Всемогущего. Иисус выполнил все эти пророчества и еще сто и девять, доказав, что Он и есть Сын Божий.

Сегодня Мессия призывает вас сквозь столетия. В Нем — выход из вашего положения. Он предлагает вам прощение за ваши грехи. Он заплатил Своей смертью за вас. Самый плодовитый автор Писания, сам еврей, говорит: «Если ты произнесешь своими устами: «Иисус — Господь» и уверуешь в сердце своем, что Бог воскресил Его из мертв-

вых, то будешь спасен. Каждый, кто в сердце своем верует, что оправдается перед Богом, устами объявляет свою веру, чтобы обрести спасение. Ибо Писание гласит: «Кто верует в Него, не устыдится». Нет никакого различия между иудеем и язычником, ибо Господь един для всех и изливает милость Свою на тех, кто доверился Ему. Ибо «каждый, кто доверился Господу, будет спасен»¹.

Многие годы скептики насмехались над призывом евангелиста: «Хотите ли быть спасены этой же ночью?» Но именно этот вопрос я задам вам сегодня. Не думайте, что Господа можно обмануть. Не обманывайте себя. Над Господом нельзя насмехаться. Не делайте этого только ради того, чтобы избежать столкновения с Антихристом. Вы нуждаетесь в спасении, поскольку вы не можете спастись сами.

Цена велика, но награда много выше. Этот выбор может стоить вам свободы, потери семьи, даже вашей жизни. Вы можете не пережить пути к спасению. Но вы получите вечность с Господом, почитая Христа, Мессию, Иисуса.

Если вы выбираете Христа — молитесь вместе со мной. Господь мой, я грешник, и я отдален от Тебя. Я верую в то, что Иисус есть Мессия и что Он умер на кресте ради искупления грехов моих. Я верю, что он воскрес на третий день и что, приняв дар Его любви, я

¹ Послание Петра к Римлянам.

стану сыном Господним, ибо живу я Его именем. Благодарю Тебя за то, что Ты слышишь меня и спасаешь меня, и я отдаю Тебе весь остаток жизни моей.

И по всей крепости, в которой, как говорят легенды, еврейские родители предпочли убить собственных детей и самих себя, чтобы не попасть в руки римлян, громко молились мужчины и женщины. На их лбах появлялась печать верных, и тысячи тысяч последовали за Хаймом, когда тот стал спускаться навстречу толпе по ступеням, где уже ждали, выстроившись друг за другом, сотни машин и вертолетов. Бизон увидел, как Мак передает управление своим вертолетом другому пилоту и помогает грузить медицинское снаряжение в свободный грузовик. Ханна, Лия и оборудование должны были отправиться в первую очередь. Он сел за руль, Ханна и Лия помогли подняться в кузов примерно десятку неофитов.

Тысячи других с отчаянием на лице бежали прочь, ища транспорт до Иерусалима.

Бизон догнал Хайма и стал рядом, глядя, как наполняются и уходят грузовики. Машины и самолеты. Старик тяжело дышал и, совсем выбившись из сил, оперся на Бизона.

— Слава Богу, — шептал он. — Слава Богу, слава Богу, слава Богу.

Бизон глянул на часы. До девяти оставалось всего несколько минут, и громкоговорители на машинах МС уже начали передавать новости, транслировавшиеся по телевидению и Интернету.

— Все воздушное пространство государства Израиль объявляется запретной зоной для полетов. Это приказ директора Департамента разведки и безопасности Мирового Сообщества. Всем средствам гражданской авиации: любое летательное средство, не принадлежащее Мировому Сообществу, оказавшееся в запретной зоне, подвергает себя риску быть уничтоженным.

Потентат лично вводит военное положение и устанавливает комендантский час для всех гражданских средств передвижения в Израиле. Нарушитель будут подвергаться аресту.

Вследствие тяжести болезни, постигшей персонал МС, этот комендантский час строго обязательен. Для поддержания порядка выделяются лишь ограниченные группы работников.

Его святейшество напоминает гражданам, что он обеспечил снятие проклятия в 21:00 и население должно подготовиться к празднованию этого события вместе с ним на рассвете.

* * *

Абдулла снова разбудил Рэйфорда. Он сел. Слух еще не восстановился.

— Ваш зять запросил транспорт для доктора Розенцвейга и себя из Массады до Пе-

тры и говорит, что вы лично зарезервировали за собой это право. Вы до сих пор этого хотите?

Рэйфорд кивнул, отер лицо и взобрался в кресло. Джордж спустился к району развертывания сил возле Массады, где они сидели в ожидании, пока не ушли практически все, кроме Хaimа и Бизона — и еще одного человека, который стоял у них за спиной. Одет он был в хламиду, похожую на одеяние Хaimа.

— Кто это? — спросил Рэйфорд, показывая на него.

— Доктор Розенцвейг и мистер Уильямс, — ответил Абдулла.

— Нет, тот, другой, — сказал Рэйфорд.

— Не понимаю.

— Да кто вон тот, с ними?

Рэйфорд увидел, как Абдулла глянул на Джорджа, а Джордж точно так же посмотрел на него.

— Я никого не вижу, — сказал Абдулла, но Рэйфорд решил, что он хочет сказать, что не знает этого человека.

Позже, когда начали прибывать машины МС, и снаружи остались только Бизон, Хaim и еще тот человек, Абдулла вылез из вертолета и открыл дверь. Хaim еле волочил ноги, опираясь на руку Бизона. Третий шел чуть позади. Когда они взошли на борт, Рэйфорду показалось, что Абдулла чуть не пристукнул дверью третьего вошедшего.

Они сели. Джордж повернулся в кресле, и Рэйфорд представил ему Хaimа и Бизона.

Осквернение

— А вашего друга представьте сами, —
сказал Рэйфорд.

Бизон улыбнулся:

— Кого, извините?

— Да вашего приятеля. Кто он?

Рэйфорд показал на третьего, который просто смотрел на него. Бизон и Хаим посмотрели туда, куда он указывал, затем снова на Рэйфорда.

— Ну? — спросил он.

— Мы чего-то не понимаем? — сказал Бизон.

Рэйфорд подумал, что, наверное, грезит. Он подался к незнакомцу, а тот — к нему.

— Итак, кто вы такой? — спросил Рэйфорд.

— Я Михаил, — сказал тот. — Я здесь для того, чтобы исцелить тебя и восстановить твои силы.

Рэйфорд подобрался, когда Михаил взял его голову в руки, положив на уши ладони. Слух Рэйфорда восстановился, и он ощутил такой прилив энергии, что тут же выпрямился.

— То есть ты хочешь сказать, Михаил... ты тот самый Михаил?

Но незнакомец исчез.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рэйфорд чувствовал себя на двадцать лет моложе и жалел, что не сам ведет свой вертолет. Но Джордж прекрасно справлялся. Рядом с ним сидел Абдулла, окидывая небо и землю серьезным, встревоженным взглядом. Бизон расположился рядом с Хаимом на длинной скамье, за-прокинув голову и раскрыв рот в глубоком сне.

— Вы, наверное, тоже утомились, доктор Розенцвейг? — поинтересовался Рэйфорд.

— В первый раз за сегодняшний день, да, и вы знаете, что я и прошлую ночь почти не спал.

— Я слышал. Рядом с вами стоял Господь, не правда ли?

— Капитан, вынужден признаться, я с голоду умирал! А сейчас словно бы ангелы, которых Господь послал опекать меня, наполнили меня силой!

— Вы видели их, сэр?

— Я? Нет. Но вы знаете, мисс Дюрхем видела архангела Михаила.

Рэйфорд кивнул. О своем опыте он еще найдет время рассказать.

— Абдулла? — спросил он, и иорданец обернулся к нему. — В нашем грузе какая-нибудь еда есть? — Он что-то разогревал в микроволновке прямо перед отлетом из Мицпе-Рамон.

— Было! Да! — Абдулла выкрикивал и четко выговаривал слова.

— Я слышу, Смитти. Я исцелен.

— Правда? — Он откинулся назад и перестал кричать, но по-прежнему говорил довольно громко, чтобы перекричать грохот вертолета. — У меня есть в термоконтейнере разогретая пита и соус.

— Знаешь, ты прямо как официант в шикарном ресторане!

— Откуда мне это знать-то?

Хаим наклонился к нему:

— Для меня это будет слаше молока и меда!

Абдулла отстегнулся и протиснулся между ними, чтобы откопать коробку. Он повернулся и открыл крышку. В коробке было около двадцати круглых лепешек примерно в десять дюймов в диаметре. От них поднимался пар.

Аромат наполнил весь вертолет и разбудил Бизона. Большой Джордж протянул руку назад, не оборачиваясь. Рэйфорд передал в его ладонь парочку лепешек.

— Вот об этом я и говорил! — сказал пилот, хотя не произносил ни слова уже битый час. Все занялись едой, жадно разрывая лепешки зубами.

— Господи, как же мы Тебе благодарны! — сказал Хаим с набитым ртом, и все промычали — аминь.

Абдулла по-прежнему стоял на коленях у коробки, когда он вдруг ткнул Рэйфорда локтем и кивнул куда-то наружу. Небо заполнили вертолеты операции «Орел» и эмэсовские машины — как самолеты, так и вертолеты. Под ними улицы были забиты в панике разъезжавшимися машинами. Они прыгали по бордюрам и ухабам развороченных улиц, визжали на поворотах, а их преследовали эмэсовские машины с проблесковыми маячками.

Остальные тоже повернулись, чтобы посмотреть туда.

— Как у нас с топливом? — спросил Хаим.

— На несколько часов хватит, — ответил Джордж.

— Капитан Стил, — спросил Хаим, — мы не могли бы побывать здесь и отследить ситуацию?

Рэйфорд велел Джорджу найти безопасную высоту, и они стали описывать широкие круги. К ним на хвост сел эмэсовский вертолет и вызвал их по всем частотам.

— Гражданский вертолет, вам рекомендуется немедленно покинуть воздушное пространство Израиля.

— Капитан, — сказал Джордж, — на какой частоте они смогут меня услышать?

Рэйфорд сказал ему и спросил, что он задумал.

— Я просто подумал, что следует вести себя вежливо, не так ли?

— Не нарывайся.

Все в вертолете рассмеялись, и Рэйфорд понял, как абсурдно все это выглядело. Куда уж дальше злить эмэсовцев?

Джордж переключился на частоту, которую назвал Рэйфорд.

— Эмэсовский вертолет, это гражданская машина. На какую часть этого перенаселенного города вы готовы уронить наши пылающие останки?

— Гражданский вертолет, вы нарушаете комендантский час, установленный лично потентатом Карпати.

— Я его не признаю.

— Повторяю — Карпати! Сам его святейшество!

— Да я слышал это имя, МС. Повторяю — я не признаю его власти.

У Абдуллы глаза прямо-таки светились.

— Вы, американцы, до безумия храбрые!

Радио снова затрещало.

— Властью Мирового Сообщества и его воскресшего потентата его святейшества Николае Карпати приказываю вам приземлиться немедленно в первом же пригодном месте и сдаться, передав нам ваших пассажиров, груз и вертолет.

— Спасибо, нет, — ответил Джордж.

— Это не просьба. Это приказ, санкционированный потентатом.

— Извините, но мы тут по поручению настоящего воскресшего Господа, и у нас на борту люди и съедобный груз, которых мы вовсе не желаем вам отдавать.

— Повторите?

— Насчет людей или питы?

— Мы вас предупредили. Мы вооружены и готовы немедленно уничтожить вашу машину, если вы тотчас не выполните приказ!

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Минуточку.

— Вам нужно время на выполнение?

— Да нет, просто минута нужна.

— У вас шестьдесят секунд.

— Что, минутки не дадите?

— Пятьдесят пять секунд.

— Дайте мне уйти от самых людных улиц, МС, если уж я под большей угрозой, чем мне кажется.

— Сорок пять секунд. Посадите вертолет.

— Мы едим, и у нас нет пакетиков на случай воздушной болезни. Если мы начнем уклоняться, будет бардак.

— Последнее предупреждение. Тридцать секунд.

— Значит, вы больше нам ничего уже не скажете?

— Нет.

- Ничего-ничего?
- Именно.
- Ни словечка?
- Двадцать секунд.
- Это целых два.

Рэйфорд не мог понять, испуган ли Джордж так же, как он сам. Здоровяк явно был уверен, что они в безопасности, поскольку на борту находился Хаим, да и у Рэйфорда было более чем достаточно оснований положиться на Бога. Но когда он увидел, что вертолет эмэсовцев отходит на безопасное расстояние, чтобы не пострадать от собственного огня, он понял, что сейчас в них будут стрелять.

— Пристегнись, Смитти! — крикнул он.

Абдулла бросился в кресло, пока Рэйфорд закрывал коробку с едой. Бизон был сосредоточен, как и сам Рэйфорд, но Хаим полностью ушел в свои мысли.

— Мы принадлежим Господу, — сказал старик. — Он сделает Свое дело.

* * *

Мак не развлекался так со школьной скамьи, когда сестра нашла в своей комнате его змею. Он несся по ухабам иерусалимских улиц на грузовике, битком набитом израильскими верующими, с которыми были две медсестры из Америки. Все это было как в

«Кейстонских копах»¹. Водителей операции «Орел» просто невозможно было остановить. Они обезжали баррикады, перемахивали камни, груды мусора, оставшиеся после землетрясения, пролетали мимо машин эмэсовцев.

Еще в Техасе, когда Мак был мальчишкой, можно было сесть за руль сельскохозяйственной машины аж в двенадцать лет. К шестому классу он уже умел водить трактора и комбайны, пикапы и мусоровозы. А теперь он вел новый французский грузовичок для перевозки людей, который пригнал волонтер из Международной взаимопомощи, а потом поехал за другим.

Это была экстравагантная машина, мощная, которую можно было вести как на автомате, так и вручную. Последний режим был очень удобен на открытой дороге, и как только они выедут на шоссе к югу от города, он на него переключится. Но в том хаосе, через который он сейчас прорывался, Мак с удовольствием работал с автоматической коробкой скоростей. Более того, он просто наслаждался — слишком слабое слово для данных обстоятельств — зрелищем, когда эмэсовцы, наплевав на пакт Михея—Николае, пытались помешать исходу миллиона людей.

Почти все машины операции «Орел» были полноприводными и прекрасно обезжали препятствия. Когда дорогу перекрывали оста-

¹ Комедийный сериал о команде совершенно тупых полицейских. Название стало нарицательным.

новленные машины и грузовики, те, кто оказывался сзади, просто огибали пробку и ехали собственным кружным путем. Эмэсовцы и блюстители морального духа — первые в униформе, вторые с беджами и яркими оранжевыми поясами — пытались направлять движение, останавливали гражданские машины, проверяли документы и сообщали всем и каждому, что они нарушили комендантский час. На них никто не обращал внимания, и Мак изумлялся, как Господь все это устроил. Он видел много оружия, но почти не слышал выстрелов. Никто не позволял себя вытаскивать из машин, и когда машины МС перекрывали дорогу гражданскому автомобилю или грузовику, последние просто давали задний ход и обезжали эмэсовцев.

Мак не понимал, почему эмэсовцы не стреляли или не таранили этих машин, но подумал, что, когда его самого отрежут, он поймет.

Лия спрашивала на иврите, не поменяется ли кто с ней местами, чтобы она могла поговорить с Маком.

— Мы прорвемся? — спросила она.

Он глянул на нее. Она была бледна, глаза ее метались, осматривая все вокруг.

— Похоже, да, — сказал он. — Ты видишь, чтобы хоть кто-нибудь из нас не прорвался?

Она покачала головой и пристегнулась к креслу, затем села, положив на колени сжатые в кулаки руки.

— Э-э-э, мистер МакКаллам, Ханна спрашивает, почему мы едем в Петру, в смысле мы с ней. Там, очевидно, нет нужды в меди-

цинском персонале, и ни одна из нас не израильтянка.

— Я тоже, — ответил Мак. — Очевидно, мы везем этих людей в их новый дом. Хлоя организовала поставку стройматериалов, их надо будет собирать. Возможно, вы поможете координировать действия, пока мы будем доставлять оставшихся беженцев. Это займет некоторое время.

— Хорошо.

— Проблема решена?

— Нет, просто...

— Не говори мне, что ты на это не подписывалась. Мы все делаем то, что приходится.

— Нет, я все понимаю, все нормально. Просто Ханне в Петре будет тяжело после всего, что случилось, вы же сами понимаете.

— Я был там.

— Значит, вы видели.

— Пусть она пересядет ко мне поближе, ладно?

— Она едва способна разговаривать, мистер МакКаллам.

— Мне не нужно, чтобы она говорила. Мне надо, чтобы она слушала меня.

* * *

Рэйфорд наклонился вправо, как мог, и стал наблюдать за эмэсовским вертолетом, висевшим у них на хвосте. Сдается, им было наплевать, кто и что находится внизу.

— Все пристегнулись? — спросил он. — Готовьтесь к выстрелу.

Преследующий их вертолет находился на одной линии с ними и промахнуться просто не мог. Рэйфорд уже подумал было приказать выполнить маневр уклонения, но это было бы бесполезно. Эмсовский вертолет был меньше и мобильнее. Даже если бы Джордж ушел от первого выстрела, это лишь ненадолго оттянуло бы гибель.

— Они стреляют! — крикнул Рэйфорд и спрятал лицо в коленях. Он увидел оранжевые вспышки и белые пунктиры трассирующих пуль и ожидал, что через мгновение разорвутся металл и плексиглас, взорвутся топливные баки, в лицо ударит ледяной воздух, а затем все поглотит огненный шар, и вертолет войдет в неуправляемое падение.

Он ощущал, как между ним, Бизоном и Хаймом с визгом прошла очередь, и раскаленные добела полосы заставили его поднять голову. Пули пронеслись сквозь вертолет, и воздушная волна толкнула Джорджа влево и Абдуллу вправо, когда оба невольно пригнулись и зажали уши. Но ни в хвосте, ни впереди не оказалось никаких повреждений.

Рэйфорд не мог отвести взгляда от того, как пули попадают в хвостовые винты эмсовского вертолета впереди них и тот, вращаясь, падает вниз. Он вздрогнул и тут же ощутил, что держится за кресло настолько сильно, что даже пальцы затекли.

— Что вы так боязливы, маловерные? Возрадуйтесь! Не страшитесь!

Рэйфорд медленно обернулся и снова увидел рядом Михаила.

— Теперь ведь вы все его видите, правда? — спросил он.

— Мы видели его, — сказал Хаим. — Слава Богу.

— Я слышал его, — добавил оборачиваясь, Абдулла. Но Михаил уже снова исчез.

* * *

Мак увидел в боковом зеркале сверкание мигалок.

— Вы ведь не будете останавливаться, правда? — спросила Ханна.

— Сейчас, чтобы остановить меня, нужно что-то более основательное.

Эмэсовская машина позади него включила громкоговоритель.

— Я не хочу с ними разговаривать, — сказал он. — Я хочу поговорить с тобой. Ты ведь сегодня потеряла любимого человека?

— Да. А вы разве нет?

— Да, я тоже.

— Тогда вы поймете меня.

— Именно потому и не пойму, Ханна. Я не хочу сказать, что это легко. Но ты видела, чтобы Давид замкнулся и оцепенел, когда потерял свою невесту? Нет, мэм, вы этого не видели. Я знаю, что вы с Давидом были близки, но как ты думаешь, чего он хотел? Неужели мне

нужно напоминать тебе, что Рэйфорд потерял двух жен и сына? Что у Циона вообще вся семья погибла? Я учитываю твое состояние и не хочу сказать, что у тебя нет причин желать оказаться подальше от Петры. Но ведь Давид был моим начальником и другом, и для меня это тоже не пикник.

— Я понимаю.

— Нам всем нужно будет время, чтобы предаться своему горю, но, боюсь, у нас его не будет, пока мы не вернемся в Штаты. А сейчас ты нам нужна, Ханна. Мы не можем позволить себе горевать так, как нам хотелось бы. Слишком многие люди полагаются на нас. Возможно, тебе с Лией и правда нечего будет делать в Петре, но ты ведь не хуже меня знаешь, что никому из нас, тех, кто помогает, безопасность не гарантирована. Кто знает, сколько у нас будет раненых, когда мы будем высаживать людей?

Она кивнула.

— Мак, э-э-э, кажется, вам надо припарковаться.

— Мэм?

Она показала назад, в окно. С пассажирского сидения эмэсовской машины высунулся миротворец с автоматом, целясь в Мака.

* * *

— Знаете, — сказал Джордж, — я такого никогда в жизни не видел. Будем и дальше

испытывать судьбу или направимся прямо в Петру?

— Если ты думаешь, что это судьба, — ответил Рэйфорд, — то ты сильно...

— Это только фигура речи, кэп. Я прекрасно понимаю, что это было.

— Останемся здесь и будем наблюдать, — сказал Абдулла, поворачиваясь, чтобы увидеть стрелявший в них вертолет.

— Не обязательно находиться в центре событий, — сказал Рэйфорд. — Давайте найдем место, откуда можно будет наблюдать, не привлекая лишнего внимания.

* * *

Чань позвонил Циону в полдень по чикагскому времени и дал ему подробные инструкции о том, как вести передачу в прямом эфире по международному телевидению прямо из того места, где он находился.

— Вы можете встать за вашим монитором и «взять» комнату?

— Да.

— Посадите кого-нибудь там, где вы обычно сидите, и посмотрите, что вы сможете видеть у них за спиной. Уберите все, что может оказаться намеком на ваше местонахождение.

Цион попросил Минь сесть в его кресло за клавиатуру, втиснулся между монитором и стеной. Часы на противоположной стене могли показать, в какой временной зоне они находятся.

— Чань, — сказал Цион, — дайте я сниму часы, и тогда фоном будет пустая белая стена.

— Хорошо. А теперь скажите мне, как долго вы... Извините, минуточку.

— Продолжайте.

— Почему просто не перевести часы на карпатианскоe время, и пусть гадают, где вы находитесь?

— Интересно.

В разговор вмешалась Минь.

— А они не поймут, что это явный обман, Чань?

— Поймут, если мы специально выделим эти часы, — сказал он. — Помести их в угол кадра, и я возьму их не в фокусе. Они подумают, что это случайно.

— Мое послание будет кратким, Чань, — сказал Цион. — Только чтобы воодушевить верующих прежде, чем вы передадите аудиозапись послания Хайма о спасении.

— Извините, доктор Бен-Иегуда, но тут у меня заговорил жучок с борта «Феникса-216». Оставайтесь на связи.

— Возвращайтесь. Жду.

* * *

Мак поднял палец, словно прося эмэсовца подождать прежде, чем припарковаться. Он быстро набрал номер Рэйфорда.

— Прошу разрешения открыть огонь по МС прежде, чем он продырявит нам шины.

— Запрещаю. Просто уходи. Остальное — дело Бога.

— Господь ведь может действовать и по-средством моего пистолета. Не так ли?

— Он еще у тебя?

— Увы.

— Просто не останавливайся, — сказал Рэйфорд.

— Даже если мне шины продырявят?

— Если продырявят — перезвони.

Мак остановился среди дороги, за ним притормозили эмсовцы, но Мак отказался опустить стекло окна. Эмсовская машина выехала вперед и встала перед Маком. Когда пассажир вышел, Мак сдал назад и объехал машину, и погоня началась снова. Когда миротворцы подъехали слишком близко, Мак дал по тормозам.

— Извините, ребята! — крикнул он. — Забыл предупредить вас, чтобы вы пристегнулись!

Эмсовцы остановились в каком-то дюйме от бампера Мака, они оба выскочили, вопя и размахивая оружием, Мак снова тронулся с места и, как только они запрыгнули внутрь и разогнались, свернул влево, развернулся на месте и пристроился им в хвост.

* * *

Похоже, Карпати до сих пор сомневался в безопасности здания кнессета и считал

собственный самолет куда более безопасным. Чань посмотрел на показания аудиометра и убедился, что рабочие готовят очередную встречу в каюте первого класса.

Пара бортпроводников говорили на каком-то индийском диалекте, так что Чань быстро пропустил их речь через порекомендованный Давидом фильтр, и тут же в виде титров появился перевод.

— Значит, они не будут бомбить взлетную полосу мятежников?

— Похоже, МС хочет использовать ее для собственных целей. Конечно, они все там захватят и проведут зачистку, но затем примут на полосу собственные войска, которые перевезут на грузовиках в Петру, чтобы отрезать дорогу бегущим инсургентам. Они попытаются... Тсс, идут.

— Мистер Акбар, сэр.

— На пакистанском говорите?

— Нет, просим прощения, директор.

— Английский?

— Да, английский.

— Тут будет небольшая встреча, только потентат, достопочтенный Фортунато, мистер Мун, мисс Айвинз и я.

— О, спасибо, сэр. Мы уже подготовили каюты для слишком многих, не так ли?

— Ничего. Вы знаете, что каждому по вкусу. И не забудьте, что мисс Айвинз очень любит, когда много льда.

— Тысяча благодарностей за напоминание, сэр. Она все время просит — побольше

льда, пожалуйста. Вам и мистеру Муну вода, сок для мистера Фортунато и...

— Достопочтенного Фортунато.

— О, просим прощения.

— Мне-то все равно. Но лучше не оговариваться в присутствии его святейшества.

— Или достопочтеннейшего отца, ха!

Чань услышал смешок Сухайля Акбара.

— Когда все будет готово, исчезните с глаз.

Чань задал программу записи и снова переключился на Чикаго.

— Вы готовы? — спросил он.

— Готов, — ответил Цион. — Как я выгляжу?

— Испуганно.

— Мне не хочется выглядеть испуганным!

— Тут я ничем не могу помочь, доктор.

Мы пиратским образом передаем по всему миру единственное в этом городе шоу. Если кто-то смотрит телевизор, слушает радио или шарит в Интернете, они увидят вас.

— Словно мне от этого легче!

— Я просто пытался объяснить, почему вы нервничаете, сэр.

— Скажите, когда начнется.

— Сейчас.

— Я уже в эфире? — сказал Цион. — Правда?

Но Чань не осмелился ответить, потому что опасался, что его вычислят по голосу. Он затаил дыхание, радуясь, что Цион не назвал его по имени.

— Приветствую вас всех, — сказал Цион. — Я счастлив тем, что могу обратиться ко всему миру благодаря чудесам технологии. Но поскольку тут я нежеланный гость, простите меня за краткость и позвольте немного занять ваше внимание...

Чань переключился на «феникс». Похоже, все уже пришли и рассаживались по местам.

— Командующий Мун! Пусть кто-нибудь выключит этот телевизор. Минутку! Это кто еще такой?

— Вы знаете его, ваше святейшество, — сказал Леон. — Это тот самый еретик, Цион Бен-Иегуда.

— Он более чем еретик, — уточнил Карпати. — Это он стоит за тем самым Михеем и за этим проклятием язв. Значит, теперь он собирает к себе ортодоксальных евреев. Как он влез в телесеть?

— Это Си-эн-эн МС, потентат.

— Так уберите его отсюда! — взревел Карпати. — Уолтер!

Телевизор на борту «феникса» замолчал, и Карпати взорвался яростью.

— Я хочу, чтобы его совсем убрали из эфира, идиот! Звони куда надо, делай что должно! Мы победили проклятие, а теперь мы выглядим как полные паяцы, раз враг влезает в наш собственный эфир!

Мун говорил по телефону, голос его дрожал. Чаню показалось, что Мун опасается, как бы Карпати не пристрелил его на месте, если Цион пробудет в эфире хоть минутой

дольше. Мун ругался и требовал заведующего эфиром.

— Никаких оправданий! — орал он. — Отключайте! Немедленно!

— Дай мне телефон! — сказал Карпати. — Немедленно прекратите передачу. Отключите сигнал! — Похоже, телефон полетел через каюту. — Включи! Дай посмотреть!

Мун:

— Я уверен, что там черный экран, ваше свя...

— Включи! Что? Все еще там? Что делают твои люди? Сухайль, иди сюда! Сюда!

— Ваше святейшество?

— Никаких ограничений по введению коменданского часа, — Карпати говорил так быстро, что слова следовали сплошным потоком. Чаню пришлось напрячься, чтобы понять, о чем идет речь. — Стрелять на поражение на Масличной горе, в Массаде, в...

— Там уже все очищено, ваше...

— Не перебивать меня, Сухайль! Сбивать все гражданские самолеты и...

— У нас потери на земле из-за падения самолетов, сэр...

— Ты оглох? Ты понял, что я говорю? Мне что, пристрелить тебя, как я пристрелю Уолтера, если этот Бен-Иегуда снова появится на экране, когда я снова включаю телевизор?

— Что мне еще сделать, ваше святейшество? — взвыл Мун.

— Да сдохнуть!

— Нет!

— Сухайль, дай пистолет.

— Сэр, умоляю!

— Сухайль!

Звук потасовки. Выстрел. Вопль.

— Вытяни другую руку, Уолтер.

— Умоляю!

Выстрел. Снова крик. Опять выстрелы и крики. Звуки падающих столов и стульев — видимо, Мун пытался спрятаться. Еще несколько быстрых выстрелов, плач, подобный детскому, наконец, последний выстрел и тишина.

— Ты правильно поступил, Николае, — послышался голос Вив Айвинз. — Перебить всех и начать сначала.

— Спасибо, Вив.

Фортунато:

— Преклоняюсь перед тобой, мой восставший из мертвых господин.

— Заткнись, Леон. Сухайль, вставь новую обойму.

Щелканье.

Фортунато:

— В почтительном молчании преклоняюсь перед твоей славой. Позволь мне поцеловать твой перстень.

— Давай его сюда, Сухайль.

— Как пожелаете, ваше святейшество, но я сам убью любого по вашему приказу. Я всегда выполнял ваши приказы.

— Тогда делай то, что я сказал!

— Все, что угодно, потентат.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Я хочу, чтобы все мятежники были мертвы! Уничтожь их. Разнеси их машины. Разбей им головы. Что до Петры — подожди, пока Михей не окажется там, а затем сровняй ее с землей. У нас есть все, что надо, для этого?

— Да, сэр.

— А пока, кто-нибудь, уберите этого Бен-Иегуду из эфира!

— Я изгоню его, ваше всевысочайшество, — сказал Фортунато.

— Я пришибу тебя, если не заткнешься.

— Умолкаю, ваше всемогущество. Ой!

— Что?

— Вода! Лед!

Чань вскочил и открыл кран над раковиной.

Кровь!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стоп-сигналы передней машины стали красными, и Мак ударил по тормозам. Но эмэсовская машина вдруг исчезла из виду. Вдалеке ревели легковушки и грузовики операции «Орел», но за ними разверзлась огромная пропасть, куда попадали преследующие их эмэсовские машины.

Мак выскочил и увидел, что его передние колеса стоят на краю огромного провала. Забавно, но огни падающей в пропасть эмэсовской машины становились все меньше и меньше. Провал был глубиной в несколько сотен футов, и идея Мaka висеть на хвосте эмэсовцев чуть не привела к летальному исходу. У него колени задрожали. Он забрался назад в грузовик и осторожно двинулся задним ходом, высматривая возможный объезд.

Мимо него с ревом пронеслась еще одна эмэсовская машина. Ее пассажиры выскочили, покатились по земле, их оружие загрохотало по мостовой. Их машина полетела в провал. Миротворцы медленно поднялись, подобрали винтовки и нацелились на машину Мака.

— Пригнись! — крикнул он, ударившись головой о плечо Ханны, когда они оба нагнулись в одну сторону. Сзади израильтяне попадали друг на друга.

Стрельба заставила Мака закрыть глаза и прикрыть голову, но выстрелы закончились почти сразу же. Он встал, выглянул наружу и увидел, что миротворцы мертвые. Поблизости больше не было никого. Он мог только предположить, что их собственные пули рикошетом попали в них. Грузовик Мака не был поврежден. Зазвонил его телефон.

Звонил Рэйфорд.

— Цион в эфире, — сказал он.

— Это, конечно, хорошо, кэп. Мне сейчас как раз только развлечений не хватает.

— Повтори?

— Да ничего.

— Ты где находишься?

— В Большом Каньоне.

— Не понял.

— И хорошо.

— Мак, ты в порядке?

— Да. Только чуть не увез своих пассажиров прямо в преисподнюю.

— Так, как всегда, во что-то вляпался. Ты не можешь посмотреть, что творится в небе над Иерусалимом?

— Мне кажется, что я смотрю аккурат в противоположную сторону, Рэй.

— Ну тогда смотри вверх и слушай.

Воздушное сражение шло в стороне от Мака, но он видел его в отдалении и слышал его низкое раскатистое эхо.

— Они хоть в кого-то попали?

— Только друг в друга, — сказал Рэйфорд. — Смотри под ноги!

— Да слышал уже!

* * *

Чаня переполнял такой восторг, что по всему телу бежали восхитительные мурашки. На экране его компьютера мелькали коды, сообщения — бешеные попытки отдела вещания, располагавшегося в соседнем здании, прекратить трансляцию по каналу Си-эн-эн МС. Но ничего не помогало. Он надеялся, что Цион скоро закончит выступление, чтобы он могпустить аудиозапись речи Хaimа. Они тогда вообще с ума сойдут. Поскольку видео не будет, они забегают, пытаясь отключить еще и звук.

Одним ухом слушая Циона, чтобы знать, когда переключать, Чань также отслеживал то, что происходило в кабине «феникса». Карпати обрушился на Фортунато:

— Что толку в религии, если ты не можешь выдать парочку-другую чудес, Леон?

— Величайшество! Я только вчера свел с неба огонь на вашего врага!

— Ты просто заткнул рот крикливой бабе, не более!

— Но это вы объект нашего поклонения, о святейший! И это вас я молю явить знамения и чудеса!

— Короче, мне нужно чудо, *достопочтеннейший*.

— Ваше святейшество, — вмешался Акбар, — возможно, вам покажется чудом этот телефонный звонок.

— Пока этот чертов Бен-Иегуда в эфире, единственное чудо — это то, что вы оба живы. Ну, удиви меня.

— Помните, мы недавно в Греции потеряли двоих заключенных?

— Да, двух молодых людей, девчонку и парня. Ты их нашел?

— Нет, поскольку времени и людей было слишком мало, мы смогли провести только краткое расследование, но мы сумели найти свидетеля, который сказал, что в обоих случаях мог быть задействован миротворец по фамилии Дженсен.

— Да-да, и хотя он был наш человек, вы потеряли его след. Так вы его нашли?

— Возможно.

— Ненавижу такие ответы!

— Простите, ваше святейшество. Вы же знаете, что этот Михей и его пособник возникли словно из ниоткуда.

— Ты меня достал. Ты меня просто с ума сводишь!

— Мы получили свидетельство, что оба они были замечены в отеле «Царь Давид»,

но потом все наши заболели, и у нас не было времени закончить расследование. Теперь мы это сделали, мы даже знаем, в каком номере они жили.

— И это — чудо?

— Мы прочесали обе комнаты. В одной мы нашли бумажник, который, как оказалось, принадлежал Дженсену. Но фото не соответствует фотографии в базе данных нашего персонала.

— С чего бы ему оставлять свое удостоверение? Это явная попытка сбить нас со следа.

— Мы сравнили по нашей базе отпечатки пальцев, найденные в каждой комнате.

Пальцы Чаня запорхали над клавиатурой. Он в считанные секунды внедрился в базу личных файлов миротворцев и стер все следы Джека Дженсена.

— Сухайль, в комнате отеля можно найти десятки отпечатков пальцев различных людей — от последнего жильца до obsługi...

— Самые многочисленные отпечатки в одной из комнат принадлежат Хаиму Розенцвейгу.

Карпати рассмеялся:

— Моему убийце.

— Именно.

Он снова рассмеялся:

— Ну и кто из них, по-твоему, Розенцвейг? Который в хламиде или который в шрамах?

— Ваше святейшество, отпечатки пальцев человека со шрамами не соответствуют

отпечаткам пальцев миротворца Дженсена. Они довольно интересны. Они соответствуют отпечаткам пальцев бывшего служащего из вашего ближнего круга.

Чань снова вошел в систему, и через пару секунд Кэмерон Бизон Уильямс, бывшая звезда СМИ Мирового Сообщества, исчез, словно его и не было никогда.

— Я не особенно рассматривал сообщника, — сказал Карпати, — но он никого мне не напоминает.

— Он был вашим первым человеком по СМИ.

— Планк? Чушь. Он мертв.

— Извините, неверно выразился. Вторым, но первым в смысле вашего выбора.

— Уильямс?

— Он самый.

— Помощником Михея был не Кэмерон Уильямс, Сухайль. Я бы узнал его. И позволь мне сказать тебе еще кое-что — Михей не доктор Розенцвейг.

— При всем моем почтении, ваше святейшество, не соглашусь. Сегодня можно творить просто чудеса в смысле перемены внешности.

— Возможно, рост у них примерно одинаков, но голос? Внешний вид? Поведение? Нет. Это не комедия, нет. — Долгая пауза. — Как бы то ни было, — уже спокойно сказал Карпати, — я уже прилюдно простил ему покушение на мою персону.

— И от кого это его защищает?

— От всех.
— Включая вас?
— Именно так, Сухайль.
— В любом случае вы же сами поставили Уолтера Муна на пост верховного главнокомандующего. Но это не дало ему никаких привилегий.

Чань услышал смех, на заднем плане Вив Айвинз распоряжалась выносом трупа Муна и уборкой помещения.

Чань переключился на обращение Циона, которое закончилось обещанием доктора Бен-Иегуды отправиться в Петру, чтобы лично обратиться к миллионной аудитории «братьев и сестер во Мессии».

Кто-то вызвал Сухайля. Чань услышал, как тот просит разрешения Карпати ответить, затем:

— Бен-Иегуда отправляется в Петру, ваше святейшество.
— Отложим его уничтожение до его прибытия на место.
— И проблема крови стоит по всему миру.
— То есть?
— Разведка докладывает, что морские воды на сто процентов превратились в кровь.
— Какого моря?
— Всех морей. Это парализует наши силы.
И еще — у нас завелась крыса.
— Где?
— В самом дворце. И каким-то образом он нас послушивает прямо здесь.
— Откуда ты знаешь?

— Дженсен и Уильямс. Их файлы исчезли из нашей базы, как только мы с вами заговорили о них.

— Самолет немедленно на карантин.

— Сэр?

— Мы, конечно, раздавим крысу, но сначала надо найти утечку. Всех под детектор лжи. Сколько здесь народа?

— К счастью, немного. Два бортпроводника, я и Леон.

— Хорошо, что не включил меня, это мудро. Ты еще и дипломат, раз не учел Вив Айвинз. Но тут дипломатия неуместна.

— Вы хотите, чтобы и она прошла полиграф, ваше святейшество?

— Конечно.

— Вероятно, я сам проведу испытание, — сказал Сухайль.

— А вас кто проверит, мистер Акбар?

— На самом деле, ваше святейшество, испытание на детекторе лжи очень просто. Мы используем компьютерную программу, которая детектирует изменения частоты голосовых модуляций. Человек не может их контролировать. Он или она могут говорить с разной скоростью или громкостью, но частота голосовых модуляций меняется только при стрессе.

— Не-у-же-ли.

— Стопроцентно, сэр.

— Включи и меня в тестирование.

Чань взломал базы личных файлов и сделал запись, что он находится в изоляторе и по-

следние два дня проходил симптоматическое лечение. Он сохранил всю информацию со своего компьютера на защищенный минидиск в недрах дворца, затем целенаправленно устроил сбой своего жесткого диска, стерев на нем вообще все. Создал вспомогательный фантомный жесткий диск, закодированный настолько мощно, что его можно было надеяться взломать лишь при помощи другого компьютера, если тот будет пахать двадцать четыре часа в сутки. Он вошел в маленький архив и сгрузил все, что ему было нужно, затем выдернул провод и запаковал компьютер, засунув его глубоко в шкаф. Давида — единственного на планете человека, который мог найти хоть что-нибудь на его жестком диске, — вероятно, уже не было на земле.

Чань будет сидеть за своим рабочим столом в департаменте на следующее утро точно вовремя, готовый к работе. Они не только не найдут крысу, они себе голову сломают в поисках шпиона в самом кабинете.

* * *

Джордж приземлился в отдалении от все растущей толпы возле Петры, открыл дверь, чтобы проветрить вертолет, и высадил дремлющих на ходу Бизона и остальных беженцев, которых перевозил в Петру. Рэйфорд и Хаим решили пока держать присутствие Хaima в

секрете как можно дольше, чтобы не мешать массовому перемещению людей в безопасное место. Хотя некоторые уже начали прибывать, а остальных должны были перевезти по воздуху с рассветом, сотни тысяч людей все еще заполняли Сик, ожидая вертолета уже внутри. Они пели, веселились и молились.

Бизон вышел из вертолета и пошел в толпу, поглядывая на небеса и западной горизонт, одновременно слушая радиотрансляцию. Силы Мирового Сообщества сильно пострадали, почти половина потерпела пришлась на воздушные бои, в которых самолеты и вертолеты операции «Орел» даже не были задеты, другая половина погибла в ходе наземного преследования, в результате которого машины МС оказались погребены так глубоко, что все спасательные операции были прекращены.

Радиосеть МС снова переключилась на Карпати с его угрозами уже ночью — после того, как по всему миру прошла трансляция свидетельства Хaima о Христе Мессии, а потом молитва верности Иисусу. Бизон верил в предсказание Циона о том, что возрождение мира начнется посреди самых страшных ужасов Скорбей. Со всех сторон мира приходили сообщения о трагедиях и смертях, связанных с тем, что морская вода стала кровью.

Команды кораблей, на которых морская вода опреснялась и превращалась в питьевую, обнаруживали, что невозможно опреснить кровь. Гниющие трупы морских оби-

тателей всплывали на поверхность, команды кораблей смертельно заболевали, корабли сообщали, что не могут вернуться домой.

Карпати заявил, что его силы разведки и безопасности определили самозванцев, которые говорили от имени мятежников, и сказал, что именно их козни привели к катастрофе на море.

* * *

На Чикаго опустилась ночь, и Хлоя нашла повод уйти, когда в новостях возник перерыв. Она снова взяла телескоп и уселась у окна подальше от любопытных глаз. Подождав, пока небо потемнеет, она сначала окинула город невооруженным глазом. Крохотный огонек, который она заметила некоторое время назад, по-прежнему светился где-то в трех четвертях мили от них.

Хлоя тщательно устроилась, установила телескоп и направила его на то, что видела. Нескоро ей удалось поймать ускользающий огонек в фокус и добиться того, чтобы объектив перестал прыгать. К ее изумлению, источник света находился на уровне земли. Она сидела, застыв, так что у нее спина заныла, но она старалась сидеть неподвижно, чтобы все-таки понять, что же там такое.

Она перебирала в голове различные варианты и, в конце концов, поняла, на что она

смотрит. Свет шел из окна первого или подвального этажа большого дома — наверное, двенадцатиэтажного. И чем дольше она смотрела, тем больше она убеждалась, что там внутри есть какая-то деятельность. Человеческая.

* * *

В восемь утра по дворцовому времени Чаня вызвал его начальник, чтобы Чань помог ему просмотреть все доклады о потерях и смертях, связанных с катастрофой в океанах. К удивлению всех, озера и реки напасть не затронула.

В большом офисе, где сидели за компьютерами Чань и еще тридцать человек, он только хрюкнул в ответ, когда сотрудники попытались о чем-то расспрашивать его. Он не смотрел никому в глаза и не улыбался. Его босс, высокий костлявый мексиканец по имени Аурелио С. Фигейроа, оказался назойливым индивидуалистом, который шпынял своих подчиненных, как прислугу, и преклонялся перед начальством, как перед царями.

— Как дела сегодня, Вонг? — спросил мистер Фигейроа, дергая торчащим кадыком.

— Отлично, сэр.

— Доволен работой?

— Доволен.

— Новости слышал?

— О чём?
— О верховном главнокомандующем Муне.
— В новостях ничего не говорили.
— Да ладно, Вонг, я же знаю, что ты любимчик Карпати. Ты наверняка знаешь побольше остальных.

Чань покачал головой.

— Мун мертв.
— Что? Как?
— Застрелен в упор на борту самолета потентата.

Чань попытался сделать обалделый и одновременно любопытствующий вид, хотя ему совершенно не хотелось, чтобы Фигейроа лез к нему с доверительным разговором.

— Вражеская пуля?

— Нет! Не будь наивным! Наши люди на высшем уровне всегда окружены телохранителями!

— Но тогда кто?

— Они подозревают бортпроводников. — Фигейроа наклонился поближе. — Оба индусы.

— Но зачем им-то?

— Да больше некому.

— Но зачем именно им?

— А почему нет? Ты же знаешь индусов.

— Да нет, не знаю.

— У них есть свой человек.

— Свой человек где?

— Здесь.

— Зачем?

— Ты наивный или просто дурак?

Чань прикусил язык. Он ненавидел тупых, особенно таких, кто был вдвое старше его.

— Не настолько наивный, чтобы не догадаться, как звали вашего папу.

У Фигейроа потемнели глаза.

— Ты о чем это, Вонг?

— Забудьте, — пожал плечами Чань.

— Ты все равно не можешь этого знать.

— Конечно, не могу.

— Разве что порылся в моих личных файлах.

— А как?

— Никак. Я бы знал. Все, что делается на этих компьютерах, записывается, ты сам знаешь.

— Конечно.

— Я бы понял, если бы ты совал нос куда не надо.

— Да пожалуйста.

Фигейроа расплылся в улыбке.

— Но я тебе доверяю, Вонг! Ты друг его святейшества!

— Точнее, мой отец.

— Полагаю, ты слышал, что нас просили разработать программу для детектора лжи. Этим утром я ее встроил.

— Откуда мне знать-то?

Фигейроа схватил Чаня за плечо, и Чань был вынужден приложить все усилия, чтобы не отпрянуть.

— Потому что у тебя связи, друг мой!

— Да нет же.

— Мы все будем подвергнуты обыску, ты сам знаешь. Допросу.

— А зачем?

— Да я же говорил тебе! Индусы, бортпроводники, имеют тут своего человека.

Чань пожал плечами.

— Хочешь пойти в первую или в последнюю очередь?

— В смысле?

— В смысле проверки.

— Мне нечего скрывать. Пусть допрашаивают, когда хотят.

— Они обыщут твою комнату, захотят увидеть персональный компьютер.

— Да пускай. Жесткий диск у меня все равно уже давно полетел.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться.

— Так я и не беспокоился.

Фигейроа огляделся по сторонам, словно осознав, что его могут не одобрить за то, что он уделяет слишком много внимания одному конкретному работнику.

— Конечно, тебе нечего бояться, Вонг. У тебя связи.

Чань покачал головой.

— И кто будет вместо Муна?

— Акбар слишком нужен на своем посту. Фортунато уже на этом посту побывал. Может, мисс Айвинз, кто знает? Может, никто. Может, сам Николае. Но вот одно точно, Вонг, — добавил Фигейроа, готовясь отойти, — это будем не мы с тобой.

— Я бы не был так уверен, — сказал Чань, ненавидя себя за эти игры.

Как Чань и ожидал, Фигейроа остановился.

— Что ты сказал? Ты что-то знаешь?

— Да пустяки, сэр, говорить даже не о чем, — ответил Чань. — Я ведь не могу раскрывать свои источники информации, сами понимаете.

— Ты шутишь, что ли? Ты ничего не знаешь.

— Конечно.

— А теперь серьезно. Я не шучу.

— И я тоже, сэр.

Через пять минут, когда Чань сопоставлял отчеты со всего мира и компилировал сообщение, из своего кабинета позвонил Фигейроа.

— Ты можешь поклясться, что никогда не совал носа в мои личные файлы?

— Клянусь.

— Если я запущу проверку на твоем компьютере — на тutoшнем и твоем собственном, оно пройдет?

— На этом — да.

— Но на твоем личном?

— Я же сказал вам — там полетел жесткий диск.

— Тогда как же ты мог узнать мое полное имя...

— Да просто угадал, сэр.

— Хочешь угадать?

— Я занят.

— Я дам тебе загадку.

— Я просто так ляпнул, я не знаю.

— Да ладно, Вонг. Я понял намек. Вот что я тебе скажу — если угадаешь, я вычеркну тебя из списка лиц, назначенных для допроса.

— Но как?

— У меня свои способы.

— А почему мне надо бояться допроса?

— Потому что это пустая трата времени, это неприятно, это стресс.

— Но не в том случае, когда человек ни в чем не виноват. Я даже не слышал никогда об этих бортпроводниках-индусах.

— Предложение остается в силе.

Чань вздохнул. Ну зачем он все это начал? И кто мог поверить, что Фигейроа клюнет?

— Я знаю, что оно начинается на С.

— Это все знают. Оно у меня на табличке на двери кабинета. Но, возможно, это как в имени Гарри С. Трумэна ничего не означает¹.

— Но вы ставите после этой буквы точку, значит, это что-то да означает. Я просто высказываю догадку.

— Если ты не врешь и действительно не влезал в мой файл, то ставлю сотню ников, что не угадаешь даже с десятого раза.

— У меня только одна догадка.

— Ну, говори.

— Секвойя.

Долгое молчание. Потом Фигейроа выругался.

— Ты не мог этого знать.

— Я угадал?

— Да, и ты знал заранее! Но откуда? Это же даже не мексиканское имя. Даже не испанское!

¹ «С» в имени Трумэн — просто инициал в честь имен дедов по отцу и по матери.

— Как понимаю, индейское. Американских индейцев, в смысле.

— Скажи, как ты это узнал.

— Угадал, сэр. Мне показалось, что оно звучит именно так.

* * *

Почему в Чикаго горит свет? Возможно ли, гадала Хлоя, что кто-нибудь, кроме них, каким-то образом узнал, что Давид Хассид ввел фальшивые данные по радиации в базу данных Мирового Сообщества? Эта мысль напомнила ей, что она еще не сообщила Бизону ужасную новость.

Хлоя попыталась запомнить, где увидела освещенное окно, затем положила телескоп и позвонила Бизону. У нее сердце задрожало, когда она услышала, что он в Петре. Он говорил так восторженно, как уже давным-давно не говорил. Она позволила ему выговориться и снова и снова рассказывать о том, как Рэйфорда исцелил ангел, как они все в вертолете потом тоже его увидели и как он защитил их от обстрела.

Хлоя могла только согласиться с Бизоном по поводу всех знамений и чудес, противостояния с Карпати, перемены в Хайме. Она тоже с восторгом слушала о том, как они вклинились в мировую новостную сеть, чтобы рассказать всему миру правду. Наконец,

он все же заметил, что ее восторги по сравнению с его собственными какие-то не такие.

— Ты в порядке, малышка?

— У меня для тебя плохие новости, Бизон. Двое эмэсовцев, которых считали пропавшими без вести, убили Давида Хассида, и мы все решили ничего не говорить тебе и Хайму, пока ваша работа не будет почти закончена... Бизон? Ты слушаешь?

— Подожди минутку, — сказал он в конце концов.

— Я не знаю, когда папа собирается рассказать об этом Хайму. Наверное, скоро, если вы уже на месте.

— Да, — с трудом ответил Бизон. — Он, похоже, первым делом отогнал всех от вертолета. Мы не хотим пока, чтобы люди видели Хайма.

— Конечно.

— Хлоя, что нам делать?

— Не знаю. Самое паршивое, что дальше лучше не будет. Прежде чем заснуть, я всегда вспоминаю тех, кого мы оставили, и не могу отделаться от вопроса...

— Кто будет следующим? Я знаю. Я не был знаком с Давидом так хорошо, как остальные, но с точки зрения практичности и логики...

— Он был необходим, — сказала Хлоя. — А что мы знаем о брате Минь?

— Давид высоко ценил его, но он совсем юн. И он никогда не займет того же положения и не будет иметь таких же возможностей, как Давид. Мне претит говорить о нем

только в рамках его полезности для отряда Скорби...

— У нас нет времени на оплакивание, Бизон. Все сейчас оценивается в терминах жизни и смерти. С каждой потерей всем нам, кто остался в живых, все труднее выживать. Естественно, что мы смотрим на все под этим углом. Я просто хочу, чтобы вы все еще раз вернулись сюда живыми и здоровыми.

— Скоро вернемся, — сказал Бизон. — Твой отец хочет, чтобы мы воспользовались контрабандистскими связями Абдуллы, чтобы добыть сверхзвуковой самолет человек на восемь. Удостоверение личности Альби все еще действительно, так что он мог бы забросить нас в Штаты и забрать Циона, чтобы отвезти его в Петру.

— Я хочу поехать туда, — сказала она.

— Ты только что сказала, что хотела бы увидеть нас всех здесь целыми и невредимыми.

— Мне нужны няньки.

— Будь серьезной. Нам всем нужен отдых и восстановление сил перед Армагеддоном.

— Мне не нужно.

— Ты о чем?

— Папа обещал, что я смогу отправиться на следующую миссию, если все тылы будут прикрыты. Я так поняла, что если будет кому присматривать за Кенни.

Бизон молчал.

— Ты меня не одобряешь.

— Нет, — сказал он. — Кенни переживает мое отсутствие лучше, чем твое.

— Не дури.

— Это я дурю? Да ты себя послушай. Ты же его мать!

— Значит, всю ответственность ты сваливаешь на меня.

— Я не это хотел...

— И ты настолько бесценная персона передовых сил отряда Скорби, что мы не можем позволить себе потерять меня и переложить на тебя уход за Кенни.

Похоже, Бизон разозлился:

— Не могу поверить, что стою посреди пустыни и ругаюсь с женой по поводу, кому из нас следить за малышом. Послушай, ты не можешь лететь с Ционом, поскольку эмэсовцы ждут его прибытия, чтобы осуществить воздушную атаку.

— И все же вы втягиваете во все это дело Циона и еще миллиард людей, которые от него зависят.

— Я верю, что здесь мы под защитой.

— А я нет, значит?

— Мы не знаем. Давид погиб.

— Я не хочу спорить об этом по телефону, Бизон. Так что не закрывай эту тему, пожалуйста, пока нам не выпадет шанс обговорить все до конца. И будь осторожен. Я тебя люблю и жить без тебя не смогу.

Сунув телефон с карман, Хлоя как бы между прочим заговорила с Зиком, чтобы остальные не слышали.

— Если я выйду прогуляться, ты сможешь последить за Кенни? И при этом, сделай милость, не сообщай никому, что я ушла?

— Сейчас, ночью? Мэм, это...

— Зик, пожалуйста, не надо. Я взрослая женщина и возьму с собой телефон.

— Я не могу солгать даже ради вас.

— Я тебя и не просила. Просто не устраивай шума. Я не хочу никого беспокоить.

* * *

Бизон пошел назад, к вертолету. Переброска людей в Петру шла медленно, но верно. Он хотел сказать Рэйфорду, что уже знает про Давида, и дать ему шанс все рассказать Хаиму. Но когда он пробирался через восторженную толпу, мимо красивых загорелых детишек, утомленных полетом и спящих на плечах у родителей, этот вид отвлек его от тяжелых мыслей. Как же он тосковал по Кенни!

Толпа внезапно шатнулась, и улыбки застыли у людей на лицах. Они смотрели на восток, и Бизон побежал туда, откуда мог увидеть, что привлекло их внимание. По пустыне летели три огромных облака пыли, угрожая затуманить и без того угасавшее солнце. Два облака слева по мере приближения отдалялись от правового. Бизон позвонил Чаню, но тот был временно недоступен. Он позвонил Рэйфорду:

— Хлоя рассказала мне о Давиде. На минутку отвлекитесь и расскажите Хаиму. И что вы скажете о том, что к нам приближается?

Осквернение

— Абдулла уже все выяснил, — сказал Рэйфорд. — Это наземные силы МС. Они охватят полуокольцом толпу, чтобы напасть одновременно со всех сторон. Попытаются загнать людей в Сик, а там и так уже все забито.

Бизон побежал к вертолету.

— Новости о Давиде подождут. Все наши под защитой или только Хаим? А люди у входа?

— Я хочу поменяться местами с Джорджем и подняться туда, откуда мне будут видны войска, — ответил Рэйфорд. — Когда вернусь, будь поблизости. Возможно, придется взяться за оружие.

— За оружие? — переспросил Бизон. — Я только слышал, что такая штука на свете есть. Так что меня из списка исключите.

— Когда эмэсовцы начнут стрелять, — сказал Рэйфорд, — передумаешь.

«Может быть», — подумал Бизон.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Хлоя выскользнула наружу в темных брюках и куртке. Кроме телефона она взяла с собой старый «люгер», который нашла среди оставленных на память вещей Рэйфорда. Она возилась с ним, пока не разобралась, как его заряжать и ставить на предохранитель. Она лишь предполагала, как он может стрелять, но «люгер» в кармане давал ей хоть какое-то чувство защищенности.

Она прошла пять кварталов в кромешной темноте, не услышав ни единого звука. Хлоя смотрела налево на каждом перекрестке, думая, что она близко к цели. Как далеко она может позволить себе уйти? Она решила, что на четверть мили-то отойдет точно. Итак, она прошла оставшиеся два квартала и начала смотреть во все стороны на каждом углу.

* * *

Рэйфорд поднялся на вертолете менее чем на тысячу футов и завис на этой высоте, чтобы составить для себя представление о силах, которые выдвинул против них Департамент разведки и безопасности Мирового Сообщества.

— Джордж, — сказал он, — поменяйся местами с доктором Розенцвейгом, будь так добр.

— Что там? — спросил Хаим, усевшись поближе к Рэйфорду.

Тот рассказал ему и показал туда, где еще две танковые колонны вместе с боевыми машинами пехоты и бронированными грузовиками, а также ракетными установками брали в кольцо огромную толпу израильтян.

— Меня беспокоит только безопасность израильских верующих, — сказал Рэйфорд. — Но вы-то сами в безопасности вне стен Петры?

— Капитан, это риторический вопрос, да? Если только Господь не свершит чуда, то нам понадобится много часов, чтобы перевезти всех людей внутрь — здесь больше половины еще осталось. А врагам сколько нужно времени, чтобы начать атаку?

— Они уже в радиусе поражения, — сказал Рэйфорд. — Еще минут двадцать, и они займут позицию. Если будут наступать так же быстро, как развернулись, то еще минут через десять вступят в бой.

— Значит, у нас полчаса...

— Это максимум.

— Мои люди не вооружены и не готовы защищаться. Мы в милости Господней.

— Мне хочется попросить вас поторопить всех верующих, кто не израильтянин, как можно быстрее войти в Петру, — сказал Рэйфорд. — Как думаете, ваши люди их пропустят, чтобы они оказались первыми в очереди на вертолеты, и посторонятся ли, чтобы пропустить остальных?

— Это же надо объяснить, а времени нет.

— Иначе операция «Орел» задержит воздушную переброску, и все способные носить оружие верующие, кроме израильтян, должны будут вооружиться и приготовиться отражать атаку.

— Капитан, вас просто раздавят числом.

— Но мы все же нанесем им урон, и без боя мы не сдадимся.

— Я не собираюсь давать вам советы, капитан, — сказал Хаим. — Делайте, что должны. Что вам говорит Господь?

— Он говорит мне, что я испуган, как никогда, но я не могу стоять в стороне и не могу допустить резни. Вы способны держать оружие, доктор?

— Простите, но я здесь не для того, чтобы сражаться оружием. Я должен позаботиться о людях в Петре и приготовить все к прибытию Циона. И когда он снова покинет нас, я останусь.

Рэйфорд оглянулся и крикнул:

— Джордж, Абдулла, найдите Альби и Мака. Расскажите, что тут у нас творится, и передайте, чтобы они связались с нами сразу, как только мы окажемся на земле, если смогут. Приостановить погрузку оружия и установить периметр в сто ярдов перед израильтянами.

— Я могу только догадываться, капитан, — сказал Абдулла, — но если нам придется располагаться полукругом перед стенами по обе стороны от прохода Сик, то мы окажемся на расстоянии пятидесяти ярдов друг от друга.

— Я не сказал, что это будет легко, и во все не обещаю успеха, Смитти. Если есть предложения — готов выслушать.

— Нету.

— Тогда разворачивай ребят и скажи остальным, что все участники операции «Орел» немедленно заступают на боевое дежурство. — Он повернулся к Хаиму и знаком показал ему наклониться поближе: — Доктор, я должен рассказать вам, что здесь вчера произошло...

* * *

Чань в своей высшей школе в Китае работал с клавиатурой быстрее всех остальных учеников — как с китайскими иероглифами, так и с английским шрифтом. Теперь же он быстро вбивал код во вспомогательном окне каждый

раз, как выпадал шанс. Он поворачивал свой монитор так, чтобы не попадаться ни в объектив камеры слежения в углу, ни на глаза своим сослуживцам, если они оставались на своих местах. Он также заставлял себя не смотреть на те знаки, которые он печатал, а следить за отражением в экране, чтобы вовремя засечь появление Фигейроа или кого-нибудь еще.

Вторичное окно он разработал таким образом, чтобы при любой проверке компьютера оно детектировалось как локальная записная книжка, но свои коды он запрограммировал так, чтобы с виду они казались случайным набором знаков, а не чем-то осмысленным. Если будут спрашивать, он скажет, что эта белиберда осталась от перевода с китайского на английский или даже на компьютерный язык. Он создавал и форматировал независимый диск, к которому он мог иметь доступ отовсюду и который дублировал потенциал его ноутбука.

* * *

Хлоя продолжала посматривать на часы. Не было ли все это непроходимой глупостью? Ну что она ожидает найти? Просто любопытство желает удовлетворить? То, что она вышла на разведку в одиночку, да еще в темноте, давало ей полностью удовлетворявшее ее ощущение свободы, что, в свою очередь, заставляло

ее задуматься, не слишком ли она еще молода для тех обязанностей, что взвалила на себя. Она была женой и матерью, главой Международного общества взаимопомощи, которое спасало от голода миллионы своих участников. И теперь ей еще такая вылазка понадобилась? Может, ее ждет такая опасность, какой она даже представить не может?

В конце концов, она дошла до угла. Посмотрела направо — ничего. Посмотрела налево — и остановилась. Неужели эта слабая полоска, чуть более светлого оттенка, чем ночная чернота, и была тем самым источником света в пяти кварталах от небоскреба Стронга? И есть ли у нее силы и время на ее исследование, если она так ошиблась с расстоянием? Да, конечно. Ради чего же еще она здесь? Ясно, что ни Бизон, ни ее отец на самом деле не намерены отпускать ее в Петру вместе с Ционом, раз там предполагается воздушный налет. Эта миссия — только ее личная, и, конечно, вполне возможно, что она не найдет ничего. Но даже если все это блажь и в лучшем случае игра в прятки в темноте, это лучше чем ничего.

Она свернула налево.

* * *

Рэйфорд сделал вираж и описал круг, чтобы начать снижение. Как только верто-

лет выровнялся и сел, он увидел Бизона, который спешил к нему, показывая знаками, что надо как можно скорее заглушить моторы. Повсюду водители наземного транспорта и пилоты вертолетов выскачивали из своих машин и направлялись к нему за инструкциями и оружием, чтобы организовать оборону против сил МС.

Однако толпа вроде как и не замечала ни участников операции «Орел», ни эмэсовцев, хотя и облака пыли, и шум моторов приближались. Их взгляды были прикованы к тому месту, где между высокими скалами проход Сик уводил в Петру. Рэйфорду пришлось очень быстро приземлиться, чтобы увидеть, на что они смотрят.

Бизон подбежал к вертолету, еще отчаяннее размахивая руками, показывая, что надо заглушить моторы. Рэйфорд быстро выключил двигатели и потянулся мимо Хайма, чтобы открыть дверь.

— Выходите все, скорее! — сказал Бизон. — Вы должны это видеть!

— Оружие нужно? — крикнул Рэйфорд, когда они выскочили наружу.

— Да вроде нет. Идите за мной. Хайм, вы в порядке?

— Зовите меня Михеем. Да, все хорошо. Ведите нас.

— А вдруг люди его узнают? — сказал Рэйфорд.

— Да никто не смотрит, — ответил Бизон.

— Я уж заметил, — ответил Рэйфорд. Он обогнал Бизона и заметил, что Хаим, подбрав полы своего балахона, держится с ним след в след. За ним, тяжело дыша, торопились Джордж и Абдулла.

Бизон подвел их к склону, затем нагнулся и поспешил к тому месту, где огромный скальный выступ образовывал плоскую площадку, откуда сверху были видны сотни тысяч людей.

— Там, — сказал Бизон. — У входа. Видите?

* * *

Чем дальше шла Хлоя, тем сильнее ее охватывало волнение. Контраст между светом и темнотой становился все резче, и она поняла, что нашла то, что увидела из окна убежища в небоскребе Стронга. Вероятность того, что это не просто случайно оставшийся включенным свет сигнализации или какие-то шутки электросети, как она понимала, существовала лишь в ее воображении. Но когда осталось где-то полтора квартала до окна на уровне подвала, да еще закрытого, она заметила камеру. Она находилась прямо над окном, прикрытая большим металлическим кожухом, который, что неудивительно, был расписан граффити. В камере горел красный огонек, и объектив периодически описывал дугу в 180 градусов.

Хлоя была уверена, что находится слишком далеко от любого источника света, чтобы старая камера ее заметила, но она замедлила шаг и стала держаться ближе к зданиям и развалинам, останавливаясь каждый раз, когда объектив камеры смотрел в ее направлении. Когда камера отворачивалась, она торопливо шла вперед.

Наконец, она пересекла улицу незаметно от камеры и прижалась спиной к стене. Опять остановилась, когда камера посмотрела на нее, и, едва та отвернулась, подошла поближе. Наконец, Хлоя оказалась в трех футах от того места, где выбивавшийся из окна свет падал на стену через улицу рядом с ней. В окне она заметила только люминесцентную лампу на четыре трубки, из которых одна не горела. Когда камера очередной раз повернулась в ее сторону, она поняла, что свет чуть касается ее рукава. Она стояла, оцепенев, впервые подумав, а нет ли в камере датчика движения.

Объектив снова повернулся. Хлоя оставалась на месте, правда, убрав руку от света. Тут камера прекратила двигаться, и свет в окне погас. Теперь она видела только красный огонек. Она осталась стоять неподвижно. Как она понимала, сейчас открытый объектив пытался выяснить, что скрывается во тьме напротив, по другую сторону улицы.

Убежать? Может, тот, кто контролирует камеру и свет, испуган не меньше ее? Хочет ли он или они поймать ее или просто старается отпугнуть? Или просто хотят знать, что

происходит снаружи? Хлоя глубоко вздохнула и попыталась расслабиться, стараясь успокоить дыхание. Она знала одно: если можно доверять Давиду или Чаню, это не эмэсовцы.

Хлоя на цыпочках дошла до середины улицы и заметила какой-то полустертый знак на стене, но было слишком темно, чтобы понять, что это. Она остановилась. Камера словно бы рассматривала ее. Наконец, флуоресцентные трубы снова зажглись. Она не двигалась, только подняла взгляд, чтобы разобрать знак. Это было что-то вроде пункта обмена валюты. Значит, за ставнями, скорее всего, было пуленепробиваемое стекло.

Она сунула руки в карманы, правой рукой нашупала рукоятку «люгера». Камера не отводила от нее объектива. Когда она подошла поближе к окну, камера чуть повернулась, чтобы держать ее в центре обзора. Тихое жужжание показало, что она постоянно держит ее в фокусе. Наконец, отбросив предосторожности, она пригнулась и заглянула в окно.

Ожил селектор. Сквозь треск послышалось:

— Назовите себя и покажите вашу печать.

* * *

Там, прямо над головами людей, перед толпой стоял тот, кого Рэйфорд знал как Михаила. Он был одет так же, как и Хaim, хотя

ростом был выше. Он воздел обе руки, и такая тишина опустилась на толпу израильтян, что каждый услышал его, хотя говорил он словно бы и не повышая голоса. Рэйфорд стоял далеко на краю толпы и все же слышал его так, будто Михаил находился прямо рядом с ним.

Если толпа ощущала то же, что и Рэйфорд, то чувство это можно было назвать священным спокойствием.

— Не страшитесь, дети Авраама, — заговорил Михаил. — Я — щит ваш. Не бойтесь, ибо Господь услышал ваш голос. Он говорит вам: «Я Господь, Бог Авраама и Исаака. Не бойся! Ибо Я с тобой и благословлю тебя».

Смотрите, Господь Бог ваш положил землю перед вами — идите же и возьмите ее, ибо Господь Бог отцов ваших сказал — не бойтесь и падайте духом. Слушай, Израиль! Вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими и спасти вас¹.

Да пребудет мир с вами, не страшитесь, ибо вы не умрете. Не сходите с пути Господнего, но служите Господу всем сердцем своим. Бог праотцев ваших сказал: «Вечно будете вкушать хлеб за столом Моим». Не страшитесь, ибо тех, кто с нами, больше, чем тех, кто с ними.

¹ Книга Второзаконие.

Нет вам нужды сражаться в этой битве — укрепитесь духом, будьте спокойны и узрите спасение от Господа, что пребудет с вами, Иуда и Иерусалим! Господь вас услышит и поразит их, ибо они не боятся имени Его. Говорите им из бесстрашного сердца своего — будьте сильны, не страшитесь, смотрите, ваш Господь идет с отмщением, даже Господь с воздаянием, Он придет и спасет вас.

Михаил спустился вниз и пошел среди толпы, а люди пятались и провожали его взглядами. А он все продолжал воодушевлять людей:

— Ибо Господь Бог ваш будет держать вас за правую руку, говоря вам: не страшись, Я помогаю тебе, народ Израиля. Так говорит Владыка и Искупитель, Единый Господь Израиля.

Так говорит Господь и Создатель твой, о Израиль! Не страшись, ибо Я искупил тебя, Я нарек тебе имя, ты — Мой. Все будет хорошо. Радуйтесь и ликуйте, ибо Господь свершит великое. Даже волосы на вашей голове сочтены. Не бойтесь же — вы ценнее множества воробьев.

Господь Бог говорит — не бойтесь, ибо Я — первый и Я же последний. Стойте же твердо, остаток Израиля. Не бойтесь! Не бойтесь! Не бойтесь!

Толпа подхватила слова, скандируя все громче и громче, а Михаил прокладывал путь к краю толпы, навстречу быстро приближавшемуся среднему облаку пустынной

пыли. Он встал, стиснув хламиду на груди, подняв голову навстречу приближающемуся воинству врага, и тысячи людей у него за спиной стояли так же.

Рэйфорд и Бизон, Абдулла и Хаим поспешили спуститься и присоединиться к толпе за спиной Михаила. Рэйфорд не знал, что сейчас чувствуют остальные, но сам он совершенно не ощущал страха. Никогда он еще не был так уверен в Господе.

* * *

У Хлои пересохло в горле — но они увидели ее печать!

— Если вы видите, — прохрипела она, — то зачем же вам объяснения?

— Назовите себя.

— Да что вам еще надо, кроме того, что я ваша сестра во Христе?

— Как вам удалось пережить радиацию? У вас защита свыше?

— Я отвечу только тогда, когда увижу, что вы мои братья и сестры.

— Докажите нам, что вы не радиоактивны, и мы впустим вас.

— Я должна знать, нет ли среди вас врагов.

— Мы все верующие. Не карпатианцы, не эмэсовцы.

— Радиация — это маскировка, которую придумали иегудайты. — Хлоя перешла Руби-

кон. Отступать было некуда. Еще пара слов — и она выдаст убежище и своих товарищей.

— Зачем?

— Догадайтесь.

— Ты одна, сестра?

— В смысле...

— С тобой сейчас кто-нибудь есть?

— Нет.

Повисла долгая пауза. Камера продолжала держать ее в поле зрения, в пустой комнате зажегся свет. На полу лежал драный серый ковер с коротким ворсом. В стену была встроена зеленая столешница и три плексигласовых операционных окошка, давно уже не использующихся.

В дальнем углу медленно приоткрылась дверь, и вошел чернокожий мужчина. Босой, в брюках без ремня и белой футболке без рукавов. Ему было на вид около тридцати лет. Мускулистый, он осторожно ступил на ковер, остановился прямо под светильником. Он не улыбался, но и не хмурился. Хлоя прочла в его глазах любопытство, надежду, возможно, изумление. Он поманил ее поближе к окну, и она наклонилась так, что их лица оказались на расстоянии нескольких дюймов. На лице его расцвела широкая улыбка.

— Привет тебе, сестра! — крикнул он, и она увидела на его лбу печать Господа.

Он поспешил к двери и позвал остальных. Вышла чернокожая девушка, наверное, ровесница Хлои. Она была в шортах, носках и большой, не по размеру, мужской рубашке.

Хлоя чувствовала себя как животное в вольере зоопарка. Появились две латиноамериканки средних лет — одна крупная, тощая, вторая худенькая и невысокая.

— С тобой все в порядке? — крикнула чернокожая девушка. — Ты давно наружу?

— Почти час. Но я раньше выходила. Много раз.

— И с тобой все в порядке?

Хлоя улыбнулась:

— В порядке! Я не заразная!

— Впустите ее!

— Да, пусть войдет!

— Приведите Эноха! Пусть он решит!

* * *

Как заметил Рэйфорд, впереди каждой из трех мощных колонн эмэсовских батальонов шли танки, дробя камни, перемешивая грязь и песок, подпрыгивая и покачиваясь на неровной почве. За ними, в облаке пыли, судя по тому, что он увидел с воздуха, ехали ракетные установки. Затем пушки, БМП, грузовики, джипы с вооруженными солдатами, затем машины поменьше.

Рэйфорд прикинул их скорость — около тридцати пяти миль в час. Он предположил, что вскоре все они остановятся в точках, где поражающая сила их оружия будет максимальной. Они были уже на расстоянии полу-

мили, но и не думали останавливаться. Четверть мили. Они просто на полной скорости мчались на безоружных людей.

У Рэйфорда похолодело внутри. Он-то думал, что все остальные силы операции «Орел» просто будут стоять за спиной Михаила. Но вдруг информация устарела? Вдруг Альби, или Мак, или кто-то еще раздали им оружие и они будут отвечать на огонь или, что хуже, спровоцируют их?

Ему хотелось схватить телефон и радио и подтвердить, чтобы его люди стояли, где стоят, и не брались за оружие. Но сейчас эмэсовцы были почти рядом. Рев моторов эхом отдавался в скалах, повсюду поднималась пыль. Но ни одна из сторон не открывала огня. Наконец, Рэйфорд пригнулся и повернулся, прикрывая рукой глаза от пыли. Ему хотелось убедиться, что никто из его людей не начал стрелять. Насколько ему было видно, и израильтяне, и участники операции «Орел» стояли спокойно, веря в защиту Господа.

Рэйфорд едва сумел сдержать улыбку. В своем гуманизме он допускал, что через пару секунд окажется на небесах, но инстинкт самосохранения побуждал защищаться. Но обещание Господа по-прежнему звучало у него в ушах. Он лишь покачал головой при виде самонадеянного безумия Карпати. Конечно, этому трезубцу из трех колонн было приказано не стрелять, пока по ним не откроют огонь, и потому они намеревались смять израильтян гусеницами танков!

Сейчас до них оставалось около сотни футов, и все же Рэйфорд не слышал сзади ни единого звука, ни единого крика не сорвалось с губ. Этот потоп из пасти змия натолкнется на незримую стену или будет смыт стеной воды, которая явится из ниоткуда, или израильяне и их заступники окажутся настолько эфирными, что оружие пройдет сквозь них, не причинив им ни малейшего вреда.

Десять футов до эпицентра — и тут вдруг вся толпа людей Божиих пала на колени и закрыла уши от раскатов грома — словно гора рухнула. И вокруг людской толпы, прямо под ногами у тех, кто стоял впереди по всем краям, земля раскололась и просела на расстоянии мили во все стороны от Петры.

Эхо от звука трескающейся земли было таким же громоподобным, как и сам звук разрыва. Перепутанные солдаты в панике подняли стрельбу. От встрыски танки и пушки стреляли, ракеты вставали дыбом и падали на валявшихся в пропасть солдат. Из огромной расселины поднимались клубы дыма и огня, словно из чрева преисподней. Рев моторов, вращавших в воздухе гусеницы или колеса, не мог перекрыть воплей солдат, которые были в каких-то секундах от торжества над беззащитным врагом, а теперь летели в бездну навстречу гибели.

Рэйфорд и все вокруг него были вынуждены отнять руки от ушей, чтобы как-то удерживать равновесие, но, даже упав на колени, они все равно шатались от шока. Как

будто сама земля ходила ходуном, закрывая свою рану. Стены провала сомкнулись, словно воды Красного моря тысячи лет назад, и подвижный каменистый грунт вдруг снова стал прочным. Пыль улеглась, и вокруг простиралась тишина.

Михаил исчез. Хаим медленно поднялся и обратился к людям:

— Пока вы стоите, коленопреклоненные, поблагодарите вашего Бога и Создателя, Бога Авраама, Исаака и Иакова. Возблагодарите Его, Того, Кто восседает над небом и землей, превыше Коего никого нет. Возблагодарите Того, Который неизменен и верен Своим обещаниям. Воздайте хвалу Господу Израилю! Славьте Отца и Сына и Святого Духа!

* * *

Энох оказался белым латиноамериканцем — имя совершенно не подходило ему. Он прижимал к себе дешевую Библию в твердом переплете, какие можно найти в отеле или на церковной скамье. Одет он тоже был странно — в дорогие ботинки без шнурков и носков, штаны цвета хаки и майку без рукавов. Наверное, подумала Хлоя, эти люди распотрошили какой-нибудь склад Армии спасения.

Энох переговорил с остальными, затем позвал Хлою за угол, к главному входу, где

она ждала, пока он открыл все замки. Наконец, внутренняя дверь отворилась, и Энох вышел в маленький вестибюль, чтобы открыть переднюю дверь.

— У нас ограниченные запасы еды, — сказал он, придержав для нее дверь.

— Я не ищу еду, — сказала она. — Меня просто привлек свет.

— Мы думали, что, кроме нас, в городе никого не осталось, — сказал он. — Мы остали камеру на всякий случай, но через несколько дней думали и ее отключить, чтобы экономить энергию.

— У меня куча вопросов, — сказала Хлоя.

— У нас тоже.

— Боюсь, многое я не смогу рассказать. И я пойму, если и вы не захотите рассказывать всего.

— Нам нечего скрывать, — сказал Энох.

— Что это за место?

— Прежде тут был валютный обменник. Но он примыкает к цоколю заброшенного старого банка. Поскольку они сообщаются, мы решили, что будет безопаснее большую часть времени проводить под землей, тем более что хранилище открыто. Комбинацию замка мы так и не нашли. Так что все равно закрыть его не можем, но некоторые предпочитают спать там.

Энох провел Хлою через вестибюль старого обменника, где все любопытствующие, что рассматривали ее через окно, робко приветствовали ее и просто смотрели. Прямо за

дверью в зале находилось огромное хранилище с открытым входом, и она предположила, что это был один из старейших банков города. Ни одному обменнику, даже в Чикаго, не нужно было такое хранилище.

— И сколько вас здесь? — спросила Хлоя.

— По состоянию на эту ночь — тридцать один.

— Вы шутите.

Энох склонил голову набок и улыбнулся:

— Почему нет?

— Но что вы тут делаете? Как вы сюда попали?

— Что же, — сказал он, открывая дверь, ведущую в цокольное помещение с высокими колоннами, — мне кажется, что мы с моими друзьями хотели бы то же самое спросить у вас.

Она вошла навстречу любопытным и настороженным взглядам.

* * *

Рэйфорд говорил по радио с участниками операции «Орел».

— Давайте прибавим ходу, ребята. Я хочу, чтобы вертолеты непрерывно доставляли людей внутрь Петры. Стройматериалы и всяческое прочее перебрасываем по воздуху или везем на машинах. Я думаю, Карпати сильно ошибся, решив использовать нашу поло-

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

су в Мицпе-Рамон вместо того, чтобы уничтожить ее. Можем воспользоваться ею для взлета и вернуться по домам прежде, чем он поймет, что тут произошло. Докладывать ему некому, так что пока ему придется предположить, что просто прервалась радиосвязь.

Когда Михей окажется внутри, наша миссия будет выполнена. Всем пока и удачи.

Рэйфорд отключил радио и вызвал на телефонную конференцию всех членов отряда Скорби, старых и новых, находившихся среди толпы.

— Готовимся к полету домой и отправке Циона. У него здесь назначена речь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Хлоя сидела на дешевом раскладном металлическом стуле. Ее окружала полная любопытства пестрая группа людей лет двадцати—тридцати. У нее было много вопросов, но они настояли, что сначала будут спрашивать они. Люди явно были искренне верующими, но она все равно молилась про себя, прося Господа о мире в душе, когда рассказывала им об отряде Скорби.

— Никто из вас не выходил наружу с самого момента бомбардировки города? — спросила она.

Они покачали головами. Энох направлял разговор.

— Если бы мы знали, что это безопасно, то все бы выходили погулять перед рассветом. Теперь расскажите нам побольше.

Хлоя глубоко вздохнула.

— Вы готовы поручиться за каждого в этой комнате, Энох?

— Проверьте наши печати, — ответил тот.

Хлоя знала, что это не нужно. Она приберегла два самых ошарашивающих сообщения на закуску.

— Духовный наставник, о котором я вам говорила, еврей. Он прежде был раббином. Это доктор Цион Бен-Иегуда.

Все вокруг сидели, пораженные ее словами, многие улыбались, другие качали головами.

Наконец, одна латиноамериканка сказала:

— Бен-Иегуда находится в Чикаго?

Она кивнула.

— А меня зовут Хлоя Стил Уильямс.

Энох подался к ней, весь дрожа.

— А мы все умираем с голода, — сказал он, и все рассмеялись.

— По вас это видно, — ответила она. — Чем же вы питаетесь?

— Консервами и сухим пайком. Мы их растягиваем как можем, но они все равно на исходе. Если доктор Бен-Иегуда прав и нам осталось жить еще три с половиной года, то мы точно не протянем. Может, взаимопомощь...

— Пошлите со мной двоих, и я дам им продуктов на месяц. А потом мы придумаем, как вы сможете помочь обществу взаимопомощи, и начнем обмен провизией и прочими припасами.

Несколько человек встали, вызвавшись пойти с ней.

— Мы хотим еще странствовать по миру, — сказал Энох, — помогать другим, рассказывать им правду. Нам так не хватало такой возможности.

— Мы со временем сможем это устроить, — сказала она. — А теперь расскажите мне о себе.

* * *

Ласлос Миклос привык к богатой жизни — до исчезновений он владел процветающим бизнесом по добыче бурого угля в Птолемаиде в Греции. Но когда он и его жена уверовали в Христа, сотни принадлежащих ему грузовиков и десятки зданий стали передовой линией для подпольной греческой церкви, самой крупной в Соединенных Карпатианских Штатах.

Греческие последователи Иисуса ходили по лезвию ножа. Но сейчас, казалось, Николае Карпати был занят созданием видимости благолепия и тишины в регионе, названном в его честь, и потому оставил в покое инакомыслящих. Ласлос не считал, что в результате он и его товарищи по вере слишком рас slabились, но каким-то образом одно из мест их тайных встреч было раскрыто, кое-кого схватили, и самое крупное собрание накрыли. Многие погибли мученической смертью, остальные скрылись.

Жена Ласлоса погибла на гильотине, как и его пастырь с супругой, а также многие взрослые и подростки. Он не был на встрече в ночь того налета, и теперь его не отпускало ощущение вины. Но что он мог сделать тогда? Хотя он по-прежнему ощущал, что его жизнь направляет рука Господня, он не чувствовал, чтобы Всевышний обвинял его. Ласлос был самым выдающимся человеком среди тех, кто сумел спастись. Он сразу же ушел в подполье и скрывался теперь к северу от города.

Он боялся, что убежище, хоть каким-то образом связанное с его бизнесом, легко вычислят. Но он знал одну давно заброшенную свалку среди холмов мусора, грунта, щебня и обломков цемента. При помощи верных друзей он выкопал себе укрытие глубоко под землей, где и спал днем. Там едва хватало места для койки, водопроводной трубы и небольшого телевизора. Глухой ночью, когда стены словно смыкались вокруг него, он тайком выбирался наружу, чтобы связаться с другими верующими — отчаянными головами, — которые, в свою очередь, выходили на связь с подпольной сетью Международного общества взаимопомощи, откуда они получали провизию и прочие необходимые вещи.

Эти краткие встречи под страхом смерти постепенно возродили какое-то подобие прежней подпольной церкви, в которой прежде так бурлила жизнь. Ласлос и его друзья делились друг с другом всем, что узнавали об остатках выжившей церкви, и распространя-

няли эти драгоценные сведения среди своих. Те немногие, у кого были беспроводные компьютеры и достаточно энергии, скачивали и распечатывали ежедневные послания Циона Бен-Иегуды и журнал Бизона «Истина». Для Ласлоса это было драгоценнее воды и пищи.

Приземистый, грузный пятидесятишестилетний вдовец сохранил крепкую мускулатуру еще с тех дней, когда сам работал на шахте. Теперь он оставался ночью вне убежища сколько мог, передвигаясь по закоулкам и боковым улицам. Не раз он молил Бога, чтобы заснуть и проснуться уже на небесах, встретиться с женой и теми, кого любил.

Раз поздним утром его разбудили шаги по гравию над его убежищем. Тихо, насколько это возможно для человека его лет и сложения, Ласлос подвинулся к краю постели и соскользнул на пол на четвереньки. Он с трудом прополз несколько футов до того места, откуда смог дотянуться до оружия — классического револьвера, из которого он ни разу в жизни не стрелял даже в тире. Однако он был заряжен и, как надеялся Ласлос, был в рабочем состоянии. Всю свою жизнь Ласлос был человеком мирным, но теперь он, уже не задумываясь, выстрелил бы в миротворца МС или блестителя морального духа, если бы те угрожали ему или еще кому-нибудь из верующих.

Пыль плясала в лучах солнца, проникавшего в щели в двери наверху и освещавшего

непрочные деревянные ступеньки, уходящие вниз. Дверь находилась вровень с землей и была присыпана сверху щебнем для маскировки. Ласлос стоял у нижней ступеньки, изогнув шею и глядя на внутреннюю сторону двери. Он направил в ту сторону револьвер и затаил дыхание. Теперь кто-то ходил по самой двери, осторожно, словно на ощупь пробовал разницу между металлической поверхностью с неподвижными, приклеенными камнями и утоптаным, но сыпучим щебнем на обычной земле.

Ласлос взялся за лестницу свободной рукой и медленно стал подниматься вверх, прислушиваясь к шагам незваного гостя, чтобы выяснить, один он или нет. Кровь шумела в ушах. Когда он оказался в нескольких дюймах от двери, он наклонился, чтобы посмотреть в «глазок», который с внешней стороны видно не было. Он увидел в ракурсе снизу вверх какого-то подростка, с голыми до плеч руками. На нем не было ни униформы, ни беджа. Он был безоружен.

Внезапно мальчик сел на корточки, словно рассматривая дверь.

— Господин Миклос? — прошептал он.

Ласлосу прокручивал в голове бесчисленные варианты. Если этот парнишка — эмэсовец, то, значит, его обнаружили. Он может сделать вид, что попался на обман, открыть парню дверь и всадить ему пулю промеж глаз. Но если парнишка действительно верующий и направил его сюда один из дру-

зей Ласлоса, то, получается, он наградит пулей за глупость собственного соратника. Как бы то ни было, паренек был уверен, что Ласлос находится здесь, и он был прав.

Он не мог рисковать и не мог убить своего брата по вере просто так.

— Кто здесь? — по-гречески отозвался Ласлос.

Мальчик упал на четвереньки, словно лишился сил.

— Господин Миклос! — задыхаясь, отчаянно зашептал он. — Я Марсель Пападопулос! Мои родители...

— Тсс! — перебил его Ласлос, отвел в сторону пистолет и бросил его на койку. Отодвинул засовы и, крякнув, открыл двери. — Ты один?

— Да!

— Быстро.

Мальчик повернулся и проворно спустился вниз. Ласлос вернулся, чтобы снова задвинуть засовы. Когда он вернулся, мальчик сидел в углу, подняв колени. Даже в тусклом свете подземного убежища было ясно видно печать у него на лбу.

Ласлос сел на койку, увидел, что пистолета нет. Как можно быть таким дураком?

— Конечно же, я знал твоих родителей, — осторожно начал он. — Мы с тобой тоже знакомы, не так ли?

— Вообще-то нет, — ответил Марсель. — Я ходил в другой молельный дом, не с родителями.

На самом деле Ласлос видел порой этого мальчика с родителями, он был в этом уверен.

— Ты думал, я не замечу, что ты взял мой муляж пистолета?

— Ой, извините! Я просто рассматривал его! — Он протянул пистолет, и Ласлос выхватил его из руки мальчика. — Он выглядит совсем как настоящий, и в руке такой настоящий. Это правда муляж?

— Неправда. Интересно, как ты сумел выжить на улице, будучи таким дураком? С чего ты взял, что я сейчас просто не пристрелю тебя?

— Я не знаю. Я вообще ни о чем не думал.

— Кто тебя прислал?

— Беззубый старикан, у которого машина есть. Он называет себя господин К.

— Я ему шею сверну.

— Не надо его ругать, господин Миклос, пожалуйста. Он предупреждал, чтобы я не приходил сюда днем, но мне просто некуда было деться. Сейчас эмэсовцев тут мало, всех отзвали в Израиль, но они уже возвращаются, и для тех, у кого нет клейма Карпати, спокойные времена прошли. Я видел, как на улицах хватают людей.

— Твои родители были с отцом Деметрием и?..

— Да. Я тоже. Но тот верующий, который внедрился в МС, обвинил меня, что я американец, и вытащил меня оттуда, затем отпустил. Я назвал ему имена родителей и с тех пор молюсь, чтобы он вытащил и моих ро-

дителей. Но я понимаю, что, если бы он спас их, они нашли бы меня.

— Ему не удалось их спасти. Мы знаем, кто он такой, Марсель. Он также сумел спасти еще одну молодую женщину.

— Я видел ее! Высокая, с темными волосами. Георгиана или как-то там. Но она не из нашей общины. Он нашел ее по пути к одному из пунктов взаимопомощи. С ней случилось то же, что и со мной. Как этот человек сумел это сделать?

Ласлос тяжело вздохнул:

— Честно говоря, он с тобой сильно ошибся. Он называл тебя другим именем.

— Ну да, я назвал ему единственное имя, которое знал из тамошних. Пауло Гантер.

— Короче, этот якобы эмэсовец сказал тюремному начальству, что ты Пауло и что он депортирует тебя в Соединенные Североамериканские Штаты. Но когда Гантер получил клеймо верности, его документы проверили, и быстро стало понятно, что из тюрьмы ускользнул какой-то другой человек. Методом исключения они вычислили твое имя. Видимо, такую же штуку он провернул с девушкой. Может, у вас и нет тех печатей, которые видны им, но вы приметные молодые люди. По счастью, ваш освободитель исчез прежде, чем они поняли, что он сделал.

— Как мне хотелось бы отблагодарить этого человека! Он американец.

— Я знаю, — сказал Ласлос. — Я с ним знаком.

— Я могу отправить ему письмо?

— Это можно устроить.

Мальчик вздохнул, и плечи его поникли.

— Что мне теперь делать, господин Миклос? У меня никаких идей.

— Ты видишь, что для тебя тут места нет.

— Мы можем выкопать землянку побольше.

— Мы? Давай не будем забегать вперед, сынок. Так жить нельзя. Тебе нужна новая внешность, новые документы, ты должен любой ценой держаться подальше от глаз эмэсовцев.

* * *

Рэйфорд приказал найти среди израильтян людей, разбирающихся в компьютерах.

— Скажите им, что, как только они установят компьютеры в Петре, наш человек в Новом Вавилоне выйдет с ним на непосредственную и постоянную связь и будет выдавать информацию насчет того, как построить здесь сеть и запустить ее.

Альби, Мак и Джордж вместе с десятками остальных снова возобновили вертолетные рейсы, раз за разом перевозя в Петру израильских верных. Хаим уединился, готовя обращение ко всему населению, когда все люди устроятся на новом месте. Бизон на время взял на себя обязанности, которые

обычно выполнял Давид, — организацию доставки к месту строительных материалов и прочих необходимых вещей, чтобы строители и отделочники могли приступить к работе. Волонтеры уже раздавали одеяла и помогали людям устроиться.

Рэйфорд был просто потрясен поведением израильтян. Может, из-за своей веры, может, из-за явленного им чуда, может, просто от новизны всего происходящего они демонстрировали такую слаженность и взаимопомощь, каких Рэйфорд в жизни не видел. С учетом того, что они были оторваны от родной земли, стали мишенью всемирной империи зла он не удивился бы, если бы заметил какие-нибудь проявление нетерпимости или агрессии.

Рэйфорд отправил Абдуллу через пустыню на самом мощном четырехприводном автомобиле, который они только сумели найти, чтобы тот встретился со своим человеком из общества взаимопомощи в Иордании. Человек должен был пригнать реактивный самолет большой дальности, достаточно вместительный, чтобы взять на борт всех, кто возвращался в Чикаго. Взамен парень просил, чтобы его подбросили по дороге до Крита и забрали, когда будут возвращаться обратно.

Рэйфорд подумал, что, пользуясь случаем, они могли бы остановиться в Греции и посмотреть, как дела у их братьев и сестер. Беда была в том, что безупречные бумаги оставались только у Альби. Во время одного из своих полетов до Петры Рэйфорд позвонил Лукасу Миклосу.

* * *

На своем мониторе Чань увидел, что его жучок на борту «Феникса-216» включился. Он не мог дождаться конца рабочего дня, чтобы вернуться к себе и посмотреть, что же там записалось. Он подключился к каналу новостей Си-эн-эн МС и узнал, что Карпати уже на пути в Новый Вавилон. Заметая следы, Чань взломал закодированный график внезапных инспекций личных компьютеров работников МС. Код был настолько элементарен, что он даже рассмеялся вслух. Увидел, что он третий по списку, стало быть, «внезапный» визит ожидается примерно в 20:00 сегодня вечером.

Внезапно на экране вспыхнуло сообщение из кабинета Фигейроа, и на какое-то мгновение Чань решил было, что попался по глупости, используя офисный компьютер для непредусмотренных целей. Он замер следы, быстро набрав кучу кодов, и ответил Фигейроа, что идет.

Чань торопился в кабинет, который прежде принадлежал Давиду Хассиду. Фигейроа за несколько часов после переезда переставил мебель и произвел косметический ремонт, и теперь расхаживал по кабинету так, словно был самим потентатом Мирового Сообщества.

— Садись, Вонг, — сказал он. — Сигару?

— Сигару? Разве я похож на курильщика? И разве во всем комплексе вообще курить не запрещено?

— У себя в кабинете я хозяин, — ответил Фигейроа, прикуривая. Тиффани, которая была также и ассистенткой Хассида, быстро выглянула из-за перегородки и поморщилась. Покачав головой, она вышла из-за стола и резко включила вытяжку на стене между ее отсеком и кабинетом Фигейроа. Заработал вентилятор, голубоватый дымок потянулся к потолку. — Мне нравится, когда она так делает, — сказал директор, но Чаню показалось, что он растерян.

Фигейроа развалился в кресле и положил ноги на угол стола. Наверное, он плохо рассчитал позу, поскольку, когда он отнял сигару ото рта, его нога соскользнула со стола, центр тяжести сместился, ботинки стукнули о пол и он чуть не вылетел из кресла. По ходу дела он уронил сигару и был вынужден вскочить, чтобы не обжечься.

Он поднял ее и стряхнул с кресла пепел, лизнул палец, ожегшись о горячий пепел. Чань изо всех сил сохранял безучастный вид, пока Фигейроа приглаживался. Он сунул обслонявленный кончик сигары в рот и снова сел. Опять развалился было в кресле, но теперь передумал класть ноги на стол и просто закинул ногу на ногу. Это опять смешило его равновесие, а он явно еще не знал, как регулировать наклон кресла, поскольку оно вдруг качнулось назад, и Фигейроа хотя из кресла и не вылетел, но ноги его повисли в воздухе.

Фигейроа попытался чуть податься вперед, но поскольку это ему не удалось, сделал

вид, будто так и задумывалось. Он вынул изо рта сигару и оперся локтем на подлокотник кресла, выпустив к потолку клуб дыма и в то же время пытаясь встретиться взглядом с Чанем.

— Итак, — начал он, пытаясь держать голову прямо и напрягая для этого шею. Уронил голову, словно бы искал на потолке слова, которые собирался произнести, и чуть не кувыркнулся. Он быстро снова сунул в рот сигару, схватился за оба подлокотника так, что костяшки пальцев побелели, и рывком поднялся. Подался вперед, следя за равновесием.

— Я... э-э-э, слишком поспешил, сказав, что тебя освобождают от допроса, — сказал он.

Чань сделал вид обиженного подростка.

— Как это? Я думал, тут вы командуете!

— Командую. Это точно. Но мне придется отвечать, возможно, перед самим потентатом — ну, ты понимаешь, — если я сделаю исключение хоть для кого-нибудь, особенно в моем собственном департаменте.

— Значит, вы берете слово назад.

— Ну, я его и не давал в общем-то.

— Нет, вы так и сказали, и, похоже, ваше слово ничего не стоит.

— Стоит, конечно же, но тут придется пойти на попятный. Буду тебе обязан.

— Да ничего. Забейте.

— Нет-нет, я хочу, чтобы ты знал — я человек слова. Вот что я тебе скажу — я сам буду проводить испытание на полиграфе.

— Значит, полиграф?

— Ну, не совсем. Считай, что я все тебе рассказал.

— Отлично.

— Ты хороший парень, Вонг.

— Да, я крутой.

— Да нет, правда.

Чань поджал губы и отвел взгляд, качая головой.

— Я стараюсь стать тебе другом, — сказал Фигейроа.

Чань снова посмотрел на него:

— Другом? Но зачем?

— Ты меня интересуешь, вот и все.

— О нет! Вы же не...

— Вонг! Я женатый человек!

— Слава богу.

— Нет, мне нравятся здесь все, меня интересуют твои умения и таланты.

— Которые пропадают без дела, пока я тут сижу.

— Не щетинься, Вонг. Я же могу сделать для тебя доброе дело.

— Да в даже слово свое сдержать не можете!

— Эй, это уже лишнее!

— Ну да, — отгрызнулся Чань. — В чем дело-то? Было бы лишним, если бы было не-правдой.

— Ладно, ты почти прав. Только ты опасно близок к нарушению субординации, и если тебе на это наплевать, то я, как твой начальник, должен позаботиться о твоей судьбе.

— Что, уволите, если буду вести себя плохо?

Фигейроа выпустил три клуба дыма и смерил его взглядом.

— Нет. Но я уволю тебя, если ты не скажешь, как угадал мое имя.

— Я уже сказал вам — угадал, и все.

— Честно говоря, — продолжал Фигейроа, не слушая, — я не могу себе представить, как это можно было узнать.

— Вот и я тоже не представляю. Вы же могли соврать, и я никогда бы и не узнал, что вас действительно так зовут.

— Теперь понимаешь? Я просто восхищаюсь твоим мышлением. Оно интуитивно.

— Ну, прямо так...

— Нет, знаешь почему? Я начал думать о своем личном файле — я не помню, называли ли я им свое полное имя? Знаешь, что я сделал? А? Я сам его проверил. Нет этого имени там!

— Надо же!

— Значит, ты и правда угадал.

— Ого! Я крут!

— Ты крут.

— Теперь я могу вернуться к работе?

— При одном условии.

— Слушаю.

— Обещай, что никому не расскажешь о том, что я говорил тебе, что могу решить твою судьбу или уволить тебя, в общем, ничего не говори.

— Уже все забыл.

— Хороший мальчик. Ведь я знаю твоего отца, и ты знаешь, кто шутить не любит и...

— Я уже все забыл.

— Хочешь быть главой проекта, группы, чего-нибудь?

— Я просто к работе хочу вернуться.

— Честно сказано.

* * *

— Три с половиной года назад тут было что-то вроде церковной общины, — сказал Энох. — Некоторые из нас... — Он обернулся к группе: — Сколько из вас были в этой церкви хотя бы раз? — С полдесятка человек подняли руки. — Остальные видели флаеры, читали брошюры о ней. У нас ведь до сих пор они остались, правда?

Кое-кто пошел за ними.

— Они простые, вроде обычный листок бумаги, сложенный пополам, и на всех четырех сторонах напечатан текст черным по белому.

Кто-то протянул Хлое такой листок. На заглавной странице было напечатано «Плэйс»¹. Внутри говорилось: «Иисус любит

¹ «Плэйс министри» — программа, направленная на то, чтобы помочь членам церкви понять свои взаимоотношения с Богом и научиться использовать свой духовный дар для помощи остальным. Начата в 1997 г.

сутенеров, шлюх, чокнутых, пьяниц, игро-
манов, наркоманов, одиноких мамаш и без-
отцовщин».

На другой странице рассказывалось, кто организовал людей «Плэйс» — по большей части эти организаторы прежде были как раз такими, как говорилось на первой странице.

«Мы разговариваем о Библии, о том, что в ней говорится об Иисусе и вас. Приходите такими, какие вы есть. Адрес и время собра-
ний указаны на обороте».

Хлоя посмотрела на обороте. Кроме адреса и времени собраний там указывалось: «Еда, одежда, кров, работа, советы». Она подняла взгляд на Эноха. Он покраснел. Все в комнате заулыбались.

Энох взял брошюру и повернулся к своим людям. Он зачитал список тех, кого любит Иисус, один пункт за другим, останавливаясь каждый раз, когда поднимались руки. Все подняли руки как минимум по разу, некоторые много раз и всегда улыбались во весь рот. Энох тщательно сложил брошюрку, многозначительно посмотрел на Хлою и встал. У него задрожали губы, и слезы побежали по щекам. Он показал на собравшихся и прошептал:

— Такими были некоторые из вас.

Они кивали и отвечали: «Аминь».

— Но вы омыты...

— Аминь, аллилуйя!

— Вы очищены от грехов...

— Хвала Иисусу!

— Но вы оправданы именем Господа нашего Иисуса и Духа Святого.

Они встали, подняв руки, и запели:

— О, благодать, спасен тобой

Я из пучины бед;

Был мертв и чудом стал живой,

Был слеп и вижу свет¹.

* * *

— Рэйфорд, друг мой, как вы? — воскликнул Ласлос. — Вы не поверите, кто рядом со мной. Кэмерон здесь?

— Сейчас, увы, недоступен. Так кто рядом с вами?

Когда Ласлос рассказал ему, Рэйфорд ответил:

— Я позвоню Бизону. Он как раз интересовался, что случилось с этими ребятами.

— Марсель говорит, что Георгиана тоже в бегах. Словно сам Господь сподвигнул вас позвонить. Вы должны забрать этих детишек и вывезти их отсюда.

— Сейчас везде опасно, Ласлос.

— Но у вас есть убежище! У ваших людей есть возможность менять внешность и

¹ «О, благодать», всемирно известный под своим английским названием Amazing Grace (букв. «Изумительная благодать») — христианский гимн XIX в., написанный английским поэтом и священнослужителем Джоном Ньютоном (1725—1807).

документы! А мы тут буквально на волосок от смерти!

Рэйфорд помедлил.

— Мы делаем остановку на Крите. Если вы сумеете каким-нибудь образом доставить их туда...

— Капитан Стил, вы не видели океанов! Воды в них больше нет. Вообще. Может, мы как-нибудь доставим их в аэропорт, в который ваши люди прилетали последний раз? Это рискованно, но мы могли бы...

— Это станет для нас смертельной ловушкой, Ласлос. Мы полетим почти полным составом.

— Но ведь должен быть какой-нибудь способ? Хоть какой-то!

— Дайте мне это обмозговать, — сказал Рэйфорд.

— Я не понял — что такое «обмозговать»?

— Это значит — я подумаю об этом.

* * *

— Почти у всех нас одна и та же история, — говорил Энох Хлое. — Вся наша жизнь проходила на этих улицах, среди одних и тех же соседей. Многие из нас в детстве имели что-то типа религии, но потом мы далеко от этого ушли. Более половины из нас отсидели, да и все остальные были кандидатами на отсид-

ку. Для нас не существовало границы между законом и беззаконием. Все, что мы делали, мы называли выживанием.

Многие из нас видели это место и знали, что тут происходит что-то такое, типа церковных дел. Но больше всего нас удивляли те, кто приходил сюда. Это были люди всех цветов кожи и наций. Мы все видели эту брошюруку, и, хотя еще не признавались себе, она нас как-то зацепила, понимаете? Такое прямо обращение, словно в лицо сказали, все называется своими именами. Когда ты уже совсем на дне и не знаешь вечером, что с тобой будет утром, начинаешь задумываться — а есть ли надежда вообще, или ты уже совсем конченый человек? Вспоминаешь себя ребенком, вспоминаешь, что в тебе еще осталось хоть что-то неиспорченное, и задумываешься — что же случилось с тем, кем ты был раньше?

Любой из этих людей скажет, что они приходили сюда раз или два, чтобы посмотреть, работает ли эта система вообще, и получить себе что-нибудь задаром. А иногда приходили действительно честно, даже отсиживали пару-другую встреч. Но все мы, даже те, кто никогда не приходил сюда — я, например, — старались держаться поближе к этому месту. И в один из этих дней мы пришли проверить «Плэйс».

Остальное вам известно. Конец мира. Люди исчезают. Мы все кого-нибудь потеряли, а отсюда почти все исчезли. И куда же мы

побежали первым делом? Да вот сюда. Тут повсюду валялась одежда, никто не мог сказать нам, в чем дело. Но эта бедная маленькая церковь должна была получать откуда-то деньги, поскольку они старались записывать все, что делали. Аудио и видео. Вот мы все здесь — два-три десятка никчемных бродяг, женщины, потерявшие детей, — и кто-то из нас находит диски и плеер. Мы быстро поняли правду. Все было здесь.

Многие остались здесь, спали, смотрели, слушали, учились, молились Иисусу — и вдруг внезапно началась Третья мировая. Чикаго сгорел. У нас есть телик и компьютер, подключенный к Сети. Сначала мы услышали, что бомбардировка была не ядерная, затем вторая волна была уже ядерная, и мы ждали, что умрем от радиации. Мы не умерли, но мы боялись испытывать, какая атмосфера там, снаружи. Мы понимали, что если это ядерная бомбардировка, то мы все равно не в безопасности, даже если сидим в цокольном этаже, но все же это безопаснее, чем снаружи. До сих пор мы так думали.

* * *

Рэйфорд позвонил Джорджу и спросил, не хочет ли он выполнить кое-какое задание на обратном пути в Сан-Диего.

— Я думал, вы никогда меня ни о чем не попросите, — произнес он.

Рэйфорд посвятил его в суть дела и сказал:

— Я не смогу снабдить тебя документами прямо сейчас, но если я сумею связаться с нашим человеком в Новом Вавилоне, то прикрытие у тебя будет. Если тебя вздумают проверить, то в системе ты будешь.

— Я смогу отбрехаться, почему при мне нет документов. И вы хотите, чтобы я доставил этих ребятишек в Чикаго?

— Если не готов принять их в Калифорнии.

* * *

Зная о том, что должно случиться вечером, Чань очень хотел связаться с отрядом Скорби. Только после «внезапной» проверки в восемь вечера он сможет внести в базу сведения о Джордже Себастиане, о чем его просил Рэйфорд. И узнать о том, что происходило на борту «Феникса-216» он тоже сможет только после проверки. Он постарался, чтобы к моменту проверки у него был включен канал Си-эн-эн МС, а в руках была книга. Но даже его поразила манера, в которой это все проводилось.

Чань думал, что назначенец Фигейроа — наглый, заносчивый тип, скандинав по имени Ларс — хотя бы постучит в дверь. Но

спустя несколько минут после восьми, когда Чань смотрел трансляцию возвращения в Новый Вавилон Карпати и главных представители его кабинета под приветственные крики встречавшей толпы, он услышал, как кто-то шарит ключом в его дверном замке. Очень вовремя.

Он быстро прибавил громкость и сделал вид, что ничего не слышит, пока они не ворвались к нему. Это было самое лучшее прикрытие. Он читал, смотрел телевизор, даже не думал о своем бесполезном ноутбуке.

Дверь распахнулась, и внутрь вошли два миротворца в форме.

— Мистер Чань Вонг? — спросил один из них.

— Я, — ответил он, вставая. — Разве я не запер дверь?

— Пожалуйста, отключите телевизор и будьте любезны следовать за нами.

— А если не выключу?

— Прошу вас, сэр.

— Спасибо, что разрешаете мне чувствовать себя хозяином в собственном доме.

— Это не ваш дом, мистер Вонг. Это собственность его святейшества потентата, и вы служите ему с его соизволения.

Чань нарочито показательно выключил телевизор и бросил книгу в кресло. Когда он подошел к ним, миротворцы расступились, и один из них объявил:

— Мистер Ла...

Осквернение

— Ларс! — перебил Чань, расплываясь в улыбке, хотя они обычно едва здоровались. — Как поживаешь! Мы знакомы, мы же из одного департамента!

— Мы ждем от вас сотрудничества и сохранения тайны, мистер Вонг, — сказал один из миротворцев.

— Хорошо-хорошо! Что делать-то надо?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Миротворцы спросили, могут ли они обыскать комнату Чаня.

— И что будете искать? — спросил он.

— Обычная рутинна, — ответили ему.

— У меня нет никакой рутинны. Я изучаю новые для меня английские слова, и сейчас самое любимое мое слово — со-о-бра-зитель-ность. Так что это тут у меня повсюду. А никакой рутинны у меня точно нет.

— Забавно. Ваше разрешение нам не требуется, мы просто соблюдаем вежливость.

— Ну да. Я так и понял, что вы ковырялись в замке отмычкой, чтобы я открыл вам дверь.

Пока они обшаривали комнату, Ларс установил мощный ноутбук на маленьком кухонном столе Чаня.

— Я задам тебе пару вопросов, — сказал он.

— Нет, не задашь.

— Кончай умничать, — сказал Ларс. — Это мое задание.

— Будешь задавать вопросы, чтобы найти утечку из дворца и обнаружить крысу?

Ларс побелел.

— Тебя уже допрашивали?

— Нет, просто у меня есть бронь на другого до-зна-ва-те-ля. Еще одно новое слово. Нравится?

— Компьютер! — крикнул другой миротворец. — Похоже, его персональный ноутбук.

— Если бы вы сказали мне, что ищете, я бы сразу показал.

— У тебя только один?

Чаня так и подмывало сказать, что есть и другой, чтобы полюбоваться, как они потом будут его искать, а потом уползут из его комнаты, волоча ноги, но оно того не стоило. Он кивнул.

— С этим покончено, — сказал Ларс.

— Я так рад, что ты зашел, Ларс, — сказал Чань. — У меня все на этом жестком диске — я имею в виду. Вообще все. Может, это тебе это поможет пережить, что твою работу здесь выполнит твой босс, если у тебя этот проект заработает.

— Проект?

— Да я угробил жесткий диск, пытался уже и так и сяк его воскресить.

— Насколько тебе мозгов хватило.

— Именно. Вот потому я и радуюсь так, что ты пришел. Наверное, я что-то упустил,

но даже если это так сложно, то ты уж точно сможешь справиться с проблемой.

— Можешь не сомневаться — справлюсь.

Чань, естественно, не сомневался, что Ларс не справится.

— Не хочу опоздать, Ларс.

— Ну, это ненадолго.

— Я просто хочу сказать, что, может, ты позвонишь мистеру Фигейроа, чтобы он проделал со мной, что намеревался, пока ты будешь восстанавливать мою информацию.

— Ты серьезно?

— Он обещал.

— Почему?

— Сам спроси.

— Он задаст те же вопросы, что и я, и ты будешь отвечать в тот же самый микрофон.

— Только ему я буду отвечать, а тебе — нет.

— Тогда тебя станут подозревать, и тебе это не понравится. Ты слышал, что сегодня случилось с бортпроводниками?

Чаню не нравилось, когда ему задавали вопросы, на которые он не знал ответа.

— Ну, удиви меня.

— Приговорены к смерти.

Это не просто удивило — потрясло Чаня.

— За что?

— За подрывную деятельность. За предательство. Он провалили испытание на детекторе лжи. Они сливали информацию крысе. Реакция на разговоры potentата с его людьми следовала еще до того, как разговор закан-

чивался. — Ларс протянул ему микрофончик, закрепляемый на лацкане. — Надень.

— Для тебя — нет, — сказал Чань.

— Тогда ради Фигейроа.

Чань закрепил микрофон на рубашке, про себя вознося молитву. Насколько он знал, суть была в формулировке вопроса. В его воображении «крыса» была животным, он был человеком. Если вопросы будут слишком специфическими или недвусмысленными, он окажется в опасности.

— Слушай, займись моим компьютером, а? Мне и правда очень хочется снова увидеть все, что я сохранил на этом жестком диске.

— Ты не сделал копию?

Чань покачал головой:

— Не-а. А ты?

— Я копирую, хотя и не все, как следовало бы. Но надо же понимать, что можешь что-нибудь запортить — жесткий диск, материнскую плату, что угодно, и чуть не каждый год.

— Я думал, мне повезет.

Ларс набрал номер, прижал телефон к щеке плечом и начал бешено стучать по клавиатуре ноутбука Чаня.

— Да, мистер Фигейроа, сэр. Я в комнате Чаня Вонга, и он говорит... а, вы сказали. Да, прямо сейчас. Я помогаю ему с компьютерными проблемами, так что мы будем там. Спасибо, сэр.

Отключив телефон, не сводя глаз с компьютера Чаня, Ларс пробормотал:

— Идет. Черт, ты просто сжег эту штуку.

— Правда, Ларс? Ты уже все выяснил?
Однако!

— Да, я даже войти не могу. Дай-ка вот это еще попробую. — Казалось, он пытается что-то сделать. — Не выходит. Поверь мне, Вонг, если там что-то и было, я бы вытащил.

— Не сомневаюсь.

— Но диск ведет себя так, словно его под супермощный электромагнит сунули.

— Я такого термина никогда не слышал.

— Ты знаешь, что дисковод работает на электричестве и магнит может устроить большой бардак.

— Правда?

— Да, это же очень просто.

— Для твоих мозгов — может быть, — сказал Чань. — А я просто кнопочки нажимаю.

— Ну, тут гораздо больше знать надо.

— Наверное. Но для меня это все как китайская грамота.

— А тебя гением считают, — ответил Ларс.

— Век живи, век учись. Сам видишь, что я сделал с собственным компьютером. Десять гигов — коту под хвост.

— Надо было позвать меня при первых намеках на проблемы. Признаки-то должны были быть.

— Да, я много странного видел, но ты же сам знаешь, что ноутбуки — штуки норовистые.

— Нет, если с ними правильно обращаться. Ты дефрагментацию проводил, ScanDisc гонял?

- Нечасто.
- Да уж точно. Не думаю, чтобы здесь что-то уцелело.
- Ты не можешь мне помочь?
- Если кто-то и мог бы, то только я. Но что бы там ни было на диске, в этом случае я тебе ничем не помогу.
- Но, может, что-то осталось на другом диске, но под другим именем?
- Ты же не мог сделать это случайно, — сказал Ларс. — Я бы мог поискать, но надо же знать, что искать.
- Этого я не знаю.
- Да вижу. Вот что я могу для тебя сделать. Пока тебя будут допрашивать, я перенорматирую для тебя весь диск, так что сможешь начать восстановление информации.
- Это, наверное, трудно. Сложно.
- Нет. Много времени не займет.
- И ты это сделаешь для меня?
- А зачем еще друзья?

* * *

Хлоя провела двоих своих новых друзей в небоскреб Стронга незадолго до рассвета. Проснулся только Зик. Он тупо уставился на незнакомые лица. Хлоя с радостью представила ему молодого человека и женщину, чтобы он вдруг не подумал, что тут что-то не так, и не схватился за пистолет.

Выслушав рассказ, Зик предложил им помочь в переноске в их дом немалого запаса провизии. Хлоя записала все, что должна была запомнить, и переслала информацию по электронной почте остальным членам отряда Скорби, прежде чем отправиться спать. Легла она до рассвета и проспала почти до полудня. Она думала, что ей влетит за то, что она так рисковала, но она была так возбуждена, что удивилась тому, что вообще смогла уснуть.

* * *

Фигейроа выглядел весьма по-деловому, что не удивило Чаня. Он глянул на Чаня, давая ему понять, чтобы тот не пытался фамильярничать с ним в присутствии Ларса.

— Не обращайте на меня внимания, — сказал Ларс, забирая ноутбук Чаня на его кровать и устраиваясь там. — Просто подготовьте потом систему для очередного протокола.

Чань удивился, если бы Ларсу удалось воздействовать на его закодированный диск своими неуклюжими методами.

Фигейроа показал на стул и сел напротив Чаня.

Он отпустил остальных миротворцев, затем прошептал:

— Я не думал, что ты заставишь меня это выполнить.

— Я мог бы спустить все на тормозах, — ответил Чань. — Но это показало бы, что вам совершенно нельзя доверять. Вы не против, если я гляну на машинку?

С усталым видом Фигейроа повернул аппарат к Чаню. Вздохнул:

— Последний писк моды. Считается, что он лучше громоздких старых аппаратов.

Чань увидел, что он не совсем-то и новый. Он видел такие в Китае и даже играл с ними. Он показательно поправил экран так, чтобы свет падал как следует.

— Интересно, — сказал он и, когда Фигейроа наклонился поближе, добавил: — Секвойя, то есть Аурелио.

Фигейроа выпрямился, явно обиженный.

— Я был бы весьма признателен, если бы ты общался ко мне по фамилии.

— Простите, конечно же, — сказал Чань.

Фигейроа схватил ноутбук и достал из кармана маленький блокнотик.

— Назовите ваше имя, — начал он и задал Чаню серию банальных, очевидных вопросов.

— Сегодня воскресенье?

— Нет.

— Небо голубое?

— Да.

— Вы мужчина?

— Да.

— Вы работаете на Мировое Сообщество?

— Да, меня приняли на работу.

Фигейроа поднял взгляд на Чаня.

— Ты хочешь дать такой ответ?

— Да.

— Вы верны верховному потентату?

Чань закрыл глаза и напомнил себе, что Иисус Христос — единственный, кто смеет так называться.

— Да, — сказал он.

— Вы совершили когда-нибудь поступки, которые могли бы считаться проявлениями неверности относительно верховного потентата?

— Преднамеренно — нет.

— Отвечай «да» или «нет».

— Нет.

— Является ли верховный потентат нашим воскресшим из мертвых и живым господином?

— Да.

— Может ли его святейшество Николае Карпати лично рассчитывать на вашу верность и в дальнейшем, покуда вы являетесь служащим Мирового Сообщества?

Чань замялся, заставив Фигейроа снова посмотреть на него.

— Ты понял вопрос?

— Конечно.

— Тогда твой ответ «да»?

— Нет.

— Кончай дурью маяться, Чань, иначе придется все начать сначала.

— Ну, мистер Фигейроа, я со всей искренностью могу сказать, что я буду продолжать демонстрировать тот же уровень верности лидеру Мирового Сообщества, который проявлял с самого начала.

- Значит, «да»?
- Я сказал то, что сказал.
- И что нам об этом думать?
- Наверное, что вы зря тратите свое и мое время.
- Ты не хочешь просто сказать «да» и покончить с делом?
- Это последний вопрос?
- Да.
- А как пока у меня дела?
- Все хорошо, — ответил Фигейроа.
- Тогда давайте закончим.
- Последний ответ могут счесть уклончивым.
- Кто?
- Любой, кто его задает.
- У вас есть ко мне вопросы, мистер Фигейроа?
- Слушай, ты вообще прямо отвечать умеешь?
- А я должен?
- Черт! — Фигейроа сгреб оборудование. — Пошли, Ларс.
- Да, сэр. Ноутбук готов к работе, Чань.
- Что-нибудь из моих записей удалось найти?
- Нет, но ты можешь начать с чистого листа.
- Ты даже не представляешь, какую услугу оказал мне, Ларс.
- Обращайся, если что.

* * *

Пора было всем участникам отряда Скорби, привлеченным к операции «Орел», отправиться в Мицпе-Рамон и вернуться по домам. Огромная толпа израильтян разбивала лагерь возле Петры, а Хаим ждал вертолета, чтобы его доставили на точку, откуда все будут его видеть и слышать как в самой Петре, так и снаружи. Рэйфорд, Мак, Лия, Ханна и Альби стояли в кругу вместе с Хаимом, держась за руки. Большой Джордж из Сан-Диего сидел в работавшем вхолостую вертолете в пятидесяти ярдах от них, готовый отвезти Хайма в Петру, затем переправить людей из отряда Скорби в Мицпе-Рамон, откуда он тоже полетит на собственном самолете в Грецию, затем в Чикаго, а потом — в Сан-Диего.

— Впустите и Джорджа в круг, — сказал Рэйфорд и поманил его рукой. — У меня такое чувство, что он еще себя покажет.

Джордж вскочил и побежал к ним.

— Михей готов к отлету?

— Подожди минуточку, Джордж, — сказал Рэйфорд. — Вставай в круг с нами.

Когда все потупили головы, Рэйфорд рассказал всем о том поручении, которое Джорджу предстоит выполнить в Греции сегодня вечером.

— Хотелось бы мне тоже полететь с ним, — сказал Бизон. — Но я слишком загружен сейчас. Тебе понравятся эти ребятки, Джордж.

— Нам надо помолиться, — предположил Рэйфорд.

— Минутку, — сказал Хаим, отпуская с одной стороны руку Рэйфорда, с другой — Ханны. Он достал из кармана хламиды миниатюрную урну с пеплом Хэтти. — Мы не поклоняемся останкам тех, кто ушел к Богу прежде нас, и я хотел бы однажды отдать этот прах ветру на высокой вершине, где возносили хвалы Богу Истинному здесь, в Петре. Я верю, что наша пылкая, но искренняя сестра хотела бы этого. Но прежде я хочу доверить этот прах вам, капитан Стил, чтобы вы отвезли его к ее новым братьям и сестрам в убежище, к тем, кто знал ее и любил еще до того, как она отдала себя Христу. А затем привезите его обратно, вместе с Ционом Бен-Иегудой, и мы вспомним ее в последний раз перед тем, как он обратится к остатку Израиля. И сейчас, думая о Давиде Хассиде, мы хотим, чтобы и от него что-нибудь осталось, какая-нибудь вещь, чтобы мы могли, глядя на нее, вспоминать нашего отважного брата, который был знаком лично столь немногим из вас, но который столько для всех нас сделал.

— У меня есть, — сказала Лия, доставая телефон Давида.

— Может, вы отвезете это тоже нашим товарищам в Чикаго для поминовения в ожидании дня, когда мы снова свидимся с теми, кто нам дорог? — попросил Хаим.

Лия протянула его Ханне.

— Я хотела бы, чтобы он достался близкому другу Давида, — произнесла она. Ханна благодарно обняла ее.

— А теперь, — сказал Хаим, когда они снова соединили руки, — тем, кто призван, очищен Богом-Отцом и спасен в Иисусе Христе, — мир, милосердие и любовь да пребудут с вами, возлюбленные чада, утверждайтесь в святой вере вашей, молитесь Духу Святому, держитесь любви Господней, ищите спасения в Господе Иисусе Христе ради жизни вечной.

Ему, Тому, Кто не даст вам оступиться, Кто откроет вашу правоту перед лицом Славы Своей в великой радости, Господу нашему Спасителю, чья сила, слава и власть пребудет ныне, присно и вовеки веков. Аминь.

* * *

Оказавшись, наконец, снова наедине с собой, Чань выждал несколько минут, затем передвинул стул к дверям, встал на него и закрыл засов, который встроил наверху, чтобы дверь невозможно было открыть даже отмычкой. Он упал в кресло, схватив ноутбук, и набрал «Только Христос». Появилось окно с сеткой в двести точек. Он отсчитал восемнадцать рядов снизу и тридцать семь справа и щелкнул. Появился счетчик на пятнадцать разрядов, и число на нем росло со скоростью

ста единиц в секунду. Он ввел коэффициент, подставил точное время и дату и запустил вычисление, чтобы произведение совпало с синхронизированным числом через девяносто секунд. Еще четыре минуты и три сложные подвижные цели — и Чань снова в деле. Он снова был на связи со всеми членами отряда Скорби, включая тех, что были в Петре, и ко всем нужным ему точкам во дворце и на борту «Феникса-216».

Чань передал несколько сотен страниц инструкций, закодированных специально для компьютеров Петры, поверил местоположение всех отзавшихся устройств — от телефонов до компьютеров и портативной аппаратуры — и дал всем знать, что он на месте и работает. Затем он проверил по описанию Рэйфорда человека по имени Большой Джордж и ввел в главную базу данных МС во дворце информацию о нем. Они решили, что будут использовать его настоящее имя, на случай, если его захотят проверить на предмет отпечатков пальцев или других деталей. Джордж Себастиан из Сан-Диего, Калифорния, Соединенные Североамериканские Штаты, будет переправлять заключенного мужского пола, подростка, из Греции в Штаты. Он полетит на высокоскоростном трансатлантическом четырехместном самолете «блесна» и будет передвигаться без документов, поскольку недавно находился на тайной миссии. Но для идентификации Чань ввел антропометрические данные — рост шесть футов

четыре дюйма, вес — двести сорок фунтов, смуглый, глаза синие, волосы светлые. Допуск к секретности — А-минус, подчиняется непосредственно заместителю командующего Маркусу Эльбазу. Чань ввел шестизначный код, который Джорджу требовалось запомнить и говорить, если спросят.

Чань понимал, что Рэйфорд спланировал это вместе с Лукасом Миклосом, который проинформирует мистера Пападопулоса, а тот проинформирует Георгиану Ставрос. Лукас будет использовать собственные связи и ресурсы и будет отвечать за подготовку встречи двух молодых людей с Джорджем.

Затем Чань нашел самые последние записи с борта «Феникса-216». Надел наушники.

Сначала жучок зафиксировал Акбара.

— Я полагаю, вы довольны новым пилотом, ваше святейшество.

— Я хочу только одного — убраться из этой забытой богом страны, Сухайль. На остальное мне наплевать. Это можно организовать?

— О, высочайший потентат, — запел Фортунато, — Израиль больше не забыт богом. Теперь это воистину Святая Земля, поскольку вы явили себя там как истинный и...

— Леон, заткнись, будь добр! Ты поделился со своими подчиненными той силой, которой я напитал тебя? Да или нет?

— Да, ваше святейшество, но предпочитаю называть их не подчинен...

— А хотя бы кто-нибудь из них, хоть один — ты, к примеру, — сумел придумать что-нибудь под стать превращению морской воды в кровь?

— Ну, сэр, кроме призываия огня небесного и... э... — мне кажется, я сыграл небольшую роль — в смысле моего присутствия при встрече с Михеем или... ну все равно — в исцелении язв.

— Мне кажется, ты не понимаешь, Леон, масштаба трагедии на морях. Так или нет?

— Будем надеяться, что это не навсегда, ваше превосходство.

— Надеяться? Ты головой думаешь? Сухайль, наш достопочтенный как-его-там посещает брифинги кабинета? Он читает...

— Да, сэр, он в списке.

— Леон, прочти доклады! Наши корабли застряли намертво! Наши морские биологи говорят, что сейчас все морские твари стопроцентно передохли! Даже если это на время, и воды наутро обратятся в девственно чистые, так тебе и рыба вся тут же оживет?

— Я надеюсь на это!

— Идиот, — прошептал Карпати, и Чань предположил, что Леон его не слышит. Потентат имел склонность убивать тех, о ком говорил в таком тоне, и Леон сразу взмолился бы о пощаде. — Сухайль, мы можем взлететь прямо сейчас?

— Мы ждем мисс Айвинз, сэр.

— И где она?

— Могу ли я вставить слово, потентат, —
сказал Леон.

— Конечно, если ты знаешь, где она.

— Она хотела в последний раз посетить храм. Она хочет быть первой женщиной, которая войдет в главную часть и увидит, куда входили вы. Она хочет поклониться вашему образу в святая святых, посидеть... э... ну...

— Что? Ты хочешь сказать, что она осмелился сесть на трон бога?

— Нет, господин, я не так сказал, господин. Я уверен, что она хочет просто посмотреть на него, возможно, коснуться его, сделать снимки.

— А почему ты не вместе с ней?

— Она пожелала, чтобы при ней находилась только охрана. Она хотела войти туда одна и, как я уверен, нарушить некоторые традиции.

— Мне это по нраву.

— Я так и подумал. Она тоже так подумала.

— Выясни, может, она уже возвращается.

— А пока, потентат, — заговорил Акбар, — мы получили программу для детектора лжи.

— Отлично, запускайте и начинайте с бортпроводников.

Чань услышал ужас в голове индусов. Они отвечали убежденно и серьезно.

— Вы оба полностью достойны доверия, — заключил Акбар.

Оба бортпроводника разрыдались, благодаря его.

— Прошли проверку? — сказал Карпати, когда послышались звуки их хлопотливой суэты вокруг стола.

— Да, господин. Спасибо, господин.

— Да уж, — скептически и досадливо проговорил Карпати. — Проверь пилота, Сухайль.

— Мисс Айвинз уже на полосе, сэр.

— Время еще есть. Сначала его, потом Леона, потом ее. И у меня есть вопросик, который я хотел бы задать ей сверх положенного.

Пилот говорил равнодушно, почти устало. Отвечал быстро и четко.

— Чист, — сказал Акбар. — Достопочтенный Фортунато, вы готовы?

— Мне нечего скрывать — ответил Леон. Но когда у него спросили, какой сейчас день недели, он спросил, нет ли тут подвоха. Голос его стал плаксивым, он задумывался над ответами, но, конечно, тоже оказался чист.

Самолет взлетел. Чань услышал разговор Сухайля и мисс Айвинз.

— Я так полагаю, мэм, что вы с готовностью пройдете тест — это чисто процедурный вопрос.

Она хихикнула.

— А что, если я вдруг окажусь шпионкой?

— Пожалуйста, наденьте это, мадам.

— Готова.

— Назовите ваше имя.

— Мисс Вивиан Айвинз.

— Сегодня воскресенье?

— Нет, но мне хотелось бы узнать, правильно ли я ответила на первый вопрос.

Акбар рассмеялся.

— Небо голубое?

— Да.

— Вы мужчина?

— Нет.

— Вы работаете на Мировое Сообщество?

Она помедлила.

— Да.

— Все нормально, мадам, но ради интереса — почему вы замялись?

— Я никогда не рассматривала себя как служащую Мирового Сообщества. Я служу верховному потентату Николае Карпати и служила ему большую часть своей сознательной жизни. И служила бы, даже если бы ничего взамен не получала, но я также являюсь служащей Мирового Сообщества.

— Вы верны верховному потентату?

— Да.

— Вы когда-нибудь совершали поступки, которые могут рассматриваться как проявление неверности относительно верховного потентата?

— Нет.

— Не передавали ли вы конфиденциальную информацию о верховном потентате кому-нибудь в штаб-квартире Мирового Сообщества?

— Нет.

— Является ли верховный потентат воскресшим из мертвых и богом живым?

— Да.

— Может ли его святейшество Николае Карпати лично рассчитывать на вашу вер-

ность, покуда вы служите Мировому Сообществу?

— Да, и после тоже.

— Сидели ли вы на его троне в иерусалимском храме сегодня?

— Я — нет.

— Благодарю вас, мисс Айвинз.

Чань услышал, как Акбар отстегнул ремень и вышел, но Вив Айвинз немедленно последовала за ним.

— Директор Акбар, пожалуйста, подождите. Прежде чем вы покажете результат его святейшеству, позвольте мне поговорить с ним.

— Будьте любезны.

— Мой господин, — тихо заговорила она.

— Да, дорогая моя, — ответил Карпати.

— Могу ли я преклонить колени и поцеловать твою руку?

— Это кое от чего зависит. Как ты прошла этот маленький опрос?

— Не знаю, но независимо от результата я отвечала честно до самого конца.

— Ты ведь обманула, отвечая на последний мой вопрос.

— Да, господин, но я тут же раскаялась и пришла молить о прощении.

Если Карпати что-то и ответил, то Чань этого не рассышал.

— Я рассказала достопочтенному Фортунато о том, что хотела сделать, — сказала она, — и он стал отговаривать меня.

— Да? Леон, это так?

— Да, господин.

— Повезло тебе! Но ведь не только досто-
почтеннейший отец карпатианства знает, что
сидеть на моем троне, престоле бога, — это
святотатство!

— Прости меня, Николае. — Чаню пока-
залось, что она произнесла это имя так, как в
те времена, когда Карпати был еще малень-
ким мальчиком. Николае снова замолчал. —
Я клянусь, я сделала это не из-за бунтарства.
Я просто позавидовала славе твоей, и мне
так захотелось разделить хоть частичку ее.
Я ведь заслужила это право...

— *Заслужила право?* Право сидеть на
моем престоле? Занимать мое место?

— ...годами службы, своей беспредель-
ной преданностью, моей любовью к тебе. О,
не прогоняй меня, высочайшество! Прости
меня! Прошу тебя! Николае!

Чань услышал ее плач. Затем голос Николае:

— Сухайль, давай закончим проверку
всех остальных. — Плач мисс Айвинз стал
слышен слабее, когда она была вынуждена
сесть на свое место.

Акбар отвечал быстро и уверенно. Когда
настала очередь Карпати, вопросы, конечно
же, были немного изменены.

— Назовите ваше имя, — сказал Акбар.

— Бог.

— Сегодня воскресенье?

— Да.

— Небо голубое?

— Нет.

— Вы мужчина?

— Нет.

Осквернение

— Вы служите Мировому Сообществу?

— Нет.

— Вы верны гражданам, находящимся под вашим управлением?

— Нет.

— Нарушали ли вы когда-нибудь верность Мировому Сообществу?

— Да.

— Передавали ли вы когда-нибудь конфиденциальную информацию кому-нибудь в штаб-квартире Мирового Сообщества, которая подривала бы деятельность вашего кабинета?

— Нет. И я лично прикончу каждого, кто совершает такое.

— Восстали ли вы из мертвых и являетесь ли богом живым?

— Да.

— Может ли Мировое Сообщество расчитывать и в дальнейшем на вашу верность, пока вы являетесь верховным потентатом?

— Нет.

— Вы поражаете меня, ваше превосходство.

— Чем именно?

— Не знаю, что с этим и делать.

— Говори! — приказал Карпати.

— Все ваши ответы правдивы, даже когда вы откровенно смеялись надо мной и говорили неправду.

— Правда — это то, что я говорю, Сухайль. Я — отец правды.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

По дороге домой Бизон позвонил Лукасу Миклосу.

— Я так понял, что вы хотите поговорить с молодым человеком, которому вы спасли жизнь, так, Кэмерон?

— Да, Ласлос. И прошу прощения, что все мои сообщения с рассказом о том, что случилось нынешней ночью, придут по электронной почте — это не для телефона. Я хотел бы лично передать вам письмо вашей жены, но...

— Я понимаю, друг мой, — перебил его Ласлос. Голос его дрогнул. — Я помню все до малейшей подробности. Я жалею только об одном — я не отправился на небеса вместе с ней.

— Я не могу себе представить, насколько это тяжело, — сказал Бизоне. — Но вы нужны здешней церкви и...

— Ох, Кэмерон, я совершенно бесполезен. Я больше не могу помочь никому реальным делом. Иногда мне просто отчаянно хочется, чтобы меня нашли и я мог бы свидетельствовать о Боге прежде, чем меня убют.

Бизону хотелось возразить ему, но что он мог сказать?

— Мы очень ценим вашу помощь в вывозе этих детишек из страны.

— Я сделаю, что смогу. Я постараюсь связать их с вашим пилотом, но я вряд ли рискну выйти из подполья, чтобы встретиться с ним. Давайте теперь я дам вам поговорить с мальчиком.

— Здравствуйте, сэр! — сказал Марсель, и Бизон вспомнил этот голос, хотя встречались они только раз.

— Я так рад, что снова слышу тебя, сынок. Я и не думал, что мы снова встретимся.

— Не знаю, как и благодарить вас, мистер Уильямс. Я знаю, что вы из-за меня попали в переделку. Мы ведь увидимся в Чикаго?

— Непременно.

— Мистер Миклос столько мне рассказывал о вас, о вашей семье и друзьях. Я надеюсь, что там я буду в безопасности.

— Ну, что тебе там будет гораздо безопаснее, чем здесь, это точно. А девушка?

— Герогиана... э-э-э... Ставрос, — сказал Марсель. — Я так удивился, когда услышал, что с ней случилось то же самое, что и со мной. Мы, в конце концов, познакомились с ней в центре общества взаимопомощи.

— Ты сумел с ней пообщаться?

— Все уложено. Мы встретимся по дороге. Мистер Миклос будет оставаться с нам сколько сможет.

— Пешком будет очень далеко.

— Он сейчас договорился, чтобы кто-нибудь подбросил нас за пару миль от аэропорта. Затем пилот — мистер Себастиан, да?

— Да.

— Да, он найдет нас, и мы пойдем с ним как заключенные.

— Мы будем молиться за вас.

* * *

Чань слушал несколько минут незначительные разговоры, затем мисс Айвинз возобновила жалкие попытки привлечь внимание Николае и вымолить у него прощение. Наконец, Николае позвал Акбара.

— Сухайль, — сказал он, — я не намерен заменять мистера Муна кем-нибудь на посту верховного главнокомандующего.

— Вижу.

— Этот пост и это звание излишни.

— Как скажете, ваше превосходство.

— Я все больше доверяю тебе, и ты возьмешь на себя обязанности, которые исполнял бы верховный главнокомандующий.

— Как пожелаете.

— Во-первых, предприми какие-нибудь действия, чтобы прекратить утечку информации.

— Я, сэр... мы уже проводим тотальную проверку во дворце, но, как понимаете, на борту самолета мы не нашли ничего...

— Как это? Я не понимаю. Ты говорил мне, что кто-то передавал содержимое нашего разговора кому-то, имеющему доступ к центральной базе данных.

— Так нам кажется. Мы прочесываем штаб-квартиру на предмет слабых мест в нашей системе безопасности, но ее устанавливал покойный мистер Хассид, а лучше его в этом не разбирался никто в мире.

— Его заместитель, этот южноамериканец...

— Мексиканец, господин Фигейроа.

— Ты ему доверяешь?

— У него просто блестящее досье. Он не такой сильный технарь, как Хассид, но весьма способный. Он курирует тестирование и, конечно, сам будет проверен.

— Я хочу сделать предупреждение любому, кто попытается к нам внедриться. Заставить их запаниковать, защищаться.

— Жду любых предложений, потентат.

— Обвини индусов.

— То есть?

— Бортпроводников. Обвини их в предательстве.

— Да, но на каком основании?

— Они, по логике событий, единственные подозреваемые. Пилота во время нашей

встречи даже на борту не было. А они — были.

- Но они прошли тест!
- А кто знает об этом, кроме нас с тобой?
- Э-э-э... н-у-у...
- Ведь никто, я прав?
- Вы правы.
- Шепни об этом Леону. И Вив. Затем передай СМИ. В Новом Вавилоне они должны сойти с самолета уже в наручниках. У тебя на борту наручники найдутся?
- Да, но...
- В чем проблема?
- Я выполню все, что вы прикажете, господин, но я что-то упускаю. Шпион увидит, что мы накрыли не тех. Это, скорее, заставит его не уйти в глухую оборону, а счесть нас слабыми противниками.
- И пусть. Пусть станет чересчур самоуверенным. Кроме того, он увидит, что мы делаем с теми, кого считаем мятежниками.
- Но если мы их обвиним, то за их преступление полагается смерть.
- Ну, Сухайль! Если они сойдут с трапа в наручниках, считай, что они уже приговорены. Казнь должна последовать в течение двадцати четырех часов.
- Принято.
- А как насчет совести, директор?
- Совести?
- Вы же знаете правду. И это вас не останавливает?

— Нет, сэр. Вы — отец правды. Моя совесть — к вашим услугам.

Повисла долгая пауза.

— Но ведь они были хорошими слугами, эти бортпроводники? Верно ведь? — сказал, наконец, Карпати.

— Весьма хорошо.

— Не стоит их предупреждать или надевать наручники, пока мы не приземлимся. Но информацию запусти. А потом нам надо будет обсудить окончательное решение вопроса с израильскими диссидентами и иегудаитами. Дай мне знать, как только получишь статистику потерь в ходе операции «Петра».

* * *

Ласлос очень хотел бы отправиться вместе с этими молодыми людьми в убежище в Америке. Такое приключение! Но как он может покинуть своих братьев и сестер здесь, в Греции? Кольцо сжимается, мало кто доживет до Второго пришествия. Но никто не протестовал против того, чтобы дать подросткам шанс выжить.

Занявшись налаживанием связи между ними и пилотом, Ласлос снова обрел смысл жизни. Он боялся за финальный этап этой авантюры, когда его друг К. повезет ребят в Птолемаиду. Последние полторы мили до

своего тайного убежища он пройдет пешком и снова погрузится в тягостную рутину.

По плану К. должен был подобрать их с парнишкой в сельской местности на окраине города. Они остановятся в пригороде, чтобы Марсель смог пешком добраться до центра взаимопомощи и забрать сумку с небогатыми своими пожитками. Георгиана Ставрос будет ждать их на южной окраине города, в стороне от дороги, ведущей в аэропорт. Кэмерон Уильямс и Марсель сказали ему, что она — высокая брюнетка, белокожая для гречанки и очень симпатичная. Ласлосу нравилось представлять ее похожей на его жену в тот день, когда они впервые встретились сорок лет назад.

* * *

Чань заметил, что, судя по звуку, самолет Карпати начал снижаться, когда Сухайль Акбар вернулся для продолжения разговора с потентатом.

— А, директор, — начал Николае, — мы же планировали для Петры что-то очень особенное, когда Бен-Иегуда окажется там, верно?

— Сэр, нам надо поговорить.

— Отвечай на мой вопрос, Сухайль.

— Да, конечно, но у меня дурные новости.

— Не хочу слышать ни о каких дурных новостях! Все исцелились! У нас полно оружия для нападения на Петру. Ты должен был оставить город в покое — мы разнесем его,

когда Михей и Бен-Иегуда оба окажутся там — и перехватить тех, кто еще не вошел внутрь. И какие могут быть дурные новости? Что о них слышно?

— Ничего. Наши...

— Чушь! Они должны отчитаться сразу, как перехватят мятежников. Наша полнейшая, достигнутая без единого выстрела, без потерь полная победа, с полным уничтожением противника, должна изумить мир! Так что случилось?

— Мы еще не уверены.

— У тебя одних командиров подразделений две сотни!

— Даже больше.

— И ни слова ни от одного из них?

— Наши стратосферные самолеты-разведчики показывают продвижение наших сил с точностью до фута. Они отсекают около пяти тысяч мятежников в районе Петры.

— Туча пыли и враг, подлежащий ликвидации.

— Таков был наш план, ваше высочайшество.

— И что? Старикан в балахоне и бородатые раббины набросились на вас с кинжалами?

— Наши самолеты подождали, пока пыль осядет, и не нашли никакого следа наших войск.

Карпати рассмеялся.

— Хотелось бы, потентат, чтобы все это было шуткой. Сделанные с большой высоты снимки спустя десять минут после атаки показывают ту же самую толпу возле Петры, и по-прежнему...

— Ни следа наших войск, ты уже сказал. А наше оружие? Одно из крупнейших в истории сосредоточение вооружения — ты сам мне говорил — в трех дивизиях. Ты сказал, что это войско непобедимо!

— Они исчезли.

— Эти фотографии можно передать сюда?

— Они ждут вас в вашем кабинете, сэр. Но люди, которым я доверяю, подтверждают то, что мы увидим... или, скорее следует сказать, не увидим.

Карпати заговорил голосом таким сдавленным, что казалось, он вот-вот взорвется:

— Я хочу, чтобы потентаты всех регионов в течение часа отправились в Новый Вавилон. Любой, кто не будет в пути по истечении шестидесяти минут, будет смещен. Немедленно займись этим, и когда определишь время прибытия представителя самого дальнего из регионов, организуй через час после этого встречу высшего кабинета и мою с этими десятью. А эти евреи, — медленно проговорил он, — они же все окажутся в Петре, как только их перевезут?

— На самом деле они не все смогут там уместиться. Мы думаем, что, как только Петра заполнится, остальные разобьют лагерь поблизости.

— Что потребуется для того, чтобы сровнять Петру и окрестности с землей?

— Два самолета, два экипажа, две единицы оружия массового поражения. Можем запустить еще дополнительную ракету сверх необходимого.

— Ах, Сухайль. Однажды ты поймешь, что не бывает ничего сверх необходимого. Пусть евреи и иегудаиты упиваются своей маленькой победой. О провале операции помалкивать. Мы никогда ее не начинали. Наши пропавшие войска, транспорт и вооружение никогда не существовали.

— А что, если их семьи начнут вопросы задавать?

— Вопросы надо задавать семьям. Мы хотим знать, где эти солдаты находятся и что они сделали с нашим снаряжением.

— Десять тысяч дезертиров? Мы так будем заявлять?

— Нет, Сухайль. Я полагаю, что тебе следует выступить по международному телевидению и рассказать слушателям Си-эн-эн Мирового Сообщества, что наша самая мощная военная операция напоролась на полмиллиона безоружных евреев, которые заставили наши войска исчезнуть! Может, еще откидной плакатик нарисуешь — вот они есть, а вот их нет!

* * *

— Мне страшно, — сказал Марсель Лас-лосу, когда они выползли из убежища глубокой ночью.

— Не надо бояться, приятель. Ты просто перевозбужден. Ты пережил трагедию, как и все мы, но тебе выпал второй шанс. Если

ты не окажешься в безопасности в отряде Скорби, то уж точно нигде безопасности не найдешь.

Они прошли около полутора миль в темноте по грунтовой дороге, которую Ласлос уже хорошо изучил. Хотя ходил пешком он чаще, чем ездил, и больше уже не водил машину, он все равно ощущал все тяготы и хвори своего возраста. Ему казалось, что Марселя приходится то и дело его поджидать, и Ласлосу хотелось сказать ему, чтобы он шел и не думал о нем. Но ему хотелось чувствовать себя полезным. Он участвовал в этой вылазке, в осуществлении этого плана. Эти драгоценные юные души будут на его попечении, пока он не отправит этих ребят, с Божьей помощью, на встречу с Джорджем Себастианом.

Когда до Птолемаиды оставалось примерно полмили, Ласлос заметил маленькую белую машину К. в стороне от редко используемой дороги. Ласлос тронул Марселя за плечо и остановил, затем свистнул по-птиччи. К. ударили по тормозам, и задние огни мигнули.

— Это значит, что вокруг никого нет, — сказал Ласлос. — Беги к машине. Я буду здесь.

Он знал, что Марсель хочет размять свои длинные ноги, и, спеша за ним к машине, Ласлос с удовольствием смотрел, как юноша скакет по дороге. К. давно отключил освещение внутри салона, так что, когда дверь распахнулась, машина все равно казалась темной. Когда Ласлос подошел, К. сидел за рулем, а Марсель — рядом с ним.

Ласлос втиснулся на крохотное заднее сиденье сразу за Марселеем. К. был старше Ласлоса — лысый, жилистый. Он был в маленькой черной вязаной шапочке и говорил с трудом, поскольку ему недоставало передних зубов.

— Он вошкреш. — И юноша вместе с Ласлосом, фыркнув, ответили:

— Христос воистину воскрес.

К. осторожно подъехал к окраине города и припарковался на темной улице.

— Ты жнаеш, где мы находимся? — спросил он Марселя.

— Думаю, да, — ответил тот. — Центр взаимопомощи находится в цокольном этаже под пивнушкой в полутора кварталах отсюда вон в том направлении, да?

— Пароль жнаеш?

— Да. У них мои вещи.

— И они подтвердят, что та девушка...

— Георгиана.

— ... да, что она щдет.

Марсель кивнул и выскочил из машины. Ласлос быстро опустил окно.

— Тсс! Не беги! — прошептал он. И юноша замедлил шаг.

К. обернулся к нему и осклабился.

— Эх, молодеш, — проговорил он.

— И как долго еще удача будет с нами, К.?

К. покачал головой, и улыбка его угасла.

— Да мы уже выбираем лимит шледующего мешяца, Лашлош.

— Что будет, если тебя тормознут?

— Тогда конец, Лашлош, — сказал К. — Меня потащат штавить клеймо, но я им шкажу, чтобы они меня убили, потому что я уштал дратша.

Ласлос похлопал друга по плечу.

— Но ведь ты без боя не сдашься. Верно?

— Да, буду шражатша, пока могу.

Вернулся Марсель с холщовой сумкой через плечо.

— Все спокойно прошло? — сказал Ласлос.

Марсель кивнул, бросил сумку назад, чтобы оставить достаточно места для девушки.

— Она должна быть на месте, и никто на хвосте у меня не висел. Ищите маленький камень, положенный поверх двух других в восьми километрах от аэропорта. Она будет ждать в кустах поблизости. Просто остановитесь, и она выйдет.

К. не стал въезжать в город и направился к дороге в аэропорт. Они не встретили ни миротворцев, ни эмэсовских машин, но у Ласлоса все равно дрожала левая нога, и он крепко сцепил руки на коленях. Когда они проехали отметку «10 км», Ласлос наклонился вперед и помог К. следить за одометром. Через несколько минут Марсель сказал:

— Здесь!

Фары машины К. выхватили из темноты два небольших камня по левую сторону дороги, поверх которых как бы случайно ле-

жал третий камень. Если не искать, вообще не заметишь. К. посмотрел в зеркало, и Ласлос подвинулся, чтобы тот мог увидеть, что творится сзади.

— Никого, — сказал он.

К. съехал на обочину, наехав правым передним колесом на три камня. Он сидел с работающим вхолостую мотором и включенными фарами, глядываясь в зеркало заднего обзора.

— Ну, давай, девочка, — пробормотал Ласлос. — Нам нельзя попадаться на глаза.

— Хотите, я ее позову? — сказал Марсель.

— Ведь она сама должна была найти нас, верно?

— Верно.

— Всегда строго придерживайся плана. Если что-то меняется, не импровизируй. Уходи.

К. кивнул.

— Щду дешять шекунд, — сказал он. — Дольше торчать ждеш не штану.

— Вот она! — воскликнул Марсель.

К. машине бежала Георгиана, и Ласлос наклонился, чтобы открыть ей дверь. Она была в джинсах и белой футболке с коротким рукавом и дрожала от холода. На голове у нее была жалкая красная бейсболка. При ней был только маленький зеленый рюкзак.

— Марсель, — сказала она, — как я рада снова тебя видеть!

— Привет! Поехали!

Она прыгнула внутрь и сунула рюкзачок между ног.

— Вы, наверное, Ласлос, — сказала она. — Я Георгиана. — Она пожала ему руку. Ее смуглые пальцы были холодны. Она положила руки на плечи К. — А вы, наверное, К.

Марсель протянул ей руку, и она крепко пожала ее.

— Так здорово, — сказала она и стала растирать ладони.

— Он вошкреш, — сказал К.

— Аминь! — почти пискнула она. — Востиину воскрес!

— У тебя с собой больше ничего нет? — сказал Ласлос.

— У меня вообще больше ничего нет, сэр, — ответила она, улыбаясь. — И больше мне ничего и не надо.

— Ты отправляешься в новый мир и почти ничего с собой не берешь.

— Господь всемогущ, — сказала она. — Марсель сказал мне, что у вас есть пистолет.

— Марсель слишком много болтает, — заявил Ласлос. — Вы оба должны усвоить, что надо больше слушать и меньше трепаться.

— Простите, — извинилась она. — Я слишком много говорю? Это просто от волнения. Меня так не трясло с того самого дня, как мистер Уильямс меня выпустил.

Марсель кивнул.

— Там можно посмотреть ваш пистолет, мистер Ласлос?

— Миклос. Я не выношу пистолета из дома. Я никого не хочу убивать. Держу ради безопасности, и все.

— Но у К. есть пистолет, — сказала она, снова сжимая его плечи. — Разве нет, молодой человек?

К. застенчиво улыбнулся и помотал головой, снова выводя машину на дорогу.

— Слишком много телевизор смотришь, — сказал Ласлос. — Американский канал. Я прав?

— Да нет. Туда, как ни посмотришь, — все Карпати, Карпати, Карпати.

У Ласлоса продолжала дрожать нога. Он по-прежнему сидел, стиснув руки.

— Вы оба знаете план? — спросил он.

— Если Марсель знает, то и я тоже, — ответила Георгиана. — Это же он мне о нем рассказал. Мы встречаемся с этим парнем, Джорджем, возле дороги в аэропорт. Он забирает нас и ведет как заключенных, а в компьютере будет сказано, что он тут именно для этого.

— Да. И вы должны избегать зрительного контакта, идти, потупив голову, прямо к самолету вместе с ним. Возможно, тебе надо будет отдать бейсболку Марселю, чтобы прикрыть ему глаза, а сама распустишь волосы, чтобы они падали тебе на лицо.

Она по-прежнему растирала руки.

— Она на него не налезет. А как мы узнаем пилота?

— Он будет единственным человеком на дороге, который будет высматривать вас, — сказал Ласлос.

— Но он же большой, да? Американец?

— Выше шести футов ростом и почти пятьдесят фунтов веса, — сказал Марсель. — Светлые волосы, синие глаза и...

— Вы его узнаете, — перебил его Ласлос. — Надо помолиться.

— Да, — сказала Георгиана. — Пожалуйста.

— А ты почему не молишься? — сказал Ласлос.

— Слишком нервничаю, — ответила она.

— Ладно, — сказал Ласлос. — Господи, мы благодарим Тебя за этих двух молодых людей и просим Тебя идти впереди них и защищать их. Мы...

— Вот он! — крикнула Георгиана. — Это же он?

На правую сторону дороги уверенно вышел крупный молодой человек. На нем были высокие ботинки, штаны цвета хаки и легкая куртка на молнии. Волосы его казались почти белыми, лицо был смуглым. Ласлос не мог рассмотреть, какие у него глаза, но молодой человек остановился и посмотрел прямо в машину. К. притормозил и проехал мимо, остановившись в пятидесяти ярдах позади него.

Марсель потянулся было к ручке двери, а Георгиана — за своим рюкзачком.

— Подождите! — приказал Ласлос. — Что-то он рано.

Он опустил стекло, чтобы высунуть голову. Георгиана рылась в рюкзачке, готовясь выйти.

— Мистер Миклос? — окликнул его человек, но Ласлосу показалось, что акцент у него европейский.

— Привет, мистер Себастиан! — крикнул Марсель прежде, чем Ласлос успел его остановить.

Мужчина пошел к машине, окликая:

— Марсель? Георгиана?

— Не останавливайся, К., — сказал Ласлос. — Здесь что-то не так.

— Что случилось? — спросила Георгиана. — Что не так?

— Если это Себастиан, — сказал Ласлос, пока К снова медленно выезжал на дорогу, — он нас найдет.

— Нет! — заскулила Георгиана. — Остановитесь!

— Мы не станем производить обмен посреди дороги, — ответил Ласлос.

— К., тормозите, — внезапно властно сказала Георгиана. Она выхватила из рюкзачка пистолет с глушителем и приставила его к виску Ласлоса. — Я пристрелю его, если вы не остановитесь.

— Не останавливайся, К.! — крикнул Ласлос. — Марсель настоящий! Я знаю его!

К. прекратил разгон, но продолжал двигаться накатом.

— Остановись немедленно, — сказала она. — Я не шучу.

Марсель резко обернулся, встал на колени на сиденье, чтобы оказаться с ней лицом к лицу. Он сорвал с нее бейсболку, и когда глу-

шитель отдернулся от головы Ласлоса, он повернулся и увидел ее лоб. Там была печать зверя. Шипящий, короткий звук выстрела, машину заполнил острый запах пороха, и Марселя отбросило с такой силой, что он упал, сложившись пополам, под приборную доску. Ветровое стекло забрызгало кровью, лицо Ласлоса исказилось при виде дырки в затылке юноши.

— Тормози, К.! — заорала она, направляя пистолет на его затылок. Тот вращал руль вправо-влево, вдавив газ в пол. Маленькая машинка бешено крутанулась, и Ласлоса бросило сначала на дверь, потом швырнуло на девушку.

Она выстрелила К. в шею, и он обмяк, машина потеряла скорость и понеслась на щебенчатую обочину. Ласлос стискивал девушку руками, упираясь ногами в дверь со своей стороны и пытаясь бить ее о противоположную дверь. Он мог только надеяться, что ее пистолет застрял где-то среди прочего баракла, но топот бегущих ног, причем не одного человека, дал ему понять, что если он не отнимет у нее оружия, то скоро окажется на небесах, там же, где и его жена.

Машина подпрыгнула и остановилась, и их обоих бросило на сиденье К. К лже-Себастиану присоединились еще двое, оба были вооружены. Один рывком открыл дверь и одной рукой выдернул девушку из машины. Ласлос пытался удержать ее, но ему не за что было уцепиться. Он лежал на рюкзаке Марселя, задыхаясь.

— Ты в порядке, Елена? — сказал один из мужчин.

Ласлос с отвращением увидел, как она кивнула.

— Осталось только с этим разобраться,— сказала она, приставляя пистолет ко лбу Ласлоса. Он раскрыл руки ладонями вверх и закрыл глаза.

* * *

— У нас сегодня вечером народу не хватает, сэр. Так что с печатным документом будет быстрее, если вы не против.

— Я понял, — ответил Джордж. — Но повторяю еще раз — старина Эльбаз отправлял меня в разведку на вражескую территорию, к мятежникам, в Негев, и нам всем приказали оставить наши документы в полевой штаб-квартире. Так что все в компьютере.

Эмэсовец, служащий аэропорта, выругался.

— Вот принимают решение, а о нас, простых людях, и не думают!

— Да они вообще не думают, — ответил Джордж. — Извини.

— И что ты будешь делать? — сказал клерк со вздохом, барабаня пальцами по краю монитора, ожидая появления информации.

— Слушай, а что насчет этих дезертиров в Иордании?

— Не думай, что меня тоже не тянуло смыться, — сказал Джордж. — Я ничего более странного не видел.

— А у тебя нарывы были?

— А у кого их не было?

— Ага, вот. Все в порядке. Номер назови?

— Ноль-четыре-ноль-три-ноль-один.

— Ага. А где твои подопечные?

— Их привезут на дорогу.

— Машина нужна?

— Было бы здорово.

— Потом вернетесь сразу?

— Сразу. Я их прикую в самолете и пригоню машину прямо сюда.

Клерк бросил ему ключи и показал на джип. Джордж подумал, что вполне сможет привыкнуть к работе в отряде Скорби, если уж все так просто. Прямо нереально просто как-то.

Он проехал полторы мили и остановился. Что это там, вдалеке? Девушка? Одна? Он включил фары. Она с криком бросилась к нему.

Он вышел из машины.

— Георгиана?

— Джордж?

— Да.

— Мы попали в засаду!

Когда она подбежала поближе, он увидел, что она вся в крови. Он протянул к ней руку.

— Что случилось? Где осталь...

Но когда девушка упала ему на грудь и обняла его, она вдруг крикнула:

— Он безоружен!

Тут же из кустов на него выскочили двое мужчин с оружием наготове, один из них был почти его роста. Еще один подкатил джип поближе. Дверь так и осталась распахнутой.

Громила сел в джип, который Джордж взял в аэропорту. Второй держал его под прицелом, а девушка надела ему наручники и завязала глаза. Ему очень хотелось врезаться в нее всем телом, чтобы она заплатила за все, что бы она там ни сделала. Но он решил поберечь силы, чтобы потом при первой же возможности сбежать. Его затолкали в джип, и когда тот тронулся с места, он услышал позади звук еще одной машины.

— Мы позабавимся с тобой, янки, — сказал водитель. — И когда мы закончим, мы будем знать все, что знаешь ты.

«И не надейся», — подумал Джордж. Очень хотелось прямо так и сказать, но он уже достаточно наделал ошибок. Оставил самолет и оружие без прикрытия, пошел без оружия на вражескую территорию, положившись на рискованный план своих братьев. Да, намерения у них были самые благие, но, в конце концов, все они были гражданскими. Может, капля из пословицы, наконец, подточила камень, но рано или поздно военная подготовка дала себя знать. Он промолчал. Если бы он не успел перекинуться парой слов с девушкой, они вообще бы не узнали никогда, что он умеет разговаривать. И следующие свои слова он произнесет на небесах, если ему не удастся каким-то образом сбежать.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Когда джип рванул с места, его подбросило, и он потерял равновесие. Его бросало то на дверь, то на сидевшего рядом с ним врага. Тот постоянно отпихивал Джорджа. Он мог бы упереться ногами во что-нибудь, чтобы его так не швыряло, но он был не против досадить врагу всеми своими двести сорока фунтами веса.

— Итак, у нас в гостях Джордж Себастиан из Сан-Диего, — сказал водитель, — новообращенный иегудайт. Выдашь немного информации — получишь обед. Скажешь все — вернешься домой к жене и ребенку в мгновение ока. Голоден?

Джордж не ответил. Даже не кивнул и не помотал головой.

— Тогда, наверное, тебе одиноко?

Человек, сидевший рядом с Джорджем, не так хорошо говорил по-английски.

— А ты знаешь, кто такой настоящий Эльбаз? Мы-то думаем, что знаем.

— Знаем! — подхватила девушка.

На следующем повороте Джордж с удовольствием врезался в соседа, которому пришлось отпихнуть его.

— Да сиди ты смирно, тупой боров!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

От глубокого счастливого сна по дороге домой Рэйфорда оторвал телефонный звонок. Поначалу он подумал, что он спит и звонок ему снится. Затем он пожалел, что это был не сон.

Номер показал, что звонят из Колорадо. Прежде чем Рэйфорд успел ответить, странный, гнусавый голос сказал:

— Хотя я и следую вашим указаниям на счет безопасного звонка, но вы не могли бы подтвердить безопасность нашего разговора прежде, чем я продолжу?

Рэйфорд выпрямился.

— Оставайтесь на связи, — сказал он, будучи уверенным, что знает говорящего. Он посмотрел на маленький жидкокристаллический дисплей, как учил его Давид Хас sid. — Можете говорить, — сказал он.

— У вас проблема, — сказал голос. — Вам известен человек в Новом Вавилоне, тот, что заменил вашего погибшего агента?

Рэйфорд помедлил.

— Эй, это я.

— Кто?

— Вы можете знать меня как Пинкертонा Стивенса. Эмэсовец, работаю в Колорадо.

— Я должен быть полностью уверен, мистер Стивенс.

— Другое мое имя — Стив Планк.

— Что-нибудь еще, пожалуйста.

— Вашего внука зовут Кенни Брюс.

— Откуда вы узнали, что наш человек мертв?

— Это все знают. Разве он не разбился вместе еще с тремя прямо на глазах у Карпати?

— Это не совсем так, Стив.

— Неплохо, капитан. Но, как бы то ни было, Новый Вавилон считает его мертвым, так что он точно не мог быть на борту.

— Наш человек работает в логове врага под прикрытием.

— Хорошо. Тогда, наверное, вы уже все знаете.

— Что именно?

— О вашей проблеме. Вы где сейчас?

Рэйфорд сказал.

— И ваш человек из дворца не ввел вас в курс дела?

— Я думал, что мы все знаем.

— Вас раскрыли.

— Меня лично? — спросил Рэйфорд.

— Вообще-то нет. Это зависит от того, под каким псевдонимом вы сейчас действуете, но мне кажется, что лично вы в безопасности. Но я только что получил сообщение от разведки, с самого верху, страшно засекреченное, и впервые подумал, что выполню вашу просьбу и проинформирую вас.

— Слушаю.

— Псевдоним, которым пользовался ваш друг, тот, с которым я знаком, раскрыт. Разведка и безопасность считают, что заместитель командующего Маркус Эльбаз на самом деле бывший нелегальный делец из Аль-Басры.

— Откуда узнали?

— Информация идет из Греции.

— О нет. Не говорите мне, что мы ошиблись насчет того парня, которого туда направили.

— Себастиана? Нет, он чист. Но его взяли.

— О нет! Выкладывайте все.

— Во-первых, этот самый квази-Эльбаз сейчас управляет вашим самолетом? Я прав? И самолет якобы эмэсовский.

— Да.

— Его имя и этот самолет сейчас у всех на экранах, так что...

— Понял. При посадке не прикрываться МС и не употреблять имени Эльбаз.

— Вы ведь планируете сесть в Канкаки, верно?

— Вы правильно поняли, Стив. Что случилось в Греции?

— Оставайтесь на связи. Во-первых, мне кажется, что я нашел способ доставить вас поближе к тому месту, куда вы хотите попасть. Чикаго, верно?

— Верно.

— Отлично, слушайте. Я сделал запрос на доставку груза из Мэриленда с остановкой на запасном аэродроме неподалеку от бывшего Мидуэя. Это максимально близкое к Чикаго место, где еще позволяют садиться. Из-за радиации, сами понимаете.

— Верно.

— Вы знаете не хуже меня, что можете сесть в Мэйгзе.

— На озере?

— Конечно.

— И мы не привлечем излишнего внимания детекторов тепла стратосферных самолетов-разведчиков МС?

— Нет, если ваш человек будет продолжать вводить ложные показания о радиации в базу данных.

— Насколько я помню Мэйгз, наш самолет слишком большой для посадки там.

— Но у вас же есть реверс тяги?

— Конечно.

— Тогда сможете сесть. Но из наземных служб там нет никого. Никого вообще. Попрослушайте, Рэй, если ваш человек все еще отслеживает чикагский след и то, что об этом думают эмэсовцы, ему лучше влезть в базу и кое-то подправить.

— Вы о чем?

— Я сомневаюсь, что в последнее время кто-нибудь проверял данные, но хотя бы для уверенности, что не заведу вас в ловушку, я заглянул в этот район и увидел, что в последние несколько часов там что-то двигалось и испускало тепловые сигналы.

— Мы всегда сообщаем ему, когда собираемся выйти, вывести машину или лететь на вертолете. И он стирает все наши тепловые сигналы.

— Короче, там внизу что-то движется. Движение небольшое, но раз уж я забеспокоился, то и у них это вызовет подозрение.

— Ладно, вернемся к Греции, Стив. Мы знаем, что псевдоним Бизона — Джек Дженсен — уже ушел в историю.

— Это не самое страшное. Он спас двух подростков из тюрьмы, и один из них — девушка по фамилии Ставрос — попалась. Не надо ее винить, она всего лишь подросток, но, похоже, ее сломали, и она много о чем рассказала. Рассказанное ею совпало с тем, что эмэсовцы сами вычислили насчет того парня, который прикрывался именем Пауло Гантер. Поскольку Гантер все еще находился в тюрьме, то методом исключения они выяснили, кто сбежал. Парнишка носил фамилию Пападопулос. Оба его родителя отказались принимать печать. Греческие эмэсовцы внедрили в подполье девушку, с виду похожую на Ставрос. Она начала расспрашивать о мальчишке, кто-то их свел, и она рассказала ему свою историю — почти как его собственную.

Бла-бла, ее, видимо, освободил тот же человек, что и его, никто ее проверять не стал, она держится подальше от людей, которые могут знать, что она не та, за кого себя выдает, и...

— ...и она заводит наших людей в ловушку.

— Да. И это плохо, Рэйфорд.

— И не говорите.

— Эмэсовцы говорят, что под конец что-то пошло не так и их оперативникам пришлось пристрелить старика по имени Кронос, большую шишку — Миклоса — и парнишку.

Рэйфорд сидел в гудящем самолете, прижимая к уху телефон и прикрыв лоб ладонью. Глаза его были закрыты.

— А Себастиан?

— Жив и здорово, но они уверены, что смогут вытрясти из него информацию, чтобы выйти на Бен-Иегуду. Он бывший военный, так что орешек может оказаться крепче, чем они думают.

— К тому же он не так много и знает.

— Он ведь должен был доставить ребят к вам, верно? Так что знает достаточно, чтобы эта информация навредила вам.

— Да. Есть какие-нибудь соображения, где находится настоящая Ставрос?

— Мне кажется, что здесь все и так понятно, раз они вышли на ваших людей. Она им больше не нужна.

— Мы не должны сразу предполагать худшее.

— А что делать, Рэйфорд? Должны. Я всегда так делаю.

Планк спросил, нет ли на борту кого-нибудь, кого эмсовцы не знают в лицо.

— Ну, у меня есть трое, которых считают мертвыми.

— Кто-нибудь из них может сойти за уроженца Ближнего Востока?

— Один из них иорданец.

— Отлично. Тюрбан у него есть?

Рэйфорд наклонился и разбудил Абдуллу.

— У тебя тюрбан есть? Или намотать чего-нибудь на голову сможешь? — Абдулла поднял большой палец и снова завалился спать. — Стив, у него есть тюрбан.

— Можете посадить его за рацию и сделать вид, что он ваш пилот?

— Да он умеет водить самолет.

— Великолепно. Вот его новое имя и номер для дозаправки в Мэриленде. Ваша следующая посадка должна быть здесь, на поле Воскрешения, к югу от Колорадо-Спрингз. Естественно, я вас там не жду.

— Конечно, но вы внесете нас в журнал, будто мы тут были.

— Конечно.

— Я даже не могу сказать, Стив...

— Да ладно. Вскоре мне может понадобиться куда-нибудь зарыться... если доживу.

Бизон, Ханна, Лия и Мак спали, потому Рэйфорд решил рассказать одному Альби о том, что происходит. Альби с Абдуллой сто раз успеют поменяться креслами. Рэйфорд позвонил Чаню.

* * *

Двенадцатью часами позже Чань сидел за своим терминалом в рабочем кабинете, радуясь, что сумел спастись после бешено-го разруливания чрезвычайной ситуации прошлой ночью. Он не понимал, как Давид управлялся со всем сам, и молил Господа, чтобы Он либо отпустил его, либо послал ему помощника. Чань не знал, есть ли другие верные в Новом Вавилоне, но все же надеялся на это. Отслеживая вал новостей о смертях и разрушениях в кровавых морях и океанах, он одновременно вел запись встречи десяти региональных потентатов с Карпати, Акбарам, Фортунато и Вив Айвинз.

Рабочий день тянулся бесконечно, но Чаню приходилось идти по лезвию ножа. Ему надо было вести себя безупречно и в то же время нахально, как прежде. Давид предупредил его, что если он начнет вдруг вести себя слишком правильно, то попадет под подозрение. И поскольку Чань был новичком в рядах отряда Скорби, он боялся, что не сумеет справляться с эмоциями. Гибель Давида потрясла его. Он не представлял себе, как остальные переживут гибель мисс Дюрхем, затем потерю их главного агента в Греции. А ведь все будет только хуже и хуже. Страх и одиночество — этих слов было недостаточно, чтобы описать его состояние. Он молился, чтобы пока он находится на своем посту,

Господь хоть как-то помог ему сохранять душевное спокойствие, оставаться сильным и продолжать выполнять свой долг, несмотря на все опасности и беды.

* * *

Попав в Петру, Хаим почувствовал себя так, словно бы уже оказался на небесах. Как же Господь сумеет устроить так, чтобы миллион верующих могли сосуществовать здесь в мире и гармонии? Хаим напомнил людям, что Цион Бен-Иегуда обещал приехать сюда и обратиться к ним лично, и они подняли такой ликующий рев, что он теперь сам едва мог дождаться этого дня.

— Вы же ведь сами знаете, — сказал он обычным своим голосом, который чудесным образом был слышен всем его подопечным, — что Слово Божие повествует нам, что мы будем жить в покое, что наши одежды не будут снашиваться и что у нас будут еда и вода до тех пор, пока Господь не изольет всю чашу гнева Своего на своих врагов. Иоанн Богослов говорит, что «видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии». Возлюбленные братья и сестры мои, Иоанн видел в своем откровении небеса и тех, кто одолел зверя, и тех, кто

претерпел мученическую смерть от зверя. Смерть становится победой, ибо святым — воскреснуть!

Пойте же со мной песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святых! Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? Ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою, ибо открылись суды Твои!¹

Иоанн говорит, что услышал слова Ангела вод: «Праведен Ты, Господи, Который еси и был, и свят, потому что так судил».

— А что, — продолжал Хаим, — будет с нашими врагами, которые пролили кровь святых и пророков? Господь превратил океаны в кровь, и скоро настанет день, когда в кровь обратятся реки и озера и враги наши будут пить кровь. Ибо такова их кара.

Но что будем есть и пить мы, здесь, в нашем безопасном месте? Многие оглянутся по сторонам и скажут — это место покинутое и пустынное. Но Господь сказал: «Вечером вы будете есть мясо, а поутру насытитесь хлебом и узнаете, что Я — Господь, Бог ваш».

Тем вечером на Петру залетела туча куропаток, и миллион святых с радостью зажарили их на кострах. Поутру, когда высохла роса, на камнях оказались маленькие круглые хлопья, похожие на снег.

¹ Откровение.

— Нам не надо вопрошать себя, как дети Израиля, — что это такое? — говорил Хаим. — Мы знаем, что именно Господь посыпает нам вместо хлеба. Берите, ешьте, это сытно и сладко, словно лепешки на меду. Как Моисей сказал тогда: «Это хлеб, который Господь дал вам в пищу». А что мы будем пить? И снова, сам Господь Всемогущий об этом позаботился!

Хаим воздел обе руки, и по всей Петре из камней забили источники свежей, холодной воды, и было ее достаточно для всех.

* * *

Дозаправка в Мэриленде прошла без проблем, но Рэйфорда беспокоило, не выбрали ли они свой резерв псевдонимов. Через пару часов Рэйфорд сел за управление, чтобы посадить самолет на крохотной полосе возле озера Мичиган рядом с развалинами пригородов Чикаго. Его пассажиры отоспались, но известия, полученные от Стива Планка, привели их в состояние шока.

В убежище новость тоже оказала угнетающее действие. Чань передавал из Нового Вавилона, что ему удалось уничтожить в компьютере тепловые данные по передвижениям и деятельности Хлои, которые в противном случае подняли бы тревогу, и Цион с Рэйфордом передали ему по телефону, что Хлоя чувствует себя страшно виноватой.

— Зато она принесла потрясающее известие, — сказал доктор Бен-Иегуда. — Она хочет лично забрать вас. И, да, молодой мистер Вонг прикроет вашу посадку здесь и поездку на машине.

Посадка была испытанием способностей Рэйфорда. Он приземлился как можно ближе к воде. Подумал — а не лучше ли было передать управление Маку? Но обратная тяга и углеродные тормоза оставили ему пространство для маневра, и он поставил самолет между двумя заброшенными домами, где для самолетов-разведчиков его можно было бы засечь только с определенного ракурса, который был доступен всего пару секунд в день.

Остальные пропустили Бизона вперед, чтобы тот мог обнять Хлою. Она взяла из подземного гаража небоскреба Стронга «хамви» и пригласила с собой Минь, чтобы та держала на руках Кенни. Рэйфорд потянулся и стал любоваться воссоединением семьи, в то время как остальные пятеро выбирались из самолета и выгружали вещи. Оказавшись наконец снова в убежище в небоскребе, они, после знакомства с новоприбывшими, преклонили колени и помолились, поплакали о погибших и о тех, кто был в опасности. Рэйфорд показал им урночку с прахом Хэтти, а Ханна пустила по рукам телефон Давида.

— Мы ведь не бросим Джорджа в Греции на произвол судьбы?

— Конечно, Зик, — ответил Мак. — Но нам нужно составить план и много о чем по-

думать, а времени мало. И ты тоже будешь загружен по полной.

— Готова поспорить, что знаю тех, кто рвется помогать, — сказала Хлоя.

* * *

День Чаня протекал среди перешептываний и сплетен его сослуживцев. Двоих индусов-бортпроводников с самолета Карпати приговорили к смерти за передачу тайных сведений агенту в Новом Вавилоне. Под подозрением были все. Все проходили детектор лжи. Общее приглашение всем служащим ознакомиться с новым впечатляющим кабинетом верховного potentата было отложено из-за того, что Карпати вернулся из Израиля раньше, чем планировал. Но те, кто уже побывали там, восторженно рассказывали, что там потолок до самой застекленной крыши, так что создается впечатление, будто бы кабинет выходит прямо в небо. Его расширили, стены прилегающих кабинетов и конференц-залов снесли, чтобы создать одно огромное пространство, в котором князь мира сего мог отдыхать, вести дела или проводить встречи. Что он и сделал, засев там на целый день с потентатами десяти мировых регионов.

Чань поспешил к себе, чтобы прослушать записи этой встречи, но сначала он проверил

копии того, что собранный в Петре компьютер рассыпал по всему миру по своей защищенной сети. Здорово было услышать слова Хaimа обо всех чудесах — эта весть немедленно расходилась из уст в уста или по Сети по всему миру. Сразу же приходили сообщения от людей со всех континентов, которые распечатывали текст речи Хaimа или передавали его по электронной почте. Тайные подпольные церкви воспрянули духом, многие люди присоединились к верующим. Нерешительные и разочаровавшиеся в Карпати искали верующих, мир возрождался прямо на глазах у Чаня.

И очень вовремя, с учетом встречи на высшем уровне, которую затеял Карпати. Он быстро закончил с обменом любезностями со своими новыми любимчиками и перешел к делу.

— Мир изменился, господа, — сказал он, — и за последние несколько дней сильнее, чем за последние три с половиной года. Пожалуйста, не надо вопросов. Я знаю все ваши проблемы, но сегодня хочу поговорить о моих. Без чудесного вмешательства последствия океанической катастрофы нескоро удастся устраниТЬ. И мы должны творчески подойти к решению этой проблемы. Но вы ничего не заметили, друзья мои? Очевидно ли это для вас так же, как и для меня? За нынешнюю ситуацию мы должны благодарить евреев.

Да, евреев! Кто последним принял карпатианство? Евреи. Кто их новый Моисей? Человек, который называет себя Михеем,

но, насколько мы знаем, это не кто иной, как еврей, который напрасно убил меня, доктор Хаим Розенцвейг.

Кто такие эти иегудайты? Они говорят, что следуют за Иисусом, но идут они на самом деле за Бен-Иегудой, за евреем. Да и сам Христос был еврей. Они называют меня Антихристом. Что же, я стану Антиевреем! И вы тоже. Это война, господа. И я хочу, чтобы она развернулась во всех десяти регионах мира.

С моей стороны, мы планируем расшатать и окончательно уничтожить так называемых верующих в Иисуса, которые на самом деле всего лишь сектанты-иегудайты. Сам Цион Бен-Иегуда, который хвалится тем, что у него миллиард последователей, сделал публичное заявление — и это станет для него смертельной ошибкой. Он принял приглашение от этого самого зарвавшегося Михея — ну, вы сами знаете кого, — которого мы должны поблагодарить за эпидемию язв и отравление морей. Он согласился лично обратиться в Петре к миллиону трусов, которые отказались выразить верность мне и разбежались, как дети, как только им выпала возможность унести ноги.

— Ваше высочайшество, — сказал кто-то, — разве вы не могли их остановить на подходах к Петре?

— Прошу не перебивать! Конечно, мы легко могли перехватить их, но они сильно упростили нам задачу — в том числе и в экономическом плане. Они собрались в одном

месте, и как только Бен-Иегуда выполнит свое обещание, мы устроим ему сюрприз. Или два. Или три. Директор департамента разведки и безопасности Сухайль Акбар...

— Благодарю вас, ваше высочайшество, — заговорил Акбар. — Мы тщательно отслеживаем деятельность иегудаитов, и хотя нам еще не удалось внедриться в Петру, они сами заперли себя в этом районе, избавив нас от трудов. Мы готовы направить туда два бомбардировщика, как только узнаем, что Бен-Иегуда отправился в путь, — мы уверены, что ему до Петры лететь не более двух часов, — и сбросим по бомбе с каждого борта прямо на Петру в течение нескольких минут после его прилета. Затем мы запустим ракету, которая поставит окончательную точку в решении этой проблемы. Мы предполагали осуществить запуск с океанского судна, но теперь она будет запущена с земли.

Чань не удержался, хихикнул, увидев, что разведка попалась на их уловку с часами в пиратской телепередаче с Ционом.

Карпати снова взял слово.

— Эти иегудаиты оказались такими фанатиками, они так зависят от ежедневного трепа Бен-Иегуды, что одна его смерть сможет покончить с этой помехой. Мы знаем, что существуют другие логова и цитадели иегудаитов, но мы уверены, что больше не найдется человека с такой харизмой и задатками лидера, чтобы противостоять нашим безграничным ресурсам.

Но не обольщайтесь, друзья мои. Евреи повсюду. Хоть один из потентатов может утверждать, что в его регионе нет значительной еврейской диаспоры? Конечно, нет. У меня есть для вас хорошая новость, которая заставит вас забыть о неудобствах, причиненных столь срочным моим вызовом. Я не пожалею средств на этот проект, никакое обоснованное требование не останется без удовлетворения. Это война. И я выиграю ее любой ценой.

Поддерживайте в боеготовности ваши центры верности и используйте средство убеждения. Но с этого момента не уничтожайте на месте евреев, пойманых без печати. Я хочу, чтобы они страдали за решеткой. Используйте ныне существующие тюрьмы, но стройте новые как можно скорее. Не надо изысков или красот. Просто делайте их неприступными. Подходите к делу творчески, обменивайтесь идеями. В идеале эти люди должны прожить достаточно долго, чтобы успеть изменить свое мнение или пожелать смерти. Но вот этой роскоши им позволять нельзя.

Они поймут, что мало кто из уцелевших иегудаитов им сочувствует. Они будут одиночки, как всегда, даже если их соседи по камере будут такими же евреями. Не стесняйтесь в средствах, пусть окончательно деградируют. Ни одежды, ни отопления, ни кондиционера, никаких лекарств. Только еда, чтобы не сдохли.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

И я хочу получать от вас отчеты, господа. Снимки, сводки, описания, записи. Эти люди сами запросятся на гильотину. Ваши лучшие, самые креативные идеи мы будем транслировать по телевидению. Эти собаки тысячи лет заявляли, что они, дескать, избранный Богом народ. Что же, теперь они встретятся со своим богом. Да, я их избрал. Они даже в смерти от меня убежать не смогут.

Требуйте любого финансирования, оборудования, транспортных средств, оружия — всего, что вам нужно для травли этих хорьков. Потентат, который сумеет подольше продержать их живыми, получит двойной бюджет. Вопросы есть?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Джордж Себастиан намеревался перекусить, когда он и его подопечные окажутся на борту и взлетят, покинув Грецию. Теперь, конечно, голод был последней из его проблем, но ведь если он ослабеет, это делу не поможет. Греки, в частности, те громилы, которые взяли его врасплох и — как он предполагал — люди, с которыми он должен был выйти на связь, — запасались водой. Новости о катастрофе с морями заставили всех рвануть к рекам и озерам, чтобы запастись еще и пресноводной рыбой. Вскоре вода будет на вес золота.

Его похитители, как он понимал, имели связи в верхах. Проехав примерно сорок минут в направлении на север, они повернули на воссток и ехали еще минут двадцать, если только он окончательно не потерял ориентацию в про-

странстве и времени. Они ехали по более мягкой почве, он слышал шорох листьев и веток, когда те задевали джип. Судя по всему, вторая машина все еще шла позади них.

Джордж благодарил своих военинструкторов, поскольку его подготовка включала долгое пребывание с завязанными глазами и моделирование допроса. В первый раз он был просто ошеломлен тем, насколько беспомощным он чувствовал себя, хотя и сознавал, что с ним «работают» свои. Сидеть в наручниках, с завязанными глазами, пусть и зная твердо, что тебя не убьют, — все равно от этого душу наполнял страх, лишал сил, вгонял в панику. Ему приходилось сидеть без еды и воды, но мучительнее всего было находиться в полном одиночестве, когда собственный разум начинает вытворять с тобой всякое. Потом ему сказали, что он все равно был в Калифорнии, неподалеку от Сан-Диего, от собственного дома. Но умение отслеживать время, умение сохранять спокойствие и трезвость рассудка быстро улетучивались, и молодой, сильный, крепкий курсант начинал думать, что прошли часы.

Он пытался воспользоваться опытом, который приобрел в том испытании и применить его сейчас, но ему даже вспоминать о том не хотелось. Сложнее всего была тренировка на выживание без ресурсов. Джорджа в полку считали самым изобретательным и сообразительным солдатом. Когда их сбрасывали среди леса в тридцати милях от базы

в одних шортах и ботинках, он всегда возвращался первым. Он умел импровизировать, находил обратную дорогу, ориентируясь по положению тени, по густоте листвы, полагаясь на интуицию. Он знал, как защититься от солнечных лучей, как не ходить кругами — стандартная ошибка всех, кто теряет ощущение направления.

Но оставаться в темной комнате, куда не проникает ни единого звука, даже нет дыхания соседа, когда не слышно приглушенных голосов офицеров за дверью или разговоров собратьев-курсантов о том, кто сколько вот так просидел, — вот это было настоящей пыткой. Хотя он быстро освободился от веревок, руки оставались скованными. Но он мог стоять и ходить, мог оценить размер комнаты. А чтобы скоротать время, он вспоминал стихи и песни, дни рождения и даты особых событий.

Но когда этот источник иссяк и после двух часов он начал терять счет времени, ему захотелось позвать своих собратьев-пехотинцев и сказать, что с него хватит, что он уже дошел до ручки, что пора вернуться к нормальной жизни. Но ведь тогда он будет слабаком, неудачником. Ему придется сознаться, что ему тоже хотелось плакать, кричать, молить, биться о стену, просить не забывать о нем. В конце концов, он поддался соблазну и немного пошумел на случай, если его действительно забыли — чтобы они могли сохранить лицо и сделать вид, что это тоже входит в обучение.

Он вспомнил, каково это — испытывать голод, жажду и отчаяние, но ведь там всегда была страховка. В глубине быстро слетающего с катушек разума сохранялось осознание того, что это все-таки только обучение, что настоящей угрозы его жизни, здоровью и разуму нет. Никто не намеревался причинить ему вреда. Никто не угрожал жизни его невесты, ничто не случилось бы с его родителями.

Его командиры обучали людей основам аутотренинга, который большинство из них пропускали мимо ушей как нечто, пригодное только для наркоманов, придурков или восточных мудрецов. И все же Джордж видел некую пользу в измененном состоянии сознания, хотя бы в попытке войти в него. Даже сейчас, даже став христианином, он не хотел делать ничего такого, что было бы связано с религиозным аспектом медитации. Но ему хотелось выйти из этой жизни, достигнуть какой-то точки вне пределов своего разума, спрятать свои чувства и эмоции там, где им не сумеют угрожать какие-то там простые смертные.

Но такое состояние у него держалось недолго, и именно этого он сейчас боялся. Сейчас все было на самом деле. Чем больше он пытался успокоить дыхание и заставить себя не думать о голоде и жажде, тем неотвязнее становились эти ощущения.

Его разбудили среди ночи — ни единого луча света не пробивалось сквозь его повязку. Разбудили ударом приклада под ребра, и

сколько бы он ни пытался упорядочить информацию, которую мог припомнить с того самого момента, как та девка обыскала его, самым превалирующим чувством был стыд.

Нет, подростки и те, кто им помогал, попались не из-за него. Он с воодушевлением взялся за поручение, но отнесся к нему легко-мысленно, не как к военной операции. В Негев была война, откровенная и простая, разве что их окружал враг, превосходивший их по огневой мощи, и велась она совершенно не по правилам. Это дало повод его душе понять, что бывает с тем, кто смеет дразнить Бога.

«Наш генерал лучше вашего, — подумал он. — И игре конец».

Он чуть не улыбнулся. Да с чего ему думать о тех, кто держит сейчас его в плену, ведь архангел Михаил может явиться в любой момент и повергнуть их в обморок — это еще если им повезет.

Его быстро поняли на ноги, затем он услышал, как открылись две двери. Его втолкнули внутрь, он почувствовал, что зажгли свет. Еще несколько шагов, еще одна дверь, запах плесени, толчок в спину, ступеньки вниз — но сколько? Он осторожно начал спускаться, нащупывая дорогу, но его снова толкнули, он побежал по лестнице, надеясь оказаться внизу прежде, чем потеряет равновесие. Не вышло.

Джордж не знал, сколько он будет катиться по этим деревянным ступеням. Лучшее, что он сумел сделать, — это прижать

подбородок к груди, зажмурить посильнее глаза и поднять к груди колени. Он насчитал две, три, четыре ступени, затем ударился об утрамбованную землю. Перекатился еще пару раз. Все время думал, что ударится о стену или что там еще.

Когда он, наконец, остановился, повалившись на правый бок, по звукам шагов понял, что лежит ногами к своим похитителям. Он по-прежнему лежал, свернувшись клубком, и изображал, что пострадал куда сильнее, чем на самом деле. Он негромко застонал и лежал, не двигаясь. Подождал, пока шаги приблизились, затем резко выпрямил ноги.

Никто на его базе не мог делать столько приседаний с весом, как он, и никто не мог сравниться с ним в жиме ногами. Не будь у него завязаны глаза, он сломал бы врагу обе ноги. Но он зацепил врага только по одной ноге. Тот заорал, Джорджу показалось, что в колене у противника что-то хрустнуло. Он грохнулся на землю, выронив оружие.

— Идиот! — сказал другой, и Джордж услышал смех девушки.

— Я убью его! — прорычал упавший, хрюкая и подывая от боли, пытаясь встать на ноги.

— А ну, прекрати! — приказал другой. — Он наша единственная зацепка.

— А не надо было ей заваливать остальных трех!

— Что выросло, то выросло. У нас только он, и не делай больше глупостей.

— Больше?

— А ты думал, что это умно, что ли? То, что ты здесь вытворяешь?

Себастиан ощутил дуло у своей шеи.

— Лежи тут тихо, парнишка. Мы идем наверх.

Его потянули за наручники, боль в поврежденной руке вынудила его встать. Его подвели к стулу и грубо посадили. Ему показалось, что внизу с ним остались только двое мужчин и девушка. Шаги вверх по лестнице. Он попытался успокоить дыхание так, чтобы слышать. Один из них, наверху, что-то говорил, но никто ему не отвечал. Значит, по телефону. Он говорил что-то насчет машины — возможно, с тем клерком, у которого Джордж ее взял. Затем что-то о самолете. Джордж подумал, что будет лучше, если его пристрелят прямо на месте. Он смотрел на это задание как на легкую прогулку, а теперь подставил весь отряд Скорби. И если верить этим типам, остальные люди из греческого подполья уже мертвые.

Запах сигаретного дыма. Выдох в лицо.

«Ну-ну», — подумал он. Эти люди настроились дурацких фильмов. Неплохо будет учесть все их недочеты. Кто-то сел на корточки рядом с ним. Наверное, тот, второй, что был на лестнице, наверху. Второй некоторое время побудет на страже.

— Мы можем осложнить тебе жизнь, а можем и облегчить, — сказал он, и Джордж еле удержался. Ему пришлось сжать губы, но

все равно он хихикнул. Ему хотелось спросить, не собираются ли они поиграть в злого и доброго копа, но предпочел помолчать.

— Мы знаем, кто вы такой, мистер Себастиан. — И Джордж не выдержал. Он расхохотался, угадав, какие слова будут следующими. — Мы знаем, на кого вы работаете.

Борьба со смехом только усугубила ситуацию. Он сидел, сжавшись, попискивая от усилий, чтобы только не расхохотаться. Его ударили по лицу, разбив верхнюю губу.

Джордж чуть ли не выдохнул облегченно — это помогло взять себя в руки. Он вытер рот о плечо, почувствовал на языке вкус крови. Слюннул. Ну, хоть не убили за смех. Но когда ему сказали, причем с сильным акцентом, что сейчас перейдут к делу, Джордж чуть было не рассмеялся снова. Но разбитая губа распухла, и у него было предчувствие, что это еще цветочки.

— Нам нужно только знать, где мы можем найти ваших. Если твоя информация подтвердится — будешь свободен. — Словно они не прикончат его за отсутствие печати верности. — Мы отследили их до Соединенных Карпатианских Штатов.

Джордж чуть заметно склонил голову. Это его удивило, и он не пытался скрывать этого, поскольку понимал, что они истолкуют его удивление в свою пользу — сочтут, что он ошеломлен тем, как много они знают. Ни для кого не секрет, что Цион Бен-Иегуда скоро будет на пути в Петру, так зачем им другие?

— Ты будешь очень удивлен тем, сколько мы знаем. Розенцвейг больше не представляет угрозы, пока находится в горах. Его сообщник, Кэмерон Уильямс, противозаконно распространяет по Интернету материалы, подрывающие устои Мирового Сообщества, то есть совершает преступление, за которое карают смертью. Мы знаем, что в самом МС есть агент, который работает на иегудайтов. И пилот, который выдавал себя за служащего МС, зашел слишком далеко. Он был связан с Уильямсом, который действовал под другим своим псевдонимом и тоже выдавал себя за эмэсовца. На время ему удалось освободить двоих заключенных. У нас есть основания полагать, что бывшая охранница Брюссельского женского реабилитационного центра, ныне находящаяся в розыске, может быть связана с этими людьми.

Джордж подумал, удалось ли им найти связь между Минь Той и Чанем Вонгом. Возможно, тот факт, что она успела побывать замужем и теперь носит другую фамилию, несколько оттянет момент сопоставления. Но все это только вопрос времени. Чаню надо уносить ноги из Нового Вавилона.

Тюремщик Джорджа говорил так, словно был уверен, что Джордж в шоке от того, сколько им известно. Вообще-то его поражало то, сколького они не знают. Похоже, они так и не связали крушение «Квази-2» с отрядом Скорби, и никто не знал, что самолет был пуст.

Опять ему дожнули дымом в лицо.

— Короче, ты говоришь нам, где искать, и если не соврешь, то вернешься домой к семье.

Смешнее всего было то, что Джордж не мог бы выдать отряд Скорби, даже если бы хотел. Ради его же собственной безопасности Рэйфорд велел ему только довезти Марселя и Георгиану до Канкаки в Иллинойсе, где сам намеревался встретить их на взлетно-посадочной полосе. Будет ли Джордж провожать их до убежища или полетит домой в Сан-Диего — все это зависело от времени, погоды и подозрений, которые могли возникнуть, если бы за него взялись эмэсовцы.

Допрашивавший его перешел к следующей стратегии в учебнике по допросам заложников. Он доверительно положил руку на плечо Джорджа и прошептал:

— Нам нужно только место. Никто не узнает, откуда мы узнали, ты получаешь свободу, все довольны.

Этот человек настолько штампованным действовал, что Джорджа прямо подмывало ответить по-своему — харкнуть кровавым плевком ему в морду. Но он хорошо усвоил одну вещь — апатия более оскорбительна, чем сопротивление. Если он сопротивляется, то врачи понимают, что сумели его зацепить. А вот если он на них не реагирует, то им не за что уцепиться, и злоба на то, что их не принимают всерьез, доведет их до белого каления.

Как бы это ни было смешно, но об этом Джордж узнал от собственной жены. Он был

не против, когда она спорила с ним. Но когда она отступала и говорила, что ей все равно, вот это его доставало по-настоящему. Выход из боя, насколько он знал, жестокая стратегия. И теперь он с мстительным удовлетворением пользовался ей. Он не мотал головой. Не пытался брыкаться. С того момента, как он изобразил намек на удивление после слов, будто бы МС знают о присутствии отряда Скорби в этом регионе, Джордж едва ли пошевелился. Тот, кто вел допрос, даже не мог сказать, слушает ли Джордж его. Вообще-то он и не слушал.

Чтобы не поддаваться соблазну отреагировать невербально, Джордж начал молча перечислять про себя книги Библии. Закончив, начал перебирать любимые стихи. Затем песни.

Грек ткнул его прикладом. Джордж не хотел, чтобы тот подумал, будто он задремал. Он поднял голову.

— Итак, Себастиан? Ты отказываешься? Так хоть скажи. Нет? Скажи, что ты не собираешься ничего говорить. Просто назови звание и номер. Твое имя нам и так известно. Давай. Даже этого не скажешь?

* * *

Чань отслеживал все источники и сайты, продолжая слушать записи со встречи Карпати. Самым тревожным был список, со-

ставленный для Сухайля Акбара, в котором числились все известные его департаменту служащие МС, находящиеся в самовольной отлучке. Чань обнаружил там имя своей сестры и уничтожил его, хотя и понимал, что, возможно, слишком поздно. Сколько народу знали, что это его сестра? Возможно, этого не знает даже Акбар. Мун знал. И сам Карпати. Чань мог только надеяться, что эти детали слишком ничтожны для того, чтобы потентат удостоил их своим вниманием. Кто знает, к чему это приведет? Да, он делал вид, что верен потентату, у него даже клеймо есть. Но если за него возьмутся плотно, то как долго он сумеет выгораживать родителей и сестру? Сейчас не время, но однажды ему придется поднять эту тему в разговоре с Рэйфордом Стилом. Он был уверен, что сможет отслеживать ситуацию во дворце и штаб-квартире МС из убежища.

В ходе встречи Карпати с региональными потентатами, кто-то из них в ответ на заявление Николае по поводу решения еврейского вопроса задал собственный вопрос:

— Означает ли это, что вам больше не надо присыпать диски с записью гильотинирования преступников?

— Вовсе нет! Это более чем приятное развлечение. Как вы знаете, я больше не нуждаюсь в отдыхе. Пока другие едят и спят, у меня остается море времени. Одним из преимуществ божественности является наслаждение глупостью моих врагов. Иногда я

просиживаю долгие ночные часы и смотрю, как голова за головой падают в корзину. Эти люди так самоуверенны, так упрямы, так благочестивы. Они поют. Они *свидетельствуют*. Вам не нравится это слово? Они свидетельствуют о своем Боге и выступают против меня. О, как мне от этого плохо, как я раззадорился! И что потом? С высоты пятнадцати футов падает блестящее, тяжелое, ост्रое как бритва лезвие. Чтобы упасть, ему нужно одну семнадцатую секунды — вы это знаете? И лишь последние две сотых секунды ему нужно, чтобы рассечь шею.

Мне это нравится! И единственная проблема, дорогие мои друзья, в том, что гильотина слишком гуманное орудие! Слишком быстрое и слишком убийственное для этих евреев. Насколько вы будете изобретательны в способах долгой и мучительной смерти для мужчины или женщины? Я хочу это знать! Я хочу, чтобы вы присыпали мне аудио- и видео-отчеты, все, какие будут. И вы знаете, кого я хочу видеть в качестве подопытных.

В виде особого развлечения во время перерыва на кофе нам представляют казнь двух шпионов, которых мы обнаружили среди obsługi моего собственного самолета. Мы все еще ищем шпиона в штаб-квартире, но, возможно, он или она тоже увидит сегодня эту казнь и поспешит скрыться или будет молить о жизни.

— Значит, этих двоих гильотинируют? — спросил кто-то.

— Я понимаю, — сказал Николае, — это скучно. Но у нас дефицит времени, а это станет приятной передышкой в ходе нашей встречи.

Многие шумно выражали свое одобрение и восторг. Чаню стало дурно. Его тянуло излить желчь в письме к матери, но это было слишком рискованно, пока его отец все еще лоялен Карпати. Он еще сохранял крохотную надежду на то, что они оба одумаются, поскольку он еще не слышал, чтобы они получили клеймо в своем регионе. Пока он не убедит мать и не достучится до отца, он не мог быть уверен, что отец не выдаст его сразу же, если решит, что Чань ведет подрывную деятельность.

* * *

Рэйфорд созвал на встречу троих оставшихся из самых первых бойцов отряда Скорби и Циона. Встреча проходила у Циона в кабинете.

— Надеюсь, мы сейчас будем говорить о том, кто полетит в Петру с доктором Бен-Иегудой, — сказала Хлоя.

— И об этом тоже, — ответил Рэйфорд.

Все расселись по местам, Цион казался глубоко погруженным в свои мысли.

— С вами все в порядке, доктор?

— Должен признаться, я обеспокоен, — сказал рабби. — Ничего удивительного, но

мне кажется, что мы на распутье. Я знаю, что мы будем терять все больше и больше соратников, но мне кажется, что тот маленький период безопасности, что выпал на нашу долю, быстро кончается.

— Это так, — ответил Рэйфорд. — Мы знаем, что Джордж в худшем случае укажет им на Иллинойс, но вряд ли они добьются от него даже этого.

— Я тоже так думаю, — сказал Бизон. — Они вообще ничего из него не выбьют.

— Разве что его собственную жизнь, — вздохнул Цион.

— А что мы будем делать с нашими новыми друзьями? — поинтересовалась Хлоя.

— Это одна из причин, по которой мы собирались, — сказал Рэйфорд. — Мне кажется, что хотя найти новых замечательных братьев и сестер очень радостно и чудесно, но твоя выходка была очень необдуманной и могла погубить все.

Хлоя пристально посмотрела на него, словно хотела ответить ему как отцу, а не как главе отряда Скорби.

— При всем уважении я не знала, какую информацию стратосферная разведка может дать МС. Не стоит ли рассказать об этом всем нам?

— Да откуда мы могли знать, что ты пойдешь искать приключения в одиночку?

— Во время прошлой моей вылазки мы нашли это убежище. А теперь посмотри, что получилось в результате этой.

— Это тебе повезло, — сказал Рэйфорд. — А вдруг это оказались бы эмэсовцы или просто подонки? Мы же могли тебя потерять! Могли потерять убежище, весь наш смысл существования.

— Извини, но теперь у нас есть люди, которым мы можем помочь и которые могут помочь нам.

— А ты об их чувствах не подумала, Хлоя? Вдруг они не хотят переселяться в наше здание, хотя в нем гораздо безопаснее и лучше? Вдруг они не хотят влияться в отряд Скорби? Ведь до сих пор они были самодостаточны, у них было свое руководство. Может, они не хотят, чтобы их направляли на опасные задания под псевдонимами, и все такое.

— Они хотят переселиться сюда, — сказала Хлоя. — Они хотят помогать в поездках и при выполнении заданий. Но ты прав. Они хотят сохранить свою организацию. Им хорошо в своем кругу, и хотя они были бы рады послушать Бен-Иегуду, но их пастырь — Энох, и они хотят, чтобы все так и оставалось.

— Значит, — продолжил Рэйфорд, — они хотят получать все блага отряда Скорби, но ничего не делать.

— О нет, они отплатят, — ответила Хлоя. — Они будут работать. Они будут отправляться на задания. Они готовы обменивать все, что у них есть, на еду и необходимые вещи, как и все остальные участники взаимопомощи. Они не обязаны нам рентой за здание, которым мы не владеем.

— Они особенно оговорили пункт, что не станут нам подчиняться?

— Нет, на этом настояла я. А что, это неизменное условие, что они должны подчиняться тебе?

— Вовсе нет, Хлоя. Просто у нас нет времени на перебранки, мы не можем позволить себе дезорганизацию и безответственность.

Цион поднял руку.

— Это чудесные братья и сестры, капитан Стил. Я уверен, что они станут прекрасным пополнением населению этого дома, но это надо делать постепенно. Посмотрим, как все пойдет, пока нас с вами не будет. Я не рекомендую брать кого-нибудь из новеньких в эту поездку.

Хлоя покачала головой.

— Значит, уже решено, что летите только вы с Ционом?

— Нет...

— Так зачем было тогда собирать встречу...

— Хлоя, я сказал — нет. Да, мы с Ционом летим. Но и остальные тоже.

— Надеюсь, я тоже.

Рэйфорд пристально посмотрел на нее.

— Я тоже надеялся до того, как ты рискнула выдать нас.

Хлоя встала.

— Ушам своим не верю! — воскликнула она. — Значит, взаимопомощь без меня не может функционировать? А Бизон не сможет присмотреть за Кенни?

Рэйфорд посмотрел на Бизона, чтобы не демонстрировать отцовской власти, если тут присутствует муж.

— Осторожнее, Хлоя, — сказал он. — Дочь ты мне или нет, есть такая штука, как субординация.

Бизон взял ее за руку.

— Не отказывайся от интересного поручения, — заявил он.

— Да я не ищу интересного, — сказала она. — Я ищу важного поручения.

— И как тебе Греция? — произнес Рэйфорд, и она тут же села. — Я лечу с Ционом в Петру. У меня будет новое лицо и новое имя. Как только эмэсовцы поймут, что я не Бизон, их внимание, так или иначе, обратится на Циона. Нам для подстраховки нужен еще один летчик, так что полетит Абдулла. Я хотел бы, чтобы вы с Ханной отправились в Грецию. Ты меньше всего из всех нас засветилась, а мы точно знаем, что эмэсовцы подозревают, что Ханна и те, кто якобы был на борту разбившегося самолета, бежали. Ты, как женщина, не будешь вызывать подозрений и опасений.

— Кто повезет нас?

— Если сумеем организовать материально-техническое обеспечение операции, то Чань организует доставку на Крит эмэсовского самолета. Вы двое и Мак там расстанетесь с нами и отправитесь в Грецию, в то время как мы с Ционом и Смитти полетим в Петру. Будете выдавать себя за эмэсовцев, а

это будет рискованно без клейма. Мак будет вас отслеживать и присматривать за вами, тоже выдавая себя за эмэсовца. В идеале мы хотели бы, чтобы хоть кто-то из вас сумел убедить врага в том, что вы назначены отслеживать ситуацию с Себастианом аж с самого верха.

— И сколько времени им потребуется, чтобы все просечь? — сказала Хлоя.

— Маскарад продлится, пока вы будете его поддерживать. Всем нам надо попросить Зика сделать нам новые документы и изменить внешность. Всем, кроме тебя. Я не думаю, чтобы хоть кто-нибудь знал тебя в лицо. Но как я объясню людям, что даю такое поручение человеку, который навлек...

— Капитан, — сказала Хлоя, — дайте мне это задание, чтобы я могла оправдаться.

* * *

Следуя инструкциям из убежища, Чань начал составлять досье на всех, кто отправлялся на Крит, затем в Грецию или Петру. Он ввел в базу рост и вес Рэйфорда и более-менее соответствующую дату рождения вместе с опознавательными признаками, сделав его родным братом тому, за кого выдавал себя Абдулла Смит. Оба будут выдавать себя за египтян. К счастью, Абдулла не брился недели две, потому сделает себе эспаньолку,

которую Зик покрасит под седину. Рэйфорду сделают более темную кожу при помощи химической обработки, у него будут темные густые усы, и он станет носить очки с маленькими круглыми линзами.

Поскольку Ханна от природы была смуглой и темноволосой, Зик сделал из нее индуску из Нью-Дели вместо американской индеанки. Хлоя могла внешность не менять, но теперь у нее было новое имя и канадское происхождение.

А вот что делать с Маком — это был вопрос. В нем легко узнали бы бывшего пилота Карпати, так что ему изменили цвет кожи так, чтобы не были заметны веснушки, и перекрасили волосы, чтобы скрыть рыжину. У него тоже будут очки, но ему придется вести игру и изображать из себя старшего офицера МС, нахрапом и угрозами брать слишком старательных клерков.

— Самое большое ваше преимущество — это резкая нехватка кадров МС по всему миру. «Нам» так не хватает людей, мы болеем, умираем. Так что поддерживать режим строгой секретности в буквальном смысле невозможно. К счастью, в большинстве регионов имеется избыток транспортных средств — естественно, за исключением Израиля.

Вечером, сделав всю работу на компьютере, Чань снова стал прослушивать запись встречи Карпати, одновременно составляя подробное — как он надеялся — письмо матери. Беда была в том, что, как правило, эта

женщина не была чувствительна к подробностям.

— Наши инженеры, — вещал Карпати, — работают круглые сутки, чтобы решить проблемы с водой. Вся промышленность, связанная с морем, естественно, уничтожена. Мы потеряли сотни тысяч наших граждан, которых мы вряд ли когда сможем эвакуировать с моря. Корабли не могут ходить по такой густой, липкой жидкости, и разлагающиеся трупы морских животных представляют серьезнейшую в истории угрозу здоровью человечества. Да, более страшную, чем нарвы и язвы. Люди и от них-то желали лучше умереть, чем эту напасть терпеть. А катастрофа с водой снова косит ряды наших граждан.

— Ваша божественность, — сказал кто-то, — в нашем регионе наблюдаются тревожные тенденции. Даже люди, носящие вашу печать верности, начинают выступать против вас. Мы говорим, что в случившемся виноваты не вы, но вы же знаете людей. Им надо кого-то обвинять, и вы стали мишенью.

Прежде чем Карпати успел ответить, с места вскочил Фортунато. Чаню показалось, что он стал прежним Леоном.

— Этого нельзя спускать с рук! — воскликнул он. — Здесь и отныне приказываю и велю распространить всем служителям карпатианства во всех десяти регионах, что с нынешнего дня все граждане мира обязаны поклоняться образу их верховного потента-

та, их истинного воскресшего из мертвых владыки утром, после обеда и перед сном!

— И как мы сумеем осуществить этот приказ? — спросил кто-то.

— А вы проследите за его исполнением, — сказал Карпати. — Эти слова достопочтеннейшего отца карпатианства вдохновлены свыше!

— Но, сэр, ведь еще много тех, кто не получил печати верности!

— Тогда они должны умереть!

— Достопочтенный! — воскликнул Карпати, и в голосе его явно слышалось восхищение.

— Я сказал, — ответил Леон, разгорячившись до предела. — Прошло время проволочек и оправданий. Либо примите печать верности богу — либо умрите! Все, кого схватят без печати верности на лбу или правой руке, должны будут либо немедленно согласиться получить ее, либо, после отказа, быть гильотинированы.

Повисла тишина, в которой Чань прямо слышал, как потентаты работают мозгами, обдумывая последствия.

Наконец, заговорил Карпати.

— При одном существенном исключении, — заметил он.

— Конечно, ваше высочайшество, — сказал Леон, — вы сами не обязаны носить печать верности самому себе!

— Ох, достопочтеннейший, — разочарованно сказал Карпати, — вы разочаровали меня!

Осквернение

— Простите, ваше величайшество. Так что за исключение?

— Евреи! Евреи, достопочтеннейший Фортунато!

— Конечно же! — воскликнул Леон. — Как разъяснил нам сам потентат, гильотина для евреев слишком гуманное орудие.

Чань завершил письмо матери следующими строками:

«Поскольку вы с отцом еще не получили печать верности, спроси отца, по вкусу ли ему придется закон, по которому ему теперь следует либо немедленно получить печать, либо умереть. Как это отзовется в сердце и разуме человека, во всем остальном верному Карпати? Не лишит ли его это всякого удовольствия от выражения верности предводителю?

А так будет, и вы сможете услышать об этом вскоре после того, как ты получишь мое письмо. Как только региональный потентат Азиатских Соединенных Штатов вернется из Нового Вавилона, ждите оглашения этого постановления. Самое время найти иной объект поклонения. Сейчас это может показаться более рискованным, но, в конце концов, это выбор между вечной жизнью и окончательной смертью».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Рэйфорд никогда не сомневался в художественных талантах Зика. Но за последние несколько дней молодой человек превзошел самого себя. Со всего небоскреба Стронга члены отряда Скорби и люди из «Плэйс» приходили посмотреть, как день ото дня изменяется облик тех, кто должны были вскоре уехать на задание. Даже Рэйфорд поймал себя на том, что рассматривает свое лицо в зеркале, не понимая, как вообще возможно такое преображение.

— Если ваш юный брат будет продолжать в том же духе, капитан Стил, — сказал ему Энох, — то вскоре вы поймете, каково быть чернокожим.

По мере того как люди из «Плэйс» постепенно заселяли еще один этаж, обе группы начали вместе есть и молиться. Энох пообещал, что его подопечные будут молиться за

отряд Скорби каждую минуту, пока те будут отствовать.

— И многие из нас хотели бы отправиться вместе с вами на одно из ваших заданий. Нам ведь не надо даже лицо менять — нас никто не знает.

За день до полета новостной канал Мирового Сообщества сообщил об экстренном заявлении, которое намеревался сделать достопочтеннейший отец карпатианства Леон Фортунато. Он собирался обратиться ко всему миру по радио, телевидению и Интернету в полдень по дворцовому времени, и повторять сообщение каждый час в течение двадцати четырех часов, чтобы люди всего мира смогли его услышать.

В три утра в Чикаго по приглашению Рэйфорда все обитатели небоскреба Стронга, кроме маленьких детей, тихо вышли из комнат и собрались в общей комнате возле лифтов, где обычно смотрели телевизор. Заявление оказалось достаточно бесцветным, поскольку в нем повторялось то, что и так уже было объявлено по регионам, за исключением того, что случилось — в чем обвинялся, естественно, несправедливо, вездесущий, но неуловимый шпион, проникший во дворец.

— Теперь мы ведем прямой репортаж из прекрасного храма Карпати возле дворца в Новом Вавилоне. С обращением выступит достопочтеннейший Фортунато.

За спиной Леона стоял огромный хор, и, когда он взошел на кафедру, стало понятно,

что он стоит на некотором возвышении, чтобы казаться выше. Он был при всех регалиях. Он пристрастился к пурпурному, серому и золотому цветам своих одежд и орнамента. На его макушке была какого-то исламского вида шапочка — круглая, плотно охватывавшая голову, с плоским дном. Казалось, в своей одежде Леон пытался сочетать все известные в истории символы различных религий, но в результате выглядел он как взбешенный инспектор манежа.

Он стоял с напускной торжественностью и возвышенностью в лице, пока хор пел «Слава Карпати», затем разложил перед собой листы с речью.

— Сограждане по Мировому Сообществу и прихожане всемирной церкви нашего воскресшего из мертвых господа, его высочайшества верховного потентата Николае Карпати... Я взываю к вам в этот час от лица объекта вашего поклонения и обращаюсь к вам со всей мощью, которую он ниспоспал мне лично, чтобы донести до вас его священное послание.

Прошло время милосердия к тем, кто еще не принял печать верности Николае Карпати. Центры верности будут оставаться открытыми еще двадцать четыре часа для тех, кто по какой-то причине не имел возможности получить печать верности. С этого мгновения всякий, кто будет схвачен без печати, будет немедленно отправлен в центр для нанесения печати или в противном слу-

чае познакомится с инструментом воспитания верности.

Более того, все граждане обязаны поклоняться образу Карпати три раза в день, как вам уже сказал ваш региональный потентат. Неисполнение будет сурово караться.

Я знаю, что вы разделяете мою любовь и преданность нашему божеству и с радостью при любой возможности воздадите ему хвалу. И да благословит вас господин наш Николае Карпати, и да благословит он Мировое Сообщество!

Фортунато хотел закончить жестом не то прощания, не то приветствия, но внезапно в храме погас свет. Когда он снова вспыхнул, он выхватил из темноты хористов, которые толкались, пытаясь удрать, и Фортунато, падающего с возвышения. Он попытался подняться, а для этого ему пришлось задрать свои одежды. Все взгляды были прикованы к потолку, но когда камеры повернула туда объектив, что-то случилось с оператором, картинка задрожала и закачалась.

По нижнему краю экрана побежал текст: «Пожалуйста, не переключайте канал. У нас временные неполадки с изображением и звуком». Однако весь интерьер храма был прекрасно виден. И хотя камера давала изображение под углом, показывая лишь пустое возвышение и хоровые подмостки, очень хорошо было слышно топот убегавших людей.

Внезапно картинку закрыло лицо столь сияющее, что экран телевизора ярко освеще-

тил всю комнату. Голос был настолько громоподобен, что женщина, сидевшая рядом с Энохом, отключила звук. Но все равно этот голос был слышен.

— Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем; и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его.

Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса.

Блаженны мертвые, умирающие в Господе¹.

Картинка сменилась видом студии Си-эн-эн МС в Новом Вавилоне. Женщина за столом сказала:

— Мыносим свои извинения за неполадки, не обращайте, пожалуйста, внимания. Мы снова полностью передаем обращение достопочтенного Фортунато.

На сей раз, как только началось видео, снова все закрыл сияющий лик, и опять зазвучал голос. Снова внизу экрана появилось сообщение о помехах, но голос ангела продолжал звучать. Опять студия Си-эн-эн, снова женщина, на сей раз объявляет, что сеть вещания будет отключена до уведомления.

¹ Откровение, 14:9—13

Но как только экран потемнел, на нем тут же снова вспыхнуло ангельское лицо. Бегущая строка говорила о технических трудностях, но ничто не могло погасить сияющего лика и заставить умолкнуть его вещий глас.

* * *

Чань проверил свой компьютер и обнаружил там то же самое повторяющееся сообщение. Он вышел на горячее солнце — и увидел в небесах величественный лик ангела Господня. Чань тут же пал на колени, задыхаясь, недоумевая, как теперь в мире хоть кто-то может сомневаться в том, что Карпати — враг Бога Истинного? Сомневаться в этом можно лишь из-за тупого упрямства. Он бросился писать по электронной почте письмо родителям, но увидел, что они уже сами ему написали.

«Отец говорит, что лучше мы подвергнем опасности нашу жизнь, будем скрываться или ляжем под нож гильотины, чем примем печать. Он чуть ли не руки готов наложить на себя из-за того, что заставил тебя принять это клеймо. Я сказала ему, что тебя уже отметил своей печатью Господь, так же как и Минь. Я свяжусь с сайтом Циона Бен-Иегуды. Мы обратимся к Господу и уйдем в подполье. Молись».

* * *

Рэйфорд понимал, что бесполезно надеяться на то, что его люди отоспятся днем в предвкушении раннего вечернего отлета из Чикаго на Кипр, а затем в Иорданию. Но они пытались. Их новые друзья из «Плэйс» весь день повсюду пели, молились, они были с ними единой церковью — все это было все равно что стоять в преддверии рая. Прежде чем они втиснулись в «хамви», в котором Бизон доставит их до самолета, все они встали в большой круг и опустились на колени в общей молитве.

* * *

Вся выучка Джорджа Себастиана летела к чертям. Решимость, техника медитации, сила характера — все это улетучилось прочь, и на смену им пришли голод, жажда, одиночество и страх. Да, страх. За молчание его избивали — не так чтобы покалечить, по крайней мере пока. Но его уже несколько раз били прикладом по лбу и затылку, от чего голова пульсировала болью.

Его били по спине и плечам — судя по ощущению, велосипедной или мотоциклетной цепью. Под конец его стали бить кулаком в лицо, так что, наверное, прежнего лица у

него больше не будет. Он пытался угадывать, когда последует очередной удар, чтобы хоть как-то уклоняться. Под конец ему пришла идея сделать нечто совершенно противоположное. Когда он ощутил замах, услышал выдох, почуял движение воздуха, он поднял голову и принял удар по полной. Прежде чем упасть на пол и отключиться, он понял, что маневр удался. Если он так или иначе отключится, ему не будет хотеться есть и пить.

Его не смогли «пробить» даже разговорами о семье. Он прекрасно понимал, что если заговорит, то его родным от этого лучше не станет. Если враги и правда знают, где его жена и ребенок, то они вполне уже могут быть мертвы. Свою жизнь он тоже уже списал со счетов. Покуда он знает, что очнется на небесах, нет никакого смысла говорить хоть что-то.

Сила сохранять молчание исходила не изнутри, а нисходила откуда-то извне. Он отдал, в конце концов, Господу даже все те силы, которые, как он считал, у него были. Он опустился на холодный пол в углу, абсолютно утратив чувство времени. Живот подводило от голода, горло пересохло.

Его тюремщики переговаривались друг с другом.

— Хочешь, чтобы он подох? Нам же головы поотрывают, если мы его потеряем. Дай ему воды. Так, чтобы совсем не откинулся.

Несколько капель на губах были слаше родниковой воды, но он заставил себя не

глотать их, чтобы они не подумали, что для него и этого хватит. Он позволил большей части воды пролиться, пока они не перестали осторожничать с бутылкой. Тогда он схватил ее горлышко зубами и отхлебнул сколько мог, прежде чем они вырвали ее. Затем его снова посадили на стул, и все началось заново.

* * *

Абдулла приземлился в развалинах аэропорта Ларнаки на Кипре поздним утром. Связной Альби рекомендовал этот аэропорт как одну из наименее патрулируемых взлетно-посадочных полос во всех Соединенных Карпатианских Штатах. Все так и оказалось. И он сам ждал их с самолетом, который появился здесь благодаря компьютерному волшебству Чаня. На нем Мак полетит в Грецию и сядет на заброшенную полосу, которую Чань обнаружил где-то в восемнадцати милях к западу от Птолемаиды. Он состряпал приказ местному эмэсовскому начальнику полиции, чтобы тот выделил шесть машин из автопарка миротворцев и направил к поврежденной землетрясением пустой площадке в полумиле оттуда. В Новый Вавилон к несуществующему командующему пришел ответ: «Вы с ума сошли. Я в лучшем случае одну машину выделить могу».

«Попридержите язык, — последовало от квазиначальства. — Одна — это только на первое время».

Рэйфорд не особенно волновался, пока не увидел напряженности в лице Хлои, когда они расставались на Кипре. Конечно, было бы неестественным, если бы она не испытывала страха. Он и хотел, чтобы все ее чувства были обострены до предела. Но неопределенность их миссии больше всего беспокоила его. Они с Маком и Ханной полетят туда, доедут до Птолемаиды, и что дальше? Начнут расспрашивать, полагаясь на свою эмэсовскую личину? Это же чистое самоубийство. Но они не могли оставить Себастиана в беде, пока еще оставался шанс, что он еще жив.

Рэйфорд крепко обнял каждого из них перед вылетом. У него перехватило горло — он не знал, увидит ли дочь снова. Хлоя держалась с ним так же, как с Бизоном и Кенни в Чикаго, и когда она, наконец, отвернулась, Рэйфорд подумал, что не сказал ей всего, чего хотел сказать. На самом деле он вообще ничего ей не сказал.

До Аммана самолет вел приятель Альби. Насколько всем было известно, он был один. Как только он сядет и загонит самолет в ангар, Цион, Рэйфорд и Абдулла выйдут из самолета и пойдут по полосе к шоссе, появиввшись словно из ниоткуда. Когда с ними будут заговаривать — а непременно будут, — Цион скажет, что ему нужно непременно поговорить с Карпати лично. Цион даст ему надежду на

то, что он сможет покончить с катастрофой в океанах, если ему и его двум неизвестным спутникам дадут вертолет до Петры.

Все, о чем мог сейчас думать Рэйфорд, — это о том, что последний неизраильянин, которого он оправил в Петру, оттуда не вернулся. И все же он и участники операции «Орел» оказались неуязвимыми для армии Карпати. Было ли это просто результатом совпадения по времени и месту — он не знал. Он просто не хотел подвергать риску жизнь Абдуллы и свою, если это возможно. Но тут он ничего сделать не мог. Риск был, и они на него пошли осознанно.

* * *

Чань украдкой отслеживал то, что происходило в кабинетах Сухайля Акбара и Николае Карпати, сидя за своим терминалом. Поскольку в связи с поиском шпиона гайки стали закручивать, ему приходилось вести себя осторожнее, чем прежде. Он следил за кабинетом Фигейроа и постоянно уничтожал свои следы. Наконец, ожидание дало свои результаты.

Секретарь директора Акбара сообщил шефу, что поступил вызов от эмсовской службы безопасности в Аммане о том, что на проводе предположительно Цион Бен-Иегуда, который требует разговора с Карпати.

— Свяжите меня с ним, — сказал Сухайль. Когда связь была установлена, он потребовал разговора с Бен-Иегудой лично. — Откуда мне знать, что это действительно вы?

— Вам — неоткуда, сэр, — ответил Цион. — Только со слов ваших людей. У меня есть просьба к Карпати, и ее я выскажу только ему.

— С вашей стороны будет разумно обращаться к нему официально, как подобает, доктор Бен-Иегуда.

— И тогда он посмотрит сквозь пальцы на то, что я каждый день перед миллиардной аудиторией называю его Антихристом, врагом Бога, а Фортунато — его лжепророком?

— Ждите.

Сухайль велел секретарю дать ему время, чтобы дойти до кабинета Карпати, и попросить перевести вызов туда. Через две минуты запыхавшийся Акбар уже сидел в кабинете Карпати. Тот нажал кнопку громкой связи.

— А, доктор Бен-Иегуда! — начал Карпати, словно говорил со старым другом.

— Я прошу вертолет, чтобы добраться до Петры вместе с моими двумя спутниками, а также прошу не мешать полету. В ответ я подумаю о возможности попросить Бога, чтобы тот снял проклятие с кровавых морей.

— И почему я должен вообще думать об этом?

— Мне не нужно говорить вам об этом — вы сами знаете. Ведь ваши люди наверняка

уже говорят вам, что никогда в мире не было такого сопротивления вам. Не в ваших интересах, чтобы все моря в мире стали называться Красными.

— Если я прикажу доставить вас в Петру, моря снова станут водой?

— Я не могу говорить от имени Бога. Я сказал, что обдумаю возможность просить Его об этом.

— Значит, вы только подумаете?

— Я буду просить. А решать будет Он.

— Хорошо.

— Но нам нужен только вертолет. Пилот не нужен.

— Надо же. Хорошо.

Цион повесил трубку.

Заговорил Карпати.

— Сухайль, сколько от Аммана до Петры лету вертолетом?

— Я проконтролирую, чтобы им дали такой, который доставит их туда менее чем за час.

— Остальное готово?

— Конечно.

— Я хочу, чтобы это место сровняли с землей через несколько минут после его прибытия, а после этого хочу, чтобы туда сразу же всадили ракету.

— Я только дам моим бомбардировщикам время уйти. Они визуально отследят его прибытие, сбросят груз, зачистят весь район, и мы выпустим ракету.

— Откуда?

— По иронии судьбы — из Аммана.

— Блестяще! А самолеты оснащены устройством для записи видеодисков?

— Конечно, но не только этим.

— Что-то еще?

— Мы организовали для вас возможность наблюдать за всем процессом в прямом эфире.

— Да ну!

— Монитор будет стоять в вашем кабинете.

— О! О, Сухайль! Это будет прекрасное развлечение!

* * *

Если бы Рэйфорд не был так ошеломлен, его, может, и позабавил бы тот факт, что Цион что в небоскребе Стронга, что под иорданским солнцем выглядит одинаково. А вот Абдулла и Рэйфорд были похожи в своих хламидах на уроженцев Ближнего Востока. Цион же больше походил на помятого жизнью профессора.

— Кто ваш пилот? — спросил эмэсовский охранник.

Цион кивнул на Абдуллу, и их повели к вертолету. Как только они оказались в воздухе, Рэйфорд связался с Хлоей (она находилась в Греции).

— Ты где? — спросил он.

— Мы на дороге, пап, но тут у нас не все в порядке. Маку пришлось запускать двигатель без ключа зажигания, провода закорачивать.

— А Чань не сказал парню, чтобы тот оставил ключи?

— Сдается, что нет. А Мака ты знаешь. Он намерен выскочить и поймать какую-нибудь эмэсовскую попутку, пока мы спокойненько въедем в город, пытаясь выдать себя за представителей Нового Вавилона, которым поручено наблюдать за рейдами иегудайтов.

— Ты готова?

— Ты спрашиваешь? А чего же ты тогда не заставил меня остаться в Чикаго, с семьей? И что ты тогда за отец?

Он понимал, что она шутит, но не смог рассмеяться в ответ.

— Не заставляй меня пожалеть об этом.

— Не бойся, пап. Мы не вернемся без Себастиана.

* * *

Когда Абдулла увидел вдали Петру, Хаим стоял на возвышении в окружении четверти миллиона человек, да еще другие три четверти столпились снаружи. Они махали вертолету. Для посадки был подготовлен большой ровный участок. Когда вертолет начал садиться, люди стали прикрывать лица и рты от поднявшейся пыли. Когда двигатель замолк и пыль осела, толпа разразилась аплодисментами, и под рев приветствий Цион вышел и застенчиво помахал рукой.

— Доктор Цион Бен-Иегуда, наш учитель, наставник и человек Божий! — провозгласил Хаим.

Рэйфорд и Абдулла незаметно спустились и сели на скалистый выступ поблизости. Цион успокоил толпу и начал:

— Возлюбленные мои братья и сестры во Христе, который есть Мессия, Спаситель и Господь наш! Позвольте мне прежде всего выполнить мое обещание друзьям и развеять здесь по ветру прах мученицы, погибшей за веру.

Он достал из кармана маленькую урну и снял крышку, пустив содержимое по ветру.

— Она победила его кровью Агнца и своим свидетельством, ибо не дорожила своей жизнью, а пожертвовала ею.

Абдулла ткнул Рэйфорда локтем и поднял взгляд. Вдалеке послышался гул двух бомбардировщиков. Через пару секунд люди тоже их заметили, и толпа зашепталаась.

* * *

Новый Вавилон. Чань сидел, сгорбившись, над своим компьютером, глядя прямую передачу из кабины одного из бомбардировщиков. Одновременно Чань слушал, что происходило в кабинете Карпати при помощи установленного там жучка. Было понятно, что Леон, Вив, Сухайль и секретарша

Карпати собирались вокруг монитора в кабинете potentата.

— Цель захвачена, готов, — сказал один пилот. Второй продублировал.

— Есть! — пронзительно закричал Николае. — Есть!

* * *

Цион воздел руки.

— Не страшитесь, возлюбленные, ибо Господь Авраама, Исаака и Иакова верно обещал нам, что мы будем приведены в убежище, в которое не проникнет ни враг, ни его сын! — Ему пришлось переждать, пока самолеты пройдут над ним и исчезнут вдалеке.

* * *

— Да! — вопил Николае. — Пройдите над ними, затем возвращайтесь и сбрасывайте бомбы!

* * *

Когда боевые самолеты вернулись, Цион сказал:

Осквернение

— Падите вместе со мной на колени, опустите головы и откроите свои сердца Богу, уверуйте в Его обещание, что царство, и власть, и величие царства будут дарованы народу святых Всевышнего, царствие Которого превыше всех царств и Коему не будет конца.

Рэйфорд опустился на колени вместе со всеми, но не сводил взгляда с бомбардировщиков. Когда они снова появились в пределах слышимости, они одновременно сбросили свой груз на возвышенность, в эпицентр миллионной коленопреклоненной толпы.

* * *

— Да-а-а! — проревел Карпати. — Да! Да! Да! Да!

ЭПИЛОГ

«Итак, веселитесь небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море, ибо к ним сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени».

Откровение 12:12

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerreyjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арапата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остроюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ОСТАТОК

ДЕСЯТЫЙ РОМАН
ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

В десятом романе серии «LEFT BEHIND®» — «Остаток» — люди, бежавшие из Иерусалима, собираются в древнем городе Петра, надеясь укрыться от гнева Антихриста. Однако Николае Карпати твердо намерен истребить Остаток народа Божьего, для чего приказывает начать атаку на последнее убежище верующих. Согласно пророчеству период его правления заканчивается, и события саги стремительно приближаются к главному сражению Апокалипсиса.

Заказать книгу «ОСТАТОК» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ОСКВЕРНЕНИЕ

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Перевод *Н. Некрасовой*
Консультант *А. Коныхова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Немцева*

Подписано в печать 29.12.11 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика»
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 16,64.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт"
Logotpas Company
www.baltoprint.ru

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобретать наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ
ПОЗНАТЬ
НЕПОЗНАННОЕ

Тайная власть – это власть Света и Тьмы, Белой и Черной магии, власть Космоса, власть невидимых миру сил. Газета рассказывает об этом и о том, как отличить истину от лжи в пророчествах всевозможных колдунов; на ее страницах ведут разговор известные астрологи, биотерапевты, экстрасенсы. Вы узнаете о влиянии звезд на вашу судьбу, получите советы, как быть здоровым без лекарств, как отвести беду, как выбрать спутника жизни.

**Реклама: (495) 780-5757
Продажа: (495) 780-5353
www.tainaya.ru**

Издательство «Книжный Клуб Книговек»
предлагает

ГУСТАВ МАЙРИНК
В четырех томах

Австрийский писатель-экспрессионист, драматург и переводчик Густав Майринк (1868—1932) по праву считается одной из наиболее загадочных фигур в литературе XX столетия. Судьба Майринка-художника неотделима от самого мистического города в Европе — Праги. Произведения Франца Кафки и Густава Майринка снискали пражской литературной школе мировую известность и неувядающую славу.

Причудливые творения Майринка — попытки провести границы между вымыслом и реальностью. Подобно судьбам героев Майринка, его судьба загадочна и полна таинственных знаков и мистических происшествий.

В четыре тома наиболее полного за всю историю издания Майринка на русском языке Собрания сочинений вошли все его романы и исчерпывающее большинство рассказов.

*Приобрести издания Книжного клуба «Книговек»
можно по телефону: (495) 737-04-80, или по адресу:
127206, г. Москва, а/я 24, «Книжный Клуб Книговек».
Также вы можете заказать книгу в интернет-магазине
на сайте www.terra.su*

ОСКВЕРНЕНИЕ— девятый роман саги «LEFT BEHIND®», в котором действие вновь переносится в Иерусалим. Николае Карпати готовится осквернить иерусалимский Храм, восстановление которого когда-то ознаменовало начало семилетнего периода Скорби.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идеиний вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Дико популярно и чрезвычайно противоречиво».

USA TODAY

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли»

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Саспенс в духе Тома Клэнси,
чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech
и ссылки на Библию —
в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0451-3

9 785422 404513

www.Leftbehind.ru